

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2018
2 (36)

Ψλ

**Институт
Языкознания**
Российской академии наук

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2018
2 (36)
Москва

JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

2018
2 (36)
Moscow

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
НОУ ВПО «МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ»

Регистрационный ПИ № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911

DOI: 10.30982/2077-5911

Подписной индекс Роспечати 37152

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Тарасов Евгений Федорович, главный редактор, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Уфимцева Наталья Владимировна, заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Балаяникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, ответственный секретарь, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова, Москва (Россия)

Маховиков Денис Викторович, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора общей психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Митирева Любовь Николаевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Степанова Анна Александровна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород (Россия)

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Южно-Казахстанского государственного педагогического института, Чимкент (Казахстан)

Залевская Александра Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московской международной академии, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор Вьетнамского института лексикографии и энциклопедий Вьетнамской академии общественных наук, Ханой (Вьетнам)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Мягкова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных, социальных и естественнонаучных дисциплин Тверского института экологии и права, Тверь (Россия)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры методики обучения лиц с ограниченными возможностями, Хайфский университет, Хайфа (Израиль)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, Воронеж (Россия)

Терентий Ливиу Михайлович, кандидат политических наук, ректор Московской международной академии, Москва (Россия)

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета (Россия)

Чжао Цюе, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета Китая, Харбин (Китай)

Черниговская Татьяна Владимировна, доктор биологических наук, доктор филологических наук, профессор, заведующая лабораторией когнитивных исследований и кафедрой проблем конвергенции естественных и гуманитарных наук СПбГУ, Санкт-Петербург (Россия)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; заведующая кафедрой истории и типологии языков и культур Новосибирского государственного университета, Новосибирск (Россия)

Шаховский Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

г. Москва 2018

© ФГБУН Институт языкознания РАН, 2018

© ОЧУ ВО «Московская международная академия», 2018

© Авторы, 2018

Подписано в печать 25.06.2018. Формат 70x100/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 14,5 Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru

COFOUNDERS:

INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW INTERNATIONAL ACADEMY

Registration number № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911

DOI: 10.30982/2077-5911

EDITORIAL BOARD

Evgeny F. Tarasov, chief editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Ufimtseva, deputy editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, executive secretary, Candidate of Philology, Editor of the Publishing Department of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Sechenov Moscow State Medical University, Moscow (Russia)

Denis V. Makhovikov, Candidate of Philology, Researcher, Department of General Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Lubov N. Mitireva, Candidate of Philology, Head of Foreign Languages Department Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Anna A. Stepanova, Candidate of Philology, Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Neuropsychology, Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod (Russia)

Valery Z. Demyankov, Doctor of Philology, professor, deputy director of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, South Kazakhstan State Pedagogical Institute, Shymkent (Kazakhstan)

Alexandra A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Professor, Department of English, Tver State University, Tver (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of English Philology, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of the Moscow International academy, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Vietnam Institute of Lexicography and Encyclopedia, Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi (Vietnam)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, the University of Rochester, Rochester (USA)

Elena Yu. Myagkova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Humanities, Social and Natural Sciences, Tver Institute of Ecology and Law, Tver (Russia)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Learning Disabilities, Haifa University, Haifa, (Israel)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Fedor B. Polyakov, Doctor, Professor, Director of the Institute of Slavic Studies, the University of Vienna, Vienna (Austria)

Iosif A. Sternin, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of General Linguistics and Stylistics, Voronezh State University, Voronezh (Russia)

Liviu M. Terenty, Candidate of Political Science, Rector of the Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Elena V. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language as a Foreign, South Ural State University (Russia)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogics, Professor, Director of the Institute of Slavic Languages, Harbin Pedagogical University of China, Harbin (China)

Tatiana V. Chernigovskaya, doctor of Philology and Biology, Professor of St. Petersburg State University, Head of Laboratory for Cognitive Studies, Deputy Director-Coordinator of the Cognitive Branch of Kurchatov Institute, Saint-Petersburg, Moscow (Russia)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History and Typology of Languages and Cultures, Novosibirsk National Research State University, Chief Researcher of the Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia)

Viktor I. Shakhovskiy, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Scientific journal of theoretical and applied research.
4 issues per year. The journal has been published since 2003.
All rights reserved.

The materials of the journal may not be translated or copied in whole or in part without the written permission of the publisher, except for brief excerpts in connection with reviews or scholarly analysis.

Moscow, 2018
© Institute of linguistics of Russian academy of sciences, 2018
© Moscow International Academy, 2018
© Authors, 2018

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Поздравления с юбилеем

- Стернин И.А.** (*Воронеж, Россия*) О дифференциации некоторых информационных понятий (жизненно-лингвистические наблюдения) 14

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Бойко Б.Л.** (*Москва, Россия*) Эвфемизмы и дисфемизмы как способы преодоления табу (на материале художественных и мемуарных текстов о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.) 19

- Бубнова И.А., Казаченко О.В.** (*Москва, Россия*) Культурные константы русского образа мира на современном этапе развития общества 28

- Журавлев И.В., Журавлева Ю.В.** (*Москва, Россия*) Слово и объект (возможна ли бессловесная мысль) 42

- Мардиева Л.А.** (*Казань, Россия*) Визуально-коммуникативный портрет личности: экспликация результатов восприятия и осмысления видимого 58

- Никulichева Д.Б.** (*Москва, Россия*) Изучение лингводидактических стратегий полиглотов – к разработке теории полиглотики и практики ее применения 70

- Овчинникова И.Г.** (*Пермь, Россия*) Синтагматические сбои в русской речи: интерпретация в свете актуальных моделей ментального лексикона 84

- Пильгун М.А.** (*Москва, Россия*) Психолингвистический анализ медиаконтента в мультимодальном аспекте: протестные коммуникации & большие данные 99

- Устьянцева Е.В.** (*Красноярск, Россия*) Базовые ценности жителей Приенисейской Сибири (осознаваемый и неосознаваемый уровни языкового сознания) 118

- Чернышова Е.Б.** (*Борисоглебск, Россия*) Оценочные ассоциативные доминанты русского языкового сознания: динамический аспект 127

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ

- Бутакова Л.О., Гуц Е.Н., Орлова Н.В.** (*Омск, Россия*) Проект «Региональное языковое сознание: возрастной аспект» 146

- Пешкова Н.П.** (*Уфа, Россия*) Проект «Психолингвистика текста. Текст и его смысл: региональные исследования в русле школы А.И. Новикова» 168

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ШТУДИИ

- Иоанесян Е.Р.** (*Москва, Россия*) Способы номинации разочарования в языке 182

Трибуна молодых ученых

- Бентя Е.В.** (*Новосибирск, Россия*) Иноязычные единицы в языковом сознании носителей русского языка (на материале ассоциативных баз данных РАС, ЕВРАС И СИБАС) 196

Хоменко А.Ю. (<i>Нижний Новгород, Россия</i>) Лингвистическое моделирование как инструмент выявления искажений речевых навыков автора письменного речевого произведения: опыт практического исследования	209
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Всероссийская научная конференция «Жизнь языка в культуре и социуме-7» Москва, 01–02 июня 2018 г.	227
---	-----

Резолюция конференции «Жизнь языка в культуре и социуме-7», Москва, 1-2 июня, 2018	228
--	-----

OUR ANNIVERSARIES

- Iosif A. Sternin** (*Voronezh, Russia*) On the Differentiation of Some Information Concepts (Life-and-linguistic Observations) 14

THEORETICAL AND EXPERIMENTAL STUDIES

- Boris L. Boyko** (*Moscow, Russia*) Euphemisms and Dysphemisms as Ways to Overcome Taboos (A Case Study of Literary Texts and Memoirs about the Great Patriotic War of 1941-1945) 19
- Irina A. Bubnova, Oksana V. Kazachenko** (*Moscow, Russia*) Cultural Constants of the Russian Image of the World at the Present Stage of Society Development 28
- Ignaty V. Zhuravlev, Julia V. Zhuravleva** (*Moscow, Russia*) Word and Object (Does Wordless Thought Exist?) 42
- Leyla A. Mardieva** (*Kazan', Russia*) Visual Communicative Profile of a Person: Explication of Visible Information Percept and Comprehension Results 58
- Dina B. Nikulicheva** (*Moscow, Russia*) Studying Language Learning Strategies of Polyglots: The Theory of Polyglottery and its Practical Application 70
- Irina G. Ovchinnikova** (*Perm', Russia*) Syntagmatic Mistakes in Russian Speech in the Aspect of the Mental Lexicon Structure 84
- Maria A. Pilgun** (*Moscow, Russia*) Psycholinguistic Analysis of the Media Content in the Multimodal Aspect: Protest Communications & Big Data 99
- Elena V. Ustyantseva** (*Krasnoyarsk, Russia*) Basic Values of Residents of the Yenisei Siberia (Realized and Unknown Levels Language Consciousness) 118
- Elena B. Chernyshova** (*Borisoglebsk, Russia*) Evaluative Associative Dominants of Russian Language Consciousness: The Dynamic Aspect 127

PSYCHOLINGUISTIC PROJECTS IN THE REGIONS OF RUSSIA

- Larisa O. Butakova, Elena N. Guts, Natalia V. Orlova** (*Omsk, Russia*) The Project «Regional Language Consciousness: The Age Aspect» 146
- Natalia P. Peshkova** (*Ufa, Russia*) The Project: “Text Psycholinguistics. Text and Its Sense: Regional Investigations the Novikov School” 168

PHILOLOGICAL STUDIES

- Yevgeniya R. Ioanesyan** (*Moscow, Russia*) Naming of Disappointment In Language 182

YOUNG SCHOLARS' STUDIES

- Yevgeniya V. Bentya** (*Novosibirsk, Russia*) Foreign Elements in Language Consciousness of Russian Native Speakers (A Case Study of Associative Databases of Ras, Evras, and Sibas) 196
- Anna Yu. Khomenko** (*Nizhny Novgorod, Russia*) Linguistic Modeling as a Tool for Detecting Distortions in Speech Skills of a Written Work Author (A Case Study) 209

Content

SCIENTIFIC LIFE	
Academic Scientific Conference Life of Language in Culture and Society –7, Moscow, June 1-2, 2018	227
Resolution of the Conference Life of Language in Culture and Society – 7, Moscow, June 1-2, 2018	228

Псих

Дорогой Иосиф Абрамович!

Поздравляем Вас со славным юбилеем, желаем здоровья и бодрости!

У Вас, дорогой Иосиф Абрамович, устойчивая слава Моцарта отечественной психолингвистики. Вам судьбой было суждено научное поприще, Вы превратили его в ристалище получения Истины, несущей счастье людям. По древу Теории речевой деятельности растеклись Ваши мысли – фундаментальные и неопровержимые.

Вы добрый Нестор, который отеческой рукой вручил факел знаний юницам и юношам, именуемым студентами и аспирантами.

Желаем Вам неистощимого творческого вдохновения и радости жизни!

Московские психолингвисты

Уважаемый Иосиф Абрамович!

Коллектив преподавателей, сотрудников и студентов ФГБОУ ВО Борисоглебского филиала «Воронежского государственного университета» сердечно поздравляет Вас со знаменательным и важным событием – юбилейным Днем рождения!

Многие годы нас связывают профессиональные и общественные узы, научные и дружеские контакты, позволяющие оценить и многогранность Вашей личности, глубину, масштабность научных интересов и неиссякаемость творческих возможностей.

Вы полны сил, энергии, серьезных творческих планов, источник которых – красиво, ярко прожитые годы, отданные обучению и воспитанию молодежи.

Ваш вклад в подготовку научных кадров невозможно переоценить. Как повезло сотням студентов, аспирантов, докторантов, нам, Вашим коллегам, которым Вы дарите роскошь общения с Вами! В Вас удивительно сочетаются интеллигентность, эрудиция, остроумие!

Этапы Вашего благородного пути Служения науке являются примером для молодежи. Сколько ее, прошедшей Вашу школу, успешно работает теперь рядом с Вами, во многих вузах страны и за рубежом!

Мы горды тем, что работаем рядом с Вами, истинным ученым, глубоким знатоком лингвистики, пропагандистом русского языка и культуры. Здоровья Вам! Талантливых учеников и верных помощников! Удачи во всех творческих начинаниях!

29 апреля 2018 года

*Коллектив Борисоглебского филиала
Воронежского государственного института*

Иосиф Абрамович Стернин – директор Центра коммуникативных исследований Воронежского государственного университета, профессор кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, доктор филологических наук, заслуженный деятель науки РФ.

И.А. Стернин также:

- зам.председателя Российской ассоциации исследователей, преподавателей и учителей риторики;
- член совета Российской психолингвистической ассоциации;
- президент Воронежской риторической ассоциации;
- председатель Воронежской психолингвистической ассоциации;
- председатель Воронежской ассоциации экспертов-лингвистов;
- член международной прагмалингвистической ассоциации;
- член Международной ассоциации прикладной психолингвистики;
- член общества научно-технического и культурного сотрудничества с Германией;
- член Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам;
- член Экспертного совета по применению законодательства о рекламе при Воронежском УФАС РФ;
- заместитель председателя общественного консультативного совета по русскому языку в сфере публичного использования при Воронежской областной думе;
- член союза журналистов России.

Научные интересы И.А. Стернина: теория языка, контрастивная лингвистика, когнитивная лингвистика, теория речевой коммуникации, риторика, речевое воздействие, коммуникативное поведение народов мира, психолингвистика, язык и мышление, лингвокриминалистика, психолингвистическая лексикография.

Иосиф Абрамович является автором более 1300 публикаций, из них в иностранных изданиях – более 60, монографий – 38; учебных и методических пособий для вузов и средней школы – более 200. Редактор более 200 научных изданий.

И.А. Стернин является членом редколлегий научных журналов.

1. Вопросы психолингвистики (Институт языкознания РАН).
2. Вестник ВГУ. Филология и журналистика (Воронежский университет).
3. Язык, словесность, культура (Аналитика-Родис).
4. Экология языка и культура речи (Институт филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета).
5. Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты (Сочинский университет).
6. Вестник Киевского национального лингвистического университета. Серия «Филология».
7. Коммуникативные исследования (Омский университет).
8. Вестник Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева. Серия: Новые гуманитарные исследования.
9. Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика.

10. Социально-гуманитарные знания. (Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова).

11. Верхневолжский филологический вестник (Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского).

12. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания.

Под руководством И. А. Стернина защищено 90 кандидатских и докторских диссертаций.

Работа за рубежом:

1. 1987-1989 – доцент Института славистики университета им. М. Лютера (ГДР).

2. 1992 – научная стажировка в Университете им. М. Лютера (ФРГ).

3. 1995-1996 – профессор Института славистики Университета им. М. Лютера (ФРГ).

4. 1999 – чтение лекций в университетах Копенгагена, Орхуса (Дания), Ювяскюля (Финляндия), университете им. М. Лютера (ФРГ).

5. 2001 – научная командировка в университете Ювяскюля (Финляндия).

6. 2002 – чтение лекций в университете Ювяскюля (Финляндия).

7. 2003 – научная командировка в университет им. М. Лютера (Германия).

8. 2004 – чтение лекций в Варшавском университете (Польша).

9. 2006 – чтение лекций в Варшавском университете (Польша) и в университете Хельсинки.

10. 2007 – чтение лекций в Венском университете (Австрия)

11. 2007 – научная командировка и чтение лекций в университете им. М. Лютера (Германия)

12. 2008 – научная командировка в Варшавский университет.

13. 2014 – научная командировка в Бишкекский славянский университет (Киргизия).

Иосиф Абрамович постоянно ведет большую научно-методическую и просветительскую работу по пропаганде русского языка, повышению культуры речи и культуры общения в Воронежской области. Он инициатор и автор программы и комплекса учебных пособий по предмету «Культура общения» для средней школы, который с 1997 г. введен во всех школах Воронежской области как региональный предмет; организатор системы подготовки в Воронежской области учителей по данному предмету. С 2002 г. И.А. Стернин является руководителем Воронежской «Службы русского языка», автором и ведущим еженедельной радиопередачи «Территория слова».

УДК 81'373 DOI: 10.30982/2077-5911-2-14-18

**О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ НЕКОТОРЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ
ПОНЯТИЙ
(ЖИЗНЕННО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ)**

Стернин Иосиф Абрамович

директор Центра коммуникативных исследований
Воронежского государственного университета
доктор филологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
394006, Воронеж, Университетская площадь, 1
sterninia@mail.ru

В связи с развитием интернета понятие информации в настоящее время стало толковаться весьма расширительно, особенно с распространением различных сайтов госучреждений и коммерческих организаций. Расширительное толкование информационных понятий приводит к многочисленным проблемам и недоразумениям, конфликтам в информационной и гражданско-правовой сфере.

В статье предлагается разграничение ряда важных информационных понятий, предлагается их уточнение и дифференциация. Показано, что сообщение на сайте о каких-либо изменениях в условиях обслуживания клиентов, сроках предоставления отчетов, изменении сроков и адреса подачи отчетов и т.д., об изменении финансовых условий обслуживания, изменении стоимости услуг, процентов по вкладам *не является информированием об этом клиентов*. Размещение информации на официальном сайте, как и реклама, направлена на *неопределенный круг лиц*. Это *размещение информации, обеспечивающее доступ к информации* потенциальным посетителям сайта, знающим о его существовании, имеющим к нему интерес и владеющим компьютером.

Рассматриваются и разграничиваются понятия *информирование клиента, размещение информации, обеспечение доступа к информации неопределенному числу лиц*.

Показано, что ни одно из этих понятий не равнозначно остальным и практика учреждений и организаций по подмене понятие *информирование клиента* понятиями *размещение информации, обеспечение доступа к информации неопределенному числу лиц* неправомерна.

Ключевые слова: информация, информирование клиента, размещение информации, обеспечение доступа к информации

Информационное общество, в котором мы сейчас живем, предполагает оборот огромного количества информации, которая затрагивает все стороны жизни общества и отдельного гражданина. Лишенный доступа к информации, современный человек оказывается не в состоянии адекватно действовать – ориентироваться в сфере услуг и потребления, ориентироваться и функционировать в гражданско-правовой сфере, выполнять свои гражданские и служебные обязанности.

Однако понятие информации в настоящее время стало толковаться весьма расширительно, особенно в связи с развитием интернета, распространением сайтов государственных и коммерческих организаций, появлением электронных СМИ, социальных сетей. Расширительное толкование информационных понятий приводит к многочисленным проблемам и недоразумениям, конфликтам в информационной и гражданско-правовой сфере. Ряд важных информационных понятий требует уточнения и дифференциации.

Об этом свидетельствуют жизненные наблюдения, простой жизненный опыт общения автора с различными государственными и частными организациями и компаниями.

Приведем примеры, когда в современной общественной практике требуется четкая дифференциация некоторых информационных понятий.

1. Государственное (например, налоговая инспекция, фонд социальной защиты, пенсионный фонд, управление юстиции и под.), которому граждане и организации должны в определенное время, по определенной форме, по определенному адресу и в определенные сроки подавать некоторые сведения (отчеты), изменяет условия подачи этих сведений – срок, адрес, форму подачи сведений, не сообщая об этом своим клиентам, а размещая об этом информацию на своем ведомственном сайте. Соответствующая организация объясняет своим клиентам в ответ на претензии, что она их *своевременно информировала об изменениях путем размещения информации на своем сайте*.

Является ли информация, размещенная на сайте организации, *информированием* ее клиентов?

2. Коммерческие организации изменяют условия обслуживания своих клиентов, не предупреждая их об этом, а вывешивая информацию об этом на своих сайтах (кстати, зачастую ее там найти крайне сложно и далеко не любой пользователь компьютером может даже при большом желании это сделать).

Например, сотовые компании изменяют условия договоров, повышают стоимость услуг и размещают эту информацию на своем сайте – *«мы информировали всех клиентов на своем сайте»*.

Банк не сообщает, что вклад клиента закончился и теперь вместо 6% он будет получать доход 0,1% – *«об этом мы информировали всех клиентов на нашем сайте, смотрите наш сайт»*.

Является ли это *информированием* клиентов?

Что представляет собой информация, размещенная на общедоступном сайте?

Сообщение на сайте о каких-либо изменениях в условиях обслуживания клиентов, сроках предоставления отчетов, изменении сроков и адреса подачи отчетов и т.д., об изменении финансовых условий обслуживания, изменении стоимости услуг, процентов по вкладам *не является информированием об этом клиентов*. Это относится и к частным, и к государственным компаниям и организациям.

Размещение информации на официальном сайте, как и реклама, направлена на *неопределенный круг лиц*. Это *размещение информации, обеспечивающее доступ к информации* потенциальным посетителям сайта, знающим о его существовании, имеющим к нему интерес и владеющим компьютером.

Нам представляется совершенно очевидным: *информирование* клиентов предполагает, что информация клиентам сообщена *адресно* – адресной рассылкой по личному почтовому адресу, сообщением по СМС, телефону или эл. почте о факте произошедших изменений либо о необходимости посмотреть сайт или другой общедоступный источник, позвонить по телефону и т.д., чтобы получить необходимую информацию о произошедших изменениях. В данном случае это будет *информирование*.

Примеры *информирования*:

- ЖКХ сообщает об изменениях на рассылаемых квитанциях – это информирование (правда, информация должна быть указана крупно, а не через звездочку в примечаниях);
- банк сообщает клиентам о завершении действия карты клиента, завершении действия вклада – через СМС или по телефону, по электронной почте;
- мне позвонили, что придут завтра ко мне домой проверять счетчик;
- МЧС присылает СМС-сообщение об урагане или гололеде;
- Фонд социального страхования присылает сообщение по СМС об изменениях в форме отчета;
- сотовая компания сообщает через СМС о том, что у клиента закончились деньги на счету или «выработан» объем оплаченного интернета;
- клиентам фирмы, организации, учреждения персонально сообщено по телефону, через СМС или электронную почту, что на том или ином сайте размещена новая информация о произошедших изменениях в обслуживании.

Просто *размещение информации* где бы то ни было не является *информированием* клиентов. Информирование – это адресное сообщение конечному потребителю, адресованное конечному потребителю.

Наша практика показывает, что госорганы очень не любят сообщать о произошедших в их ведомстве изменениях, которые затрагивают требуемые от граждан отчеты, но очень охотно, быстро и адресно присылают штрафы за нарушение измененных ими правил.

Не надо ссылаться на то, что «*мы не можем сообщить каждому – вас слишком много*». В настоящее время от нас везде требуют предоставлять свои персональные данные – при заключении любого договора требуют все паспортные данные, адрес проживания, мобильный телефон, адрес электронной почты. Все фирмы и учреждения имеют полные персональные данные клиентов. Для чего они эти данные требуют? Почему их не используют для массовой рассылки сообщений об изменениях «правил игры»? И при этом их же постоянно и очень оперативно используют для персонального сообщения о штрафах за невыполнение каких-то изменившихся правил, а коммерческие организации – для постоянной рассылки рекламы и коммерческих предложений. Таким образом, нет никакой проблемы сообщить тем, **КОГО ОНИ ОБСЛУЖИВАЮТ**, что произошли изменения, и дать адрес, где эти изменения отражены. А потребители услуг будут знать, что надо посмотреть соответствующий сайт или публикацию.

Интересно, что госорганы, когда клиенты им предъявляют претензии, охотно ссылаются на правило «незнание закона не освобождает от ответственности».

Популярная ссылка на правило «незнание закона не освобождает от ответственности» в этом случае не действует, поскольку речь идет не о законах – уголовных или административных, принятых государством и действующих в обществе, а о ведомственных инструкциях, распоряжениях, касающиеся ограниченного круга людей – как правило, только клиентов.

Подчеркнем еще раз, что ссылка на то, что «мы вас информировали на нашем сайте», как показано выше, не выдерживает критики – размещение информации на ведомственном сайте делает информацию *доступной для неопределенного круга лиц*, но не является информированием клиентов.

Вообще-то, компании и организации, в том числе и государственные органы – для людей, для клиентов, а не наоборот. Хотя у них часто, видимо, другая точка зрения. Клиент не обязан каждое утро начинать с того, чтобы просматривать все сайты компаний и ведомств, деятельность которых может затронуть его интересы. Это их обязанность сообщить клиенту о произошедших изменениях.

Я, например, как руководитель некоммерческой организации, обязан представлять раз в квартал отчеты по определенной форме в налоговую инспекцию, фонд социального страхования, пенсионный фонд, управление юстиции; как физическое лицо, я пользуюсь услугами ЖКХ (электроснабжение, водоснабжение, газоснабжение и др.), стационарной телефонной связью, несколькими сотовыми операторами, общедомовой антенной, проводным радио, кабельным телевидением, услугами интернета, нескольких банков и др. Я не обязан и физически не могу каждый день отслеживать все сайты, которые есть у компаний и ведомств, которым я должен отчитываться или услугами которых я пользуюсь, чтобы выяснить, не внесли ли они какие-либо изменения в свои распорядительные документы, которые могут коснуться меня...

Деловая культура, эффективное управление, просто здравый смысл и элементарная порядочность предполагает, что любая организация должна в обязательном порядке адресно информировать своих клиентов о фактах изменениях в руководящих документах, распоряжениях, изменении форм отчета и сроков отчета и сообщать, где можно с этими изменениями ознакомиться.

Таким образом, *информирование* и *информация* – не одно и то же.

Распространение информации предполагает ряд последовательных этапов:

- Формулирование информации, создание информационного текста.
- Размещение информации в информационном источнике.
- Обеспечение доступа заинтересованным лицам к размещенной информации (компьютер, соответствующие программы, крупный шрифт, понятный пользователям русский язык и др.).

- Информирование конечных потребителей – адресное сообщение информации конечному потребителю.

Информирование, таким образом, – «конечный пункт» распространения информации, завершающийся *получением информации* – это факт личного обретения информационного сообщения.

Таким образом, применительно к информации, размещенной на сайтах, можно утверждать, что сайты *распространяют* информацию, делают ее *доступной неопределенному кругу лиц*, но не *информируют* конечных потребителей.

**ON THE DIFFERENTIATION OF SOME INFORMATION CONCEPTS
(LIFE-AND-LINGUISTIC OBSERVATIONS)**

Iosif A. Sternin

Director of the Center for Communication Studies
Voronezh State University
Doctor of Philology, Professor
Honored Scientist of the Russian Federation
394006, Voronezh, Universitetskaya Square, 1
sterninia@mail.ru

In connection with the development of the Internet, the concept of information has now become interpreted very broadly, especially with the proliferation of various sites of state institutions and commercial organizations. Expanding interpretation of information concepts leads to numerous problems and misunderstandings, conflicts in the information and civil-law sphere.

The article proposes the delineation of a number of important information concepts; their refinement and differentiation is offered. It is shown that a message on the site about any changes in the terms of customer service, the timing of the submission of reports, changes in the timing and address for submitting reports, etc., changes in the financial terms of service, changes in the cost of services, interest on deposits do not inform the customers.

The posting of information on the official website, as well as advertising, is aimed at an undetermined group of persons. It is that kind of posting that provides access to information for potential visitors of the site, who are aware of its existence, take interest in it and own a computer.

The concepts of informing the client, placing information, providing access to information to an indefinite number of persons are considered and delineated.

It is shown that none of these concepts is equivalent to the rest, and the practice of institutions and organizations to substitute the concept of informing the client by the concepts of placing information, providing access to information to an undetermined number of persons is illegal.

Keywords: information, informing the client, posting information, providing access to information

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81`27 DOI: 10.30982/2077-5911-2-19-27

ЭВФЕМИЗМЫ И ДИСФЕМИЗМЫ КАК СПОСОБЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТАБУ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И МЕМУАРНЫХ ТЕКСТОВ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941-1945 гг.)

Бойко Борис Леонидович

доктор филологических наук, профессор,
Военный университет МО РФ
123001, г. Москва, Большая Садовая, 14
borisboiko@gmail.com

Функционирование эвфемизмов в речи солдат и офицеров, принимающих непосредственное участие в боевых действиях, опирается на этнически укорененное в языке стремление не упоминать о реальной опасности и о ее крайнем проявлении – смерти человека на войне. Неназывание участниками боевых действий возможности трагического для себя исхода боя – смерти или тяжелого ранения, ведущего к смерти, основано на мифологических представлениях о мире духов зла, которым не следует напоминать о своем существовании. Бытованию эвфемизмов в речи противостоит тенденция натуралистического описания сцен смерти, использования дисфемизмов – откровенного названия того, что табуируется в ситуациях официального общения. В отличие от повседневного просторечия в языке официальных документов – извещений, используются нейтральные лексические единицы с семантикой законченности – погиб, умер от ран, пропал без вести. Художественные и мемуарные тексты о войне свидетельствуют о том, что во фронтовом просторечии для именованного врага служат эвфемизмы с семантикой обобщенности – *немец, фриц, он, они*, местоименные наречия *там и оттуда*, той же цели служат одноставные безличные предложения.

Ключевые слова: табу, эвфемизмы, дисфемизмы, повседневное речевое общение

*Как человека можно распознавать
по обществу, в котором он вращается,
так о нём можно судить и по языку,
которым он выражается.*

В. Гумбольдт.

Табу и эвфемизмы в повседневном речевом общении

Займствованное в русский язык из полинезийского тапу ‘священный, тайный’ через посредство французского *tabou* и английского *taboo* языков слово *табу* уходит корнями в систему верований первобытного общества, где означает запрет, налагаемый жрецами на какое-либо действие, слово или предмет, в современном значении используется обобщенно как запрет, запрещенное [Леонтьев А.А., 1990: 501].

В этносоциальном пространстве русского языка табу связано с магической функцией языка, с неназыванием того, что может изменить ход событий, несет

угрозу жизни человека, ср. смысл русской пословицы «Не буди лихо, пока оно тихо», где *Лихо* согласно мифологии славян – дух зла, одноглазая женщина-нежить, угрожающая жизни человека. В том же ряду табуированных объектов располагается то, что нельзя призывать упоминанием, чему можно напомнить о себе ненужными звуками, выдающими присутствие и что выражено в глаголе *накаркать* – навлечь, напророчить беду, несчастье беду себе или кому-л. [БТС 1998]:

Сам Финифатьев, намылившись, стоял в воде выше коленок и горсточками хватал воду, повторяя: «О-о-о, мамочка моя! Хоть вымыться перед смертью-то!..» – «Каркай больше!» – орал на него. (В. Астафьев. Прокляты и убиты).

Табу распространяется на темы смерти, угасания человека в ходе тяжелой болезни, проявляется в тенденции прибегать к эвфемизмам – словам и выражениям, замещающим понятия, на которые наложено табу: ср. умирает – *угасает, отходит, кончается*, умер – *опочил, уснул навеки, отошел в мир иной, приказал долго жить* и т.п. Табу затрагивает и тему похорон, где даже нейтральное литературное *хоронить* в исконно русском просторечии заменяется эвфемизмом. В 1970-е гг. мы нечаянно подслушали фрагмент диалога жителей Волочаевской улицы в Москве (Лефортово). Пожилая женщина обратилась к встретившимся ей знакомым с участливой фразой: «*Слышала, что старичка-то своего вы спрятали*». На свой вопрос женщина, видимо, ожидала подтверждение факта смерти, подробностей последних недель тяжелой болезни и похорон умершего. В ответе могло прозвучать *схоронили* – неловко было остановиться и дослушать ответ. Ср. у Лермонтова – «*Схоронили его за Москвой-рекой, на чистом поле промеж трех дорог*». Большой толковый словарь русского языка сопровождает слово *схоронить* пометой *разг.* (разговорное).

К табуируемым темам и средствам их выражения, по А.А. Реформатскому, относятся, наряду с упомянутой темой смерти, названия болезней, имена богов и духов, добываемых на охоте животных и того, что несет угрозу жизни человека, ср. герм. *бег* совр. нем. *Bär* (*der Braune* ‘бурый’), рус. медведь ‘тот, кто ест (ср. отвесть) мед’, боязнь грубых или неприличных выражений. Для нашей темы имеет особое значение цензурный запрет, касающийся упоминания наименований, составляющих предмет военной или дипломатической тайны, ср. наименования воинских частей, образованных от аббревиатуры *Н* – *энская воинская часть* [Реформатский 1996: 56-57]. Добавим в этот ряд эвфемизмов применявшееся в годы Великой Отечественной войны слово *хозяйство* в сочетании с фамилией соответствующего командира («*Хозяйство Иванова*», «*Хозяйство Петрова*», «*Хозяйство Сидорова*», т.е. расположение личного состава, боевой техники и тыловых служб воинской части, находящиеся под командованием названного офицера или генерала).

В целом, табу – социальный запрет на употребление в речи человека слов, выражений и собственных имен, заменяемых в речи описательными выражениями [Леонтьев А.А. 1990: 501]. В роли таких описательных выражений выступают эвфемизмы – эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными, ср. *уклониться от истины* ‘соврать’. Эвфемизмам противопоставлены дисфемизмы, средства замены эмоционально и стилистически нейтрального слова более грубым, пренебрежительным, даже вульгарным [Арапова 1990: 590].

Натурализм эпизодов войны. Эвфемизмы и дисфемизмы

Центральное место в картине войны отведено человеку, сценам его поведения в бою, стремлению выжить, противостоять смерти. В языковой картине мира участника Великой Отечественной войны превалирует чувственно-пространственная составляющая. Большая часть эпизодов (фрагментов картины мира) начального периода войны связана с описанием боевых действий в поле, в лесу, на обширном пространстве, на котором островками разбросаны деревеньки и села. Натурализм войны передан в описаниях убитых и раненых:

Чувствую под коленом какую-то упругость, ковырнул сапогом, оказалось, что подо мной тонким слоем земли присыпан убитый. Комбат сказал, что здесь вся местность усеяна трупами – и нашими, и немецкими. Хоронить некогда, да и негде, кругом болота (Новохацкий. Воспоминания командира батареи).

Между жизнью и смертью, между *живыми* и *мертвыми* (ср. наименование романа К. Симонова «Живые и мертвые») располагаются раненые – те, кто имеет шанс выжить, и те, у которых такого шанса явно нет:

Кто-то отстреливался, кто-то полз, волоча за собой кишки, кто-то кричал: «Не бросайте, братцы!» – и хватался за ноги... (Астафьев. Награда и муки. Как тот заречный огонек).

Предельно откровенны в своей натуралистичности эпизоды расстрелов военнослужащих на фронте, описание скорого суда и скорого же исполнения приговора:

Вытаскивает он из-за ремня свой наган, приставил к затылку лейтенанту, или кто там был. Выстрелил. Тот упал. Когда стреляют в затылок, тело падает не вперед и не назад, а вниз мешком. (Михеенков. В донесениях не сообщалось...).

Натуралистические описания эпизодов войны очевидцами, в которых находят применение средства с конкретной семантикой, ср. *трупы*, *убитые*, *погибшие*, на языке официальных документов и информационных сообщений замещаются эвфемизмами: *убитые* – ‘невозвратные потери’, *раненые* – в зависимости от степени ранения – ‘возвратные потери’. Стрельба из ручного огнестрельного оружия, из винтовки, например, *по движущимся предметам* – в контексте одного из описываемых фронтовиков эпизодов войны ни что иное, как эвфемизм:

Стрелял я еще, как говорят, «по движущимся предметам». Попадал или нет, кто знает. Дело прошлое, да простит мне Господь, что я стрелял в людей. А стрелял я хорошо. Видимо, попал... (Михеенков. В донесениях не сообщалось...).

Прибегая к эвфемии в ситуациях неофициального общения, человек ищет формы нетравмирующего описания жестокостей войны. Распространенное устойчивое словосочетание *не вернулся с войны* не раскрывает перед собеседником или читателем истинного положения вещей. *Не вернулся с войны* – это и *погиб в бою*, и *пропал без вести*. Эвфемия официальных текстов ограничена в выборе языковых средств. В ряду вариантов официальных извещений, которые комиссариаты или командиры воинских частей направляли по домашним адресам солдат и офицеров, не вернувшихся из боя, находим три основных – *убит*, *погиб*, *пропал без вести*. Дальнейшая детализация могла содержать информацию о том, когда и при каких обстоятельствах: *убит в воздушном бою*, *убит в боях с белофиннами*, *погиб при выполнении боевого задания*, *пропал без вести*, *был ранен и умер*, *пал смертью храбрых*. Извещения о смерти военнослужащего направляли также военно-меди-

Теоретические и экспериментальные исследования

цинские учреждения с формулировками: *был ранен и умер от ран* (извещение со штампом 438-го Отдельного медицинского батальона) [Похоронки Великой Отечественной войны]. Строка о месте захоронения была заполнена не во всех случаях.

Типология извещений обнаруживает вариативность. Часть их представлена типографскими бланками, предназначенными для заполнения рукой или на пишущей машинке. Например, извещение, отпечатанное на бланке в соответствии с формой 4, имело следующий текст:

Форма № 4

ИЗВЕЩЕНИЕ

Место для штампа

Ваш _____
(муж, сын, брат, военное звание)

_____ (фамилия, имя и отчество)

уроженец _____
(область, район, село или деревня)

В бою за Социалистическую Родину, верный военной присяге, проявив геройство и мужество, был _____
(убит, ранен и умер от ран)

похоронен _____

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии (Приказ НКО СССР № 220)

Командир части _____ Военный комиссар _____

С.С.С.Р.
Народный Комиссар Обороны
П Р О З Е Р Н Ы Й
Р А Й О Н Ы Й
Военный Комиссариат
№ 70844
с. Копево, Архангельской обл.

Форма 4

Извещение

Ваш Семь Сергей
(муж, сын, брат, военное звание),
Гурбин Анатолий Николаевич
(фамилия, имя, отчество)

Уроженец Краснодарской обл.
(область, район, деревня и село)

Привоз рин Кимовский 30
в бою за Социалистическую Родину, верный
воинской присяге, проявил геройство и му-
жество, был на фронте и пропал
без вести 23 марта 1943г.
убит, ранен и умер от ран

Холмск в М.А.Т. за Душесово
(место похорон)
р. им. Жарковой обл.

Настоящее извещение является документом
для возбуждения ходатайства о пенсии (при-
каз НКО СССР № 220-41 г.).

Приозерный райвоенком
Копево
интендант 3-го ранга М. И. (ЛЮБОВ)

В тех случаях, когда типографские бланки в штабе воинской части или в военном комиссариате отсутствовали, их текст воспроизводился разборчивым почерком от руки, подписывался и скреплялся гербовой печатью воинской части или военного комиссариата.

Дисфемизмы

По определению О.С. Ахмановой, дисфемизм – это «троп, состоящий в замене естественного в данной ситуации обозначения какого-либо предмета вульгарным, фамильным или грубым» [Ахманова 2004: 137]. Отходя от разрабатываемой нами военной темы, обратимся к материалам «Краткого тематического словаря современных эвфемизмов» М.Л. Ковшовой, где в качестве примеров дисфемии описываются полудисфемизмы, в частности, –усечение грубого выражения [Ковшова 2007].

Пример полудисфемии находим в отрывке из воспоминаний солдата-фронтовика:

Я был против того, чтобы мстить им тем же, что они у нас натворили. Помню, было... Заскочат наши в дом и из автоматов – по зеркалам! На столах, прости ты ... нагадят. (Михеенков. В донесениях не сообщалось...).

Примером полудисфемии может служить русский вариант французской песенки «Мальбрук в поход собрался», которую охотно распевали русские солдаты времен Отечественной войны 1812 года. Приведем первую строфу этой незамысловатой песенки, прибегая к синкопе – частичному искажению графического облика слова, относящегося к пласту просторечной и грубой лексики, за счет пропуска в данном случае одной буквы внутри слова:

Мальбрук в поход собрался, / Наелся кислый щей, / В походе о... / И умер в тот же день.

В предвоенные годы, в годы Великой Отечественной войны и какое-то время после войны песенка о Мальбруке, по крайней мере ее первый куплет, существовала в отечественном речевом обиходе. Возможно, она сохранилась в русском языковом сознании благодаря тексту «Мертвых душ», в частности сцене, где Ноздрев, развлекает своих гостей шарманкой, «не без приятностей играющей «Мальбрук в поход поехал».

Табу и эвфемизмы в художественных текстах о Великой Отечественной войне

Табуирование смерти и ее источников – врага, пуль и осколков снарядов, бомб и мин – находит выражение в речи участников боев и в превращенном виде или в форме вкраплений единиц просторечия используются в художественных или публицистических текстах (в последнем случае мы имеем в виду жанр репортажа военного корреспондента с места события). К единицам просторечия, которые заинтересованный читатель встречал или встретит в названных типах текстов, относятся лексические и грамматические средства, извлеченные из речи участников боевых действий и адаптированные к стилистике художественной и публицистической речи.

Табуирование в просторечии фронтовиков реализуется в неназывании врага с помощью этнонимов *немец* и *немцы*, подмене этих этнонимов обобщенными просторечными наименованиями в форме ед.ч. *немец* или местоимениями *он* и *они*. Наряду с просторечным этнонимом *немец*, не имеющим того же обобщенного зна-

чения в форме мн.ч. *немцы*, встречается просторечная единица *фриц*, не теряющая своего просторечного значения и в форме мн.ч. *фрицы*. Приведем фрагменты художественных текстов, в которых используются названные средства в функции синекдохи:

1) *немец* и *фриц* вместо форм мн. ч. *немцы*, *фрицы*, обобщенных, в свою очередь, в лексемах *враг*, *враги*:

– *Всё, пока фриц не очухался, действуйте. На берегу не застревать, в бой не ввязываться, у нас другая задача!* (В. Астафьев. Прокляты и убиты).

2) личные местоимения *он* и *они* – вместо *враг*, *немцы*, *фрицы*:

– *Он тебя согреет!* – *хохотнул в темноте прокуренный махорочный басок.* – *У него враз просохнешь.* (Г. Бакланов. Мертвые сраму не имут).

3) местоименные указательные наречия *там* и *оттуда*, замещающие наименования места наивысшей опасности для жизни человека на войне – передний край, в просторечии – *передок*. В этом случае автор повествования прибегает к одному из средств выделения единиц текста – разрядке:

– *Ну, как т а м?* – *спросил один, раненый в ногу.* – *Наступать фриц не думает?* (В. Кондратьев. Сашка).

Надо бы порадоваться, что стоит он живой на этом берегу, что достался ему обратный билет о т т у д а, с той, почти необратной дороги на передовую... (В. Кондратьев. Сашка).

4) односоставные предложения, в которых сказуемое выражено формами безличного страдательного залога и носитель действия предельно табуирован – не назван ни *немцем*, ни *фрицем*, ни опосредован местоимением *он*: В таких случаях используются односоставные неопределенно-личные предложения.

– *Товарищ капитан! Баранова вроде окружают!* – *доносится сзади голос Володи.* – *Видите?.. Слева заходят* (Ю. Бондарев. Незабываемое).

Заключение

Неупоминание в обыденной речи возможной гибели солдата или офицера в результате тяжелого ранения, ведущего к смерти, уходит корнями в мифологические верования русского, шире – индоевропейского этноса. Дисфемизмы свидетельствуют об иных ситуациях общения, в которых название неназываемого определяется намерением отправителя речи и даже поощряется ожиданиями участников общения.

В ситуациях официального общения, в частности, в текстах официальных извещений о смерти военнослужащего, в просторечии именовавшихся *похоронками*, используются социально одобренные лексические единицы нейтральной речи с семантикой законченности – *погиб*, *умер от ран*, *пропал без вести*.

Эвфемизмы военных лет включают лексические, в меньшей степени грамматические средства, они предназначены для означивания табуированных понятий, в форме, одобренной социальным контролем. Наиболее распространены лексические эвфемизмы, означающие противника: *немец*, *фриц*, местоимения *он*, *они*.

**EUPHEMISMS AND DYSPEMISMS AS WAYS TO OVERCOME
TABOOS (A CASE STUDY OF LITERARY TEXTS AND MEMOIRS ABOUT
THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941-1945)**

Boris L. Boyko.

Doctor of philology, Professor
Military University
Ministry of Defense Russian Federation
14, B. Sadovaja str, Moscow, Russia, 123001
borisboiko@gmail.com

The functioning of euphemisms in the speech of soldiers and officers participating directly in military operations is based on the desire, which is ethnically constructed in the language, not to mention the real danger and its extreme form – the death of a person in war. The combatants' denial of the possibility of a tragedy – death or a serious injury leading to death – is based on the mythological ideas about the existence of the evil spirits world that should not be reminded of its existence. The presence of euphemisms in speech is opposed by the tendency of a naturalistic description of death scenes, the use of dysphemism, a frank naming of what is tabooed in the official communication situations. Unlike everyday colloquial language in official documents-notices, neutral lexical units are used with the semantics of completeness, i.e. died, died of wounds sustained, disappeared. Literary texts and memoirs about war show that the euphemisms with the semantics of generality are used for the name of the enemy in the frontal colloquial language – German, Fritz, he, they, demonstrative pronouns there and from there, impersonal and one-part sentences serve the same purpose.

Keywords: taboos, euphemisms, dysphemisms, daily speech communication

References

- Arapova N.S.* (1990) *Evfemizmy // Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' /* Gl. red. V.N. Yartseva [Linguistic Encyclopedic Dictionary. Ed. by V.N. Yartseva] Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. Print. (In Russian).
- Ahmanova, O.S.* (1969) *Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of Linguistics Terms].* Moscow: Sovetskaya jenciklopedija. 608 P. Print. (In Russian)
- BTS: Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* (1998) / Sost i gl. red. S.A. *Kuznetsov.* [The Great Thesaurus of the Russian Language]. Saint-Petersburg: Norint. Print. (In Russian).
- Gumbol'dt V.* *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu: per. s nem.* [Alexander Von Humboldt, Selected Writings. Translated from German]. Moscow: Nauka. 239 P. Print. (In Russian).
- Kovshova M.L.* (2007) *Semantika i pragmatika evfemizmov. Kratkiy tematicheskiy slovar' sovremennykh evfemizmov: monografiya [Semantics and Pragmatics of Euphemisms: A Monograph].* Moscow: Gnozis. 320 P. Print. (In Russian).
- Leont'yev A.A.* (1990) *Tabu // Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' /* Gl. red. V.N. Yartseva. [Taboo // Linguistic Encyclopedic Dictionary. Ed. by V.N. Yartseva]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. Print. (In Russian).

Leont'yev A.N. (1975) *Deyatel'nost'. Soznaniye. Lichnost'* [Activity, Consciousness, and Personality] Moscow: Politizdat. 304 P. Print. (In Russian).

Pokhoronki Velikoy otechestvennoy voyny [Funerals of the Great Patriotic War]. Print. (In Russian).

Reformatskiy A.A. (1996) *Vvedeniye v yazykovedeniye / Pod red. V.A. Vinogradova* [An Introduction to Linguistics]. Moscow: Aspekt Press. 536 P. Print. (In Russian).

Sources of illustrative material

Astaf'yev V. (2007) *Proklyaty i ubity. Roman* [Cursed and Killed]. Moscow: Eksmo. Biblioteka Vsemirnoy Literatury. 832 P. Print. (In Russian).

Astaf'yev V.P. *Nagrada i muki. Kak tot zarechnyy ogonek.* Web. URL: https://www.e-reading.club/bookreader.php/92256/Astaf%27ev_-_Nagrada_i_muki.html

Baklanov G.Ya. (1974) *Mertvyye sramu ne imut / Izbrannoye* [The Dead Have No Shame. Selected Stories. 2nd Edition]. Moscow: «Mosk. rabochiy». 454 P. Print. (In Russian).

Bondarev Yu.V. (1973) *Nezabyvayemoye // Sobr. soch. v 4-t tomakh. T. 1* [The Unforgettable. In 4 Volumes. Vol.1]. Moscow: Molodaya gvardiya. Print. (In Russian).

Kondratiev V. (2009) *Sasha: the story.* Moscow: Eksmo. 352 P. Print. (In Russian).

Mikheyenkov S.Ye. (2009) *V donesenyakh ne soobshchalos'... Zhizn' i smert' soldata Velikoy Otechestvennoy. 1941-1945* [Never Reported. The Life and Death of a Soldier. On the Front Line. The Truth about War]. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf. 351 P. Print. (In Russian)

Novokhatskiy I.M. (2009) *Vospominaniya komandira batarei. Divizionnaya artilleriya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Memoirs of a Battery Commander. Division Artillery in the Great Patriotic War. On the Front Line. The Truth about War]. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf. 303 P. Print. (In Russian).

Pokhoronki Velikoy otechestvennoy voyny ["Killed in Battle" Notices].

УДК 81'23 DOI: 10.30982/2077-5911-2-28-41

**КУЛЬТУРНЫЕ КОНСТАНТЫ РУССКОГО ОБРАЗА МИРА
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА**

Бубнова Ирина Александровна

зав. кафедрой зарубежной филологии ГАОУ ВО МГПУ,
доктор филологических наук, профессор
129226 Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
aribubnova@gmail.com

Казаченко Оксана Васильевна

доцент кафедры зарубежной филологии ГАОУ ВО МГПУ,
кандидат филологических наук, доцент
129226 Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
kafedragf@mail.ru

Статья посвящена анализу динамики значения слова *свобода*, которое рассматривается, с одной стороны, с точки зрения его культурного содержания, а с другой – актуального смысла, представленного в индивидуальном *образе мира* современного молодого носителя русской лингвокультуры. Работа выполнена в русле психолингвистики, на стыке семантики, (нео)психолингвистики и (психо)лингвокультурологии. Существенное внимание уделяется основным характеристикам обсуждаемого феномена: его абстрактности, аксиологичности, символичности, а также его высокой значимости для русской культуры, в сфере которой *свобода* является одним из важнейших ключевых слов, обладающих высокой эмоциональной насыщенностью и обширным ассоциативным полем.

Динамика и сдвиги в современном содержании значения слова *свобода* исследуются комплексно: анализ данных толковых, энциклопедических и ассоциативных словарей, данных корпуса русского языка, чатов, блогов Интернета, употреблений слова *свобода* в средствах массовой коммуникации (СМК) дополняется анализом результатов, полученных в ходе собственных экспериментальных исследований. Такой подход к исследованию обусловлен психолингвистическим пониманием ассоциативного поля как фрагмента *образа мира* того или иного этноса, отраженного в сознании типичного носителя культуры, его мотивов, оценок и культурных стереотипов.

Проведенный анализ позволил доказать, что в значении слова *свобода* появляются и закрепляются новые компоненты, которые неуклонно вытесняют старые, что провоцирует достаточно серьезные изменения в индивидуальном *образе мира*. Основной вывод авторов, сделанный на основании полученных результатов, сводится к следующему: накопление изменений в *образе мира* определенного поколения в перспективе должно привести к кардинальным изменениям в этническом *образе мира* и в самой русской культуре. Таким образом, в работе намечаются возможные пути исследования динамики значения, что является актуальным для прогнозирования векторов развития современного социума и национальных культур.

Ключевые слова: изменения значения, свобода, образ мира, ценность, (нео)психолингвистика, ассоциативный эксперимент

Введение

В предисловии к первому изданию своей знаменитой книги Э. Фромм писал, что основное внимание в ней сконцентрировано «на одном аспекте, ключевом для культурного и социального кризиса наших дней: на значении свободы для современного человека» [Фромм 2016: 6]. Можно привести еще десятки высказываний, принадлежащих выдающимся философам, психологам, социологам, культурологам и отражающих их взгляды на ценность *свободы* для личности, которые, как нам представляется, сами по себе могли бы являться достаточно любопытным материалом для исследования. Однако для психолингвистов наибольший интерес представляет выявление смыслового содержания слова *свобода* в языковом сознании национально-этнического сообщества или отдельной социальной группы внутри него, что связано сразу с двумя факторами. Во-первых, неопределенность таких терминов, как *свобода*, *демократия*, *социализм*, *равенство* и т.д., необычайно значима в социальном аспекте: она позволяет использовать их для оказания влияния на людей, создания виртуальной реальности, практически не имеющей отношения к действительности, благодаря способности этих слов вызывать в сознании человека самые разные (в том числе конструируемые и направляемые извне) образы (см. подробнее об этом: [Лебон 1999]). Во-вторых, изменение значений таких слов в сознании даже небольшой группы, однако обладающей возможностью транслировать новые смыслы в общественное сознание, способно постепенно трансформировать национальную культуру посредством перестройки системы этических и нравственных ценностей народа. И этот факт является не менее значимым на современном этапе развития нашей страны, так как не является секретом, что сегодня в российском обществе существует значительное число сторонников концепции борьбы разных культур, полагающих, что многие национальные культуры в силу их неконкурентоспособности обречены на гибель либо на адаптацию с целью создания наиболее благоприятных условий для инноваций (см. об этом: [Ясин, Снеговая 2009]). Русская культура, по их мнению, стоит одной из первых в этом списке «обреченных на смерть», а поэтому призывы к скорейшему «выходу из гетто русского языка и русской культуры» [Яковенко: URL] посредством модернизации всего общества вслед за сравнительно узким слоем правящей элиты, осознающей необходимость коренных перемен, к принятию целого комплекса мер, направленных на размывание синкретических сущностей, транслируемых в сознание ребенка традиционной культурой, к изоляции тех маргиналов, которые продолжают ориентироваться ценностно на свой язык и культуру и, тем самым, противостоят доминирующей реальности (см. об этом подробнее: [Яковенко: URL]), сегодня органично сочетаются с практической деятельностью по изменению языковой системы, элементы которой в любом случае находятся в постоянном движении и трансформации, и, таким образом, переформатированию национального сознания. Говоря словами И.А. Ильина, идет постепенное овладение «русским народом через малозаметную инфильтрацию его души и воли» [Ильин 1993: 169], ведущее к размыванию его национальной идентичности и его *образа мира*.

Образ мира (по А.Н. Леонтьеву) – понятие, которое стало интегрирующим для описания всей феноменологии восприятия мира человеком, является сложной системой представлений об окружающей действительности, складывающейся в про-

цессе наполнения субъектом познания образа реальности значениями и, следовательно, отражающей познанные человеком объективные связи предметного мира и, через них, его восприятие. Отсюда очевидно, что изменение этого образа возможно, прежде всего, через изменение смыслового содержания слов, прежде всего тех, которые представляют собой культурные константы, цементируют этнос, обеспечивают непрерывность связи поколений. В нашей работе мы, опираясь на положения, разрабатываемые в новом направлении психолингвистики – (нео)психолингвистике [Бубнова, Красных 2014; (Нео)психолингвистика 2017], постараемся доказать, что с изменением компонентов значения меняется не только индивидуальное видение реальности, т.е. *индивидуальный образ мира*, но также в дальнейшем и национальное мировидение, т.е. *образ мира* определенного, в данном случае русского этноса.

Специфика слова свобода как элемента языковой системы и образа мира

Фраза «это сладкое слово *свобода*», являющаяся не просто фразеологизмом, а названием художественного фильма, вышедшего на экраны в 1972 году, знакома большинству представителей доперестроечного поколения, но практически неизвестна тем, кто родился в конце XX века (скорее они знают название фильма «Пятьдесят оттенков свободы», который в ближайшее время выходит в прокат). И это весьма символично, так как в прошлое уходят не только многие фразы, прецедентные феномены, нормы русского языка, но и многие смыслы, стоящие за значениями слов и веками хранимые культурой. Это замечание справедливо и для слова *свобода*, т.к. экспериментальные данные свидетельствуют о серьезных изменениях в его смысловом содержании, происходящих в последние десятилетия, что обусловлено кардинальными переменами в обществе, сменой его жизненных ориентиров или ценностей и изменением основ взаимоотношений людей в постперестроечный период.

Сразу отметим, что рассматриваемое понятие является необычайно сложным как с языковой точки зрения, так и в психологическом аспекте.

Во-первых, слово *свобода* относится к группе абстрактной лексики, которая не может определяться остенсивно, а поэтому каждая языковая личность (термин Ю.Н. Караулова) привносит в него свое «видение» или интерпретацию, сообразно личному накопленному жизненному опыту.

Во-вторых, словом *свобода* маркируется одна из высших ценностей, определяющих человеческую деятельность и поведение. А поскольку «мир ценностей локализован в сознании» [Бабаева 2004: 64], то изучение значений ценностей дает возможность более полно исследовать и сами ценности на основе антропологической парадигмы, принятой в современной лингвистике в диаде «язык-человек».

В-третьих, *свобода* представляет собой артефакт духовной культуры, т.е. смысл понятия, информация об опыте коллектива закодированы в символах: вещах, знаках, моделях поведения. *Свобода*, по словам Р. Барта, предстает как знак-символ и его «могучее, находящееся в постоянном движении содержание всё время как бы выплескивается за рамки формы» [Барт 1994: 24].

И, наконец, для русской языковой личности понятие *свобода* является одним из ключевых слов культуры, наряду с *правдой*, *справедливостью*, *добром*, *судьбой*, *тоской* и др. [Вежибickaя 1999; Степанов 2003; Шмелёв 2002], обладающих высокой эмоциональной насыщенностью и обширным ассоциативным полем.

Все вышеназванные характеристики и обуславливают важность всестороннего изучения этой трудноуловимой данности с ее понятийной, образной и ценностной стороны.

Методы исследования

Для выявления сдвигов в семантике слова *свобода* в сознании молодых представителей русской лингвокультуры нами был проведен комплекс исследований, включающий:

1) дефиниционный анализ статей энциклопедий и толковых словарей, а также исследование корпуса русского языка, что позволило выявить смысловое содержание слова *свобода*, которое было сформировано в культуре этноса и сохранялось в языковом сознании народа на протяжении длительного времени;

2) анализ данных ассоциативных словарей, в которых представлены реакции респондентов – носителей русской культуры, живших в разные периоды развития страны;

3) проведение собственных исследований (ассоциативных экспериментов) и анализ полученных экспериментальных данных;

4) анализ смыслового содержания значения слова *свобода* при его употреблении в Интернете на различных сайтах.

Всё это дало нам основания для выделения новых компонентов значения, которые, как мы полагаем, способны изменять индивидуальный *образ мира* представителя молодого поколения, а накопление таких изменений в течение определенного периода времени не может не влиять на *образ мира* всего этноса.

Дискуссия (обсуждение)

Анализ словарных статей в толковых словарях [Даль 1984; Ушаков 2000; Ожегов 1992; Евгеньева 1981; Лопатин, Лопатина 1990] позволяет выделить 4 основные составляющие значения слова *свобода*:

- 1) *способность действия по своему желанию,*
- 2) *отсутствие ограничений, стеснений, запрета вообще,*
- 3) *отсутствие ограничений, стеснений, запрета в политическом плане,*
- 4) *не нахождение в рабстве.*

Кроме того, в словаре под редакцией А.П. Евгеньевой добавляются еще несколько значений: *легкость, отсутствие затруднений; непринужденность, отсутствие связности; незанятое время, досуг* [Словарь русского языка 1981-1984].

Сразу необходимо подчеркнуть и еще один немаловажный, как нам представляется, факт: практически во всех исследованных нами словарях лексемы *свобода* и *воля* представляются как крайне близкие понятия, при этом отмечается, что в речи данные слова редко замещают друг друга (за исключением почти полной синонимии в лексике тюремной субкультуры). Поэтому для нас интересным и неожиданным оказалось толкование слова *свобода* в современном словаре синонимов как понятия *воли* и *вольности* [Александрова 1998: 393]. Можно предполагать, что в данном случае толковый словарь фиксирует изменения, произошедшие в смысловом содержании слова *свобода*, которые, как выяснилось в ходе проведенного нами анализа, подтверждаются и другими исследованиями, авторы которых доказывают, что в русском языковом сознании понятия *свободы* и *воли* различались на протя-

жении трех веков [Лисицын 1995], однако с начала XXI века они стали восприниматься как синонимы под влиянием современных художественных произведений, рекламы и средств массовой коммуникации (см. [Солохина 2004]. Более того, как особо подчеркивает А.Н. Солохина, на современном этапе развития общества изменилась иерархия компонентов значения слова *свобода*, которое сегодня ассоциируется, прежде всего, с «потребностью реализовать свои желания и стремления» [разрядка наша. – И.Б., О.К.] [Солохина 2004: 59].

Иными словами, сегодня для среднестатистического носителя русского языка *свобода* связана, прежде всего, с собственным я, что отражено и в определениях данного феномена, предлагаемых пользователями Интернета:

«состояние мира в душе вне зависимости от обстоятельств», «возможность делать что-то по-своему желанию», «человек волен сам выбирать, чем ему заняться», «стремление к свободе ... подсознательный инстинкт», «когда человек сам выбирает путь, куда ему идти», «это когда живешь по своим “законам” ... очень хорошо, когда эти законы совпадают с общепринятыми», «ответственность за себя и свою жизнь», «возможность выбора действия».

Очевидно, что в настоящее время в индивидуальном значении слова *свобода* доминируют компоненты *личная независимость; самоволие; отсутствие контроля; неограниченность в передвижении; отсутствие обязательств; возможность самостоятельно принимать решения*, появление и закрепление которых стимулируется и поддерживается текстами СМК и рекламы: *«Свобода отдышать. Свобода выбирать»* (S7 Airlines), *«Свобода от проблем. Свобода для жизни»* (Финансовая группа «ИФД Капиталь»), *«Свобода начинается с тебя»* (Мегафон), *«Свобода от жажды»* (Sprite), *«Свобода от боли в горле»* (Граммидин), *«Свобода слова»* (тариф Мегафон) и др.

Расширение значения слова и перестройка иерархии его компонентов фиксируются и в корпусах русского языка, где *свобода* трактуется как *«отсутствие ограничений, стеснений, запретов»* и употребляется в следующих сочетаниях: *свобода совести, вероисповедания, выбора, смерти, слова, печати, воли, выражения, политических взглядов, личности, убеждений, торговли* и т.д. Кроме того, у анализируемого слова появляется довольно широкий спектр атрибутивов, непосредственно связанных с реалиями современной жизни: *инвестиционная свобода, политическая свобода, академическая свобода, сексуальная свобода, полная свобода*.

Однако наиболее полную картину смысловых изменений в значении любого слова дают ассоциативные словари, регистрирующие даже единичные реакции респондентов, которые через какой-то промежуток времени могут стать ядерными, поэтому их данные в психолингвистических работах по изучению актуальных значений слов часто оказываются решающими.

Для нашего исследования современного значения слова *свобода* важным представляется проанализировать не просто один из таких словарей русского языка, а сравнить данные всех трех словарей, существующих на сегодняшний день. Необходимость такого анализа обусловлена тем, что работа над данным типом словарей была начата еще во второй половине XX века, то есть во времена Советского Союза, а значит изменения можно проследить на временном отрезке более чем 50 лет. Кроме того, сравнение результатов словарей с данными, полученными в ходе

собственных ассоциативных экспериментов, проведенных уже в 2016-2017 годах, дает возможность смоделировать направление развития *образа мира* молодых людей на современном этапе развития страны, поскольку «получаемое в результате проведения такого эксперимента ассоциативное поле того или иного слова-стимула – это не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании “среднего” носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, культурных стереотипов» [Уфимцева 2009: 98].

Следует отметить, что в Словаре ассоциативных норм русского (САНРЯ) и в Славянском ассоциативном словаре (САС) изучалось слово *свободный* как личностное состояние. Такой выбор авторов представляется вполне логичным, так как человеку при актуализации его индивидуального сознания «ближе» оказывается качественное прилагательное *свободный*, чем абстрактное существительное *свобода*. В нашей работе мы учитываем эти данные, однако для получения более точных результатов в ходе анализа выделяем общие и специфичные компоненты слов *свобода* и *свободный* (Таблице № 1).

Таблица 1

Сравнение значений слов **свобода** и **свободный**

СВОБОДА	СВОБОДНЫЙ
способность действия по своему желанию	пользующийся свободой
отсутствие ограничений, стеснений, запрета вообще	не затрудненный, беспрепятственный, непринужденный
отсутствие ограничений, стеснений, запрета в политическом плане	-
не нахождение в рабстве	-
-	незанятый
-	просторный

Словарь ассоциативных норм русского языка под редакцией А.А. Леонтьева дает следующие частотные реакции на стимул *свободный*: человек 175; день 75; вход 41; мир 36; диплом, занятый 25; народ 23; вечер 20; выбор 15; независимый 12; гражданин 9.

Все эти наиболее частотные реакции отражают основные значения анализируемого слова. Ярко выраженным является аксиологический компонент, просматривающийся в таких ответах, как *счастливый 5, хорошо дышать 3, как воздух 2, хорошо 2, от плохого 1* и другие. Необходимо отметить, что несмотря на большое количество антонимов (*связанный 5, несвободный 2, одинокий 2, тесный 2*), *свободный* выступает как положительная характеристика в жизнедеятельности человека. Кроме того, обращает на себя внимание наличие реакций, содержащих названия стран и континентов: *Африка 4, Америка 2, Куба 2*. Это, на наш взгляд, может объ-

ясняться спецификой политической жизни в стране (так называемым «железным занавесом», существовавшим до середины 80-х, связанным с ним недостатком объективной информации, стереотипами в сознании того времени) и в целом с обстановкой в мире. Ср. Америка – *свободная* страна, Куба – остров *Свободы*.

САС – это словарь, репрезентирующий реакции на слова-стимулы не только русских людей, но и других славян: украинцев, белорусов и болгар. В данном исследовании мы ограничимся ассоциатами только русского этноса, поскольку не располагаем собственными данными из других языков для сравнения. Итак, САС дает следующие ответы: *человек 141; ветер 44; полет 26; день 25; раб 21; счастливый 15; как ветер, народ 13; выбор, независимый 10; дух 8; вечер, птица 7; занятый, как птица, мужчина 6; вольный, зависимый, орел, тюрьма, я 5; заключенный, замкнутый, негр, урок 4; волк, вход, гражданин, мертвый, независимость, несвободный, парень, пес, путь, свобода, стиль 3; Америка, американец, бедный, брак, воля, занятой, клетка, крылья, легкий, мир, одинокий, простор, узник, ум, час 2.*

Обращает на себя внимание наличие символического компонента в слове *свободный*, выраженного в следующих реакциях, таких как *ветер 44; полет 26; как ветер, народ 13; как птица 6; орел 5; волк, пес 3; клетка, крылья 2*. Кроме того, на момент исследования (90-е годы XX века) появляется ассоциат *я 5*, что может свидетельствовать о выделении и постановки не просто человека, а именно себя в центр мироздания.

Русский ассоциативный словарь (РАС) предъявляет следующие результаты на слово *свобода*: *слово/слова 112; выбор/выбора 30; жизнь 24; воля/воли 21; счастье 16; независимость 15; равенство 11; полет, полная 10; совести, тюрьма 9; птица, человек 8; действий, мысли 7; личность 6; поле 5; анархия, ветер, демократия, мир, простор, статуя 4; воздух, Кипелов, Куба, моя, площадь, рай 3; freedom, во всем, дорога, каникулы, крылья, личная, народ, небо, улица, флаг, ответственность, прекрасно, радость, Родина 2.*

Важным нам представляется связь *свободы* и *слова*, являющаяся самой частотной реакцией, что говорит о возможности и способности выражать свои мысли открыто, вслух, что в принципе, отражает первое словарное значение исследуемого слова. Без *свободы* не мыслится бытие человека, о чем говорит третья по частоте реакция *жизнь 24* и *человек 8*, причем отметим, что ассоциативный словарь в этом случае отражает целостно-ценностную систему миропонимания этноса. *Свобода* как персональная ценность прослеживается в таких реакциях, как *личность 6, моя 3, личная 2* и как общественное благо – *равенство 11; демократия, мир 3; народ, флаг, Родина 2*. Обращает на себя внимание еще одна реакция, а именно ассоциат *freedom 2*. Причиной появления английского слова, написанного латиницей может вероятно быть индивидуальная внутренняя тесная связь родного (русского) и изучаемого (английского) языка, стремление показать свое знание иностранного языка и тем самым повысить свой социальный статус или добавление нового компонента в периферию значения слова *свобода*.

В нашем собственном экспериментальном исследовании, проведенном с целью уточнения направления развития индивидуального значения слова *свобода* в первые два десятилетия XXI века и выявления в нем новых смысловых компонентов приняли участие 58 респондентов (возраст участников – 17-25 лет)

– студенты и курсанты вузов г. Краснодара. В ходе ассоциативного эксперимента на стимул *свобода* были получены следующие реакции: *жизнь* 9; *полет* 5; *отдых, воля, независимость* 4; *счастье* 3; *время, природа, отпуск, небеса, гражданка, лес* 2; *деньги, холост, мир, забыта, за бугром, не обремененность, желание, совесть, анархия, улица, офигенно, море, удовольствие, радость* 1. Трое респондентов отказались отвечать.

Самой частотной реакцией стал ответ *жизнь* 9, что говорит не только о безусловной ценности *свободы*, но и о ее тесной связи с самой жизнью, которая без *свободы* не мыслится. Этот результат соотносится со словарным значением *отсутствие ограничений, стеснений, запрета вообще и не нахождение в рабстве*. Единичные реакции *свобода* и *свободно* наблюдались в САНРЯ в стимуле *жить*, близкому к *жизни*.

Однако для нас интерес представляли не частотные, а именно единичные реакции, формирующие периферию ассоциативного поля, т.к. именно они являются одним из наиболее информативных источников для анализа сдвигов в смысловом содержании значения. На этот факт указывали в своих работах многие исследователи (см. подробнее: Бубнова 2004, 2011, 2015; Залевская 2005; Мартинович 2008; Караулов 2000), причем они предлагали качественно исследовать ассоциативные поля, а не отдельные, пусть даже часто повторяющиеся реакции. Разделяя данную позицию, мы предприняли попытку, во-первых, соотнести единичные реакции с компонентами значения в словарях и, во-вторых, выделить ряд ассоциатов, не подходящих ни в одну из категорий.

Было выявлено, что самую большую группу составили реакции, имеющие значение *отсутствие ограничений, стеснений, запрета вообще* (34%), далее шел компонент *способность действовать по своему желанию* (27%). Небольшим числом ассоциатов характеризовались такие оттенки значения слова *свобода*, как *отсутствие ограничений, стеснений, запрета в политическом плане и не нахождение в рабстве* (сюда же мы включили нахождение в тюрьме и т.д.). Их результаты составили 4% и 13% соответственно. Таким образом, количество реакций, не подходящих под вышеозначенные значения составили 22%.

Отделив реакции, которые ассоциируются со словом *свобода* опосредовано или имеют личные непрозрачные связи, мы объединили оставшиеся реакции в смысловые группы.

Одной из самых объемных оказалась группа, отражающая семейные взаимоотношения, точнее, их «свободное» понимание. Сюда были включены такие реакции как *друг; любовь; муж; мужик; неженатый; холост; парень, девушка*. Эти реакции, на наш взгляд, ярко отражают современную динамику свободных, ничем не обремененных отношений и деградацию понятия семьи как социального института.

Следующую группу составили реакции *революция, республика и Франция*, «добавляющие» *свободе* воинственный характер, придающий ей оттенок «борьбы», а растущая агрессия в социуме подтверждает, как представляется, что такое понимание *свободы* становится все более распространенным.

И, наконец, еще одна группа была представлена ассоциативными реакциями, выражающими философское понимание «*свободы от*»: *от всего, от всего и всех*,

от обязанностей, от работы, почти, совершенно свободен, анархия. Данный компонент смыслового содержания индивидуального значения слова *свобода* отражает внутреннее стремление носителя языка к *свободе* от ответственности, к безнаказанности. И этот новый компонент убедительно свидетельствует о психологическом перерождении современного человека. З. Фрейд говорил, что многим людям свобода не нужна, поскольку она предполагает ответственность, а люди в основном ее боятся. Однако появление таких ассоциаций, на наш взгляд, свидетельствует скорее об обратном: об отсутствии страха и желании обладать полной, ничем не лимитированной, даже экзальтированной свободой. Примерами такой «свободы», которая позволяет молодым людям совершать самые страшные поступки, сегодня полна наша жизнь. И увеличение количества молодых людей, рассматривающих *свободу* как полное игнорирование общества, угрожает самому его существованию.

Резюме (выводы)

Проведенное исследование позволяет утверждать, что смысловое содержание значения слова *свобода*, являющееся аксиологически значимым понятием для культуры русского этноса, подвергается изменениям. Это обусловлено как чисто лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами, такими, как глобализация, увеличение темпа жизни, смена политического курса, объединение всего мира с помощью глобальной сети и т.д., причем именно последние играют ведущую роль в этом процессе.

Современное значение слова *свобода* расширяется, пополняется новыми компонентами, связанными, прежде всего, с отсутствием понимания сути демократии, стремлением к независимости, свободными отношениями между мужчинами и женщинами, с растущим желанием молодых людей обладать никем и ничем ограниченной свободой любой ценой (даже применяя насилие).

Исследование индивидуальных значений слов-ценностей как перспективное направление (нео)психолингвистики дает возможность не просто констатировать факт изменения значений слов. Такие исследования позволяют анализировать изменения индивидуального образа мира человека как представителя определенного поколения и, таким образом, моделировать изменения в образе мира этноса, а следовательно, делать прогнозы относительно путей развития современного социума.

Литература

Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. 9 изд., стер. М.: Рус. яз., 1998. 493 с.

Бабаева Е.В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологической картин мира: дисс. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 438 с.

Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

Бубнова И.А. Абстрактное имя и интеллект: когнитивная модель как отражение индивидуального ментального опыта. Минск: МГЛУ, 2004. 239 с.

Бубнова И.А. Культурный инвариант и индивидуальные варианты современного русского «образа мира» // Вестник ИрГТУ. 2011. № 3 (50). С. 197-202.

Бубнова И.А. Эволюция русской языковой личности // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. №3 (19). С. 34-42.

Бубнова И.А., Красных В.В. Человек и его образ мира как объект и предмет современных интегративных исследований: традиции и новации. Вестник МГПУ. Серия Филология. Теория языка. Языковое образование. 2014. № 4. С. 80-88.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 263-305.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х ч. Т. 4: Р-Т. М.: Рус. яз. 683 с.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.

Ильин И.А. О грядущей России: избранные статьи / Под ред. Н.П. Полторацкого. М.: Воениздат, 1993. 368 с.

Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. М., 2000. С. 191-206.

Лебон Г. Психология толп [Перевод / Предисл. И.В. Задорожнюка; Вступ. ст. В.Н. Дружинина]. М.: Институт психологии РАН, Издательство «КСП+», 1998. 412 с.

Лисицын А.Г. Анализ концепта свобода-воля-вольность в русском языке: дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 1995. 259 с.

Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Малый толковый словарь русского языка: Около 35000 слов. 2-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1993. 704 с.

Мартынович Г.А. Текст и эксперимент. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2008. 256 с.

(Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / [И.А. Бубнова, И.В. Зыкова, В.В. Красных, Н.В. Уфимцева]; ред. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2017. 387 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 53000 слов / С.И. Ожегов. 4-е изд., испр. и доп. М.: Азъ, 1997. 763 с.

Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. Т. I. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов. М.: АСТ-Астрель, 2002. 784 с.

Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. М., 2004. 792 с.

Словарь ассоциативных норм русского языка / [А.А. Леонтьев, А.П. Клименко, А.Е. Супрун и др.]; Под ред. А.А. Леонтьева; Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. 192 с.

Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981-1984. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.slovari.ru/default.aspx?p=240>. (дата обращения: 28.01.2018).

Солохина А.Н. Концепт «свобода» в английской и русской лингвокультурах: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 191 с.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 991 с.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Астрель: АСТ, 2000. Т. 4: С – Ящурный. 2000. 1499 с.

Уфимцева Н.В. Образ мира русских: системность и содержание // Язык и культура. 2009. № 4(8). С. 98-111.

Фромм Э. Бегство от свободы. Революционный характер. Philosophical arkiv. Nykoping, Sweden, 2016. 233 с.

Шмелёв Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2003. 244 с.

Яковенко И.Г. Русский вопрос и русская цивилизация // Вестник гражданского общества [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vestnikcivitas.ru/authors/2024> (дата обращения: 11.01.2018).

Ясин Е.Г., Снеговая М.В. Тектонические сдвиги в мировой экономике. Что скажет фактор культуры. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009 (ПИК ВИНТИ). 137 с.

CULTURAL CONSTANTS OF THE RUSSIAN IMAGE OF THE WORLD AT THE PRESENT STAGE OF SOCIETY DEVELOPMENT

Irina A. Bubnova

Doctor of Philology, Professor

Head of Foreign Philology Department

Moscow City Pedagogical University

4, 2nd Sel'skokhozyaistvennyi pr., Moscow, 129226 Russia

aribubnova@gmail.com

Oksana V. Kazachenko

PhD, Associate professor

Department of Foreign Philology

Moscow City Pedagogical University

4, 2nd Sel'skokhozyaistvennyi pr., Moscow, 129226 Russia

kafedragf@mail.ru

The article analyzes the dynamics in the meaning of the word freedom, which is viewed both from the point of view of its cultural content and the actual meaning presented in the individual image of the world of the modern young generation of Russian culture. The work has been performed in line with semantics, (neo)psycholinguistics, and (psycho)cultural linguistics. A significant attention is paid to basic characteristics of the analyzed concept: its abstractness, axiological essence, symbolism, and its significance for the Russian culture where freedom is one of the keywords having a high emotional intensity and a vast associative field.

The dynamics and changes in the content of the word freedom are handled through data analysis of explanatory, encyclopedic, and associative dictionaries, the data corpus of the Russian language, chat rooms, Internet blogs, uses of the word freedom in the media. The analysis is complemented by the study of the results obtained during experimental research. This approach is due to the psycholinguistic understanding of the associative field viewed as a fragment of an image of the world of a particular ethnic group reflected in the consciousness of the «average» media, culture, motivation, evaluation, and cultural stereotypes.

The analysis has proved that the meaning of the word freedom appears and creates new components that are steadily replacing the old ones, causing substantial changes in the individual image of the world. Based on the obtained results that authors' conclusions are as follows, the accumulation of changes in the image of the world of a certain generation in the future will lead to fundamental changes in the ethnic image of the world and in the Russian culture itself. Thus, the work outlines possible ways of studying the dynamics of meaning, the results of which will be relevant to predict future vectors of development of modern society and national cultures.

Keywords: changes of meaning, freedom, image of the world, value, (neo)psycho-linguistics, associative experiment

References

Aleksandrova Z.E. (1998) Slovar' sinonimov russkogo jazyka. 9 izd., ster. [Dictionary of Russian Synonyms]. Moscow: Rus. jaz. 493 P. Print. (In Russian).

Babaeva E.V. (2004) Lingvokul'turologicheskie harakteristiki russkoj i nemeckoj aksiologicheskoj kartin mira: diss... d-ra filol. Nauk [Lingvo-Cultural Characteristics of Russian and German Axiological Linguistic Picture of the World... Doctorate Thesis]. Volgograd. 438 P. Print. (In Russian).

Bart R. (1989) Izbrannye raboty: Semiotika: Pojetika: Per. s fr. / Sost., obshh. red. i vstup. st. G.K. Kosikova [Selected Works: Semiotics. Poetry. A Translation from French. Ed. by G.K. Kosikova]. Moscow: Progress. 616 P. Print. (In Russian).

Bubnova I.A. (2004) Abstraktnoe imja i intellekt: kognitivnaja model' kak otrazhenie individual'nogo mental'nogo opyta [Abstract Name and Intelligence: a Cognitive Model as a Reflection of Individual Mental Experience]. Minsk: MGLU. 239 P. Print. (In Russian).

Bubnova I.A. (2011) Kul'turnyj invariant i individual'nye varianty sovremennogo russkogo «obraza mira» // Vestnik IrGTU. [Cultural and Individual Variants of Modern Russian "Image of the World" // Bulletin of IrGTU] 3 (50): 197–202. Print. (In Russian).

Bubnova I.A. (2015) Jevoljucija russkoj jazykovoju lichnosti // Vestnik MGPU. Serija «Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoje obrazovanie» [Evolution of the Russian Language Personality // Bulletin of MGPU. Philology. Theory of Language. Language Education] 3 (19): 34-42. Print. (In Russian).

Bubnova I.A., Krasnyh V.V. (2014) Chelovek i ego obraz mira kak ob'ekt i predmet sovremennyh integrativnyh issledovanij: tradicii i novacii // Vestnik MGPU. Serija Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoje obrazovanie [A Man and his Image of the World as the Object and Subject of Modern Integrative Studies: Traditions and Innovations // Bulletin of MGPU. Philology. Theory of Language. Language Education] 4: 80-88. Print. (In Russian).

Vezhbickaja A. (1999) Semanticheskie universalii i opisanie jazykov / Per. s angl. A. D. Shmeleva pod red. [Semantic Universals and Language Description // A Translation from English. Ed. by T. V. Bulygina]: 263-305. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, Print. (In Russian).

Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka. V 4-ch. T. 4: P-T. [Explanatory Dictionary of the Great Living Russian Language. In 4 Volumes. Vol. 4: P-T]. Moscow: Rus. jaz. 683 P. Print. (In Russian).

Zalevskaja A.A. (2005) Psiholingvističeskie issledovanija. Slovo. Tekst: izbrannye tr. [Psycholinguistic Research. Word. Text. Selected Works]. Moscow: Gnozis. 543 P. Print. (In Russian).

Il'in I.A. (1993) O grjadushhej Rossii: izbrannye stat'i. Pod red. N.P. Poltorackogo [On Future Russia: Selected Works. Ed. by N.P. Poltorackogo]. Moscow: Voenizdat. 368 P. Print. (In Russian).

Karaulov Ju.N. (2000) Pokazateli nacional'nogo mentaliteta v asociativno-verbal'noj seti // Jazykovoe soznanie i obraz mira [Indicators of National Mentality in the Associative-Verbal Network // Language Consciousness and Image of the World]: 191-206. Moscow. Print. (In Russian).

Lebon G. (1998) Psihologija tolp. Perevod / Predisl. I. V. Zadorozhnjuka. Vstup. st. V. N. Druzhinina [The Psychology of Mob. A Translation and Preface by I. V. Zadorozhnjuka. The Opening Article by V. N. Druzhinina]. Moscow: Institut psihologii RAN, Izdatel'stvo «KSP+». 412 P. Print. (In Russian).

Lisicyn A.G. (1995) Analiz koncepta svoboda-volja-vol'nost' v russkom jazyke: diss... kand. filol. nauk. [Concept Analysis of Will, Freedom, and Liberty in the Russian Language. Candidate Thesis]. 259 P. Print. (In Russian).

Lopatin V.V., Lopatina L.E. (1993) Malyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka.: Okolo 35000 slov. 2-e izd., ster. [Small Explanatory Dictionary of the Russian Language: Over 35,000 words]. Moscow: Rus. Jaz. 704 P. Print. (In Russian).

Martynovich G.A. (2008) Tekst i jeksperiment [Text and experiment]. Saint-Petersburg: Izd-vo SPbGUP. 256 P. Print. (In Russian).

(Neo)psiholingvistika i (psiho)lingvokul'turologija: novye nauki o cheloveke govorrjashhem [Tekst] (2017) [(Neo)psycholinguistics: new sciences of homo loquens]/ [I. A. Bubnova, I. V. Zykova, V. V. Krasnyh, N. V. Ufimceva]; red. V. V. Krasnyh. Moscow: Gnozis. 387 P. Print. (In Russian).

Ozhegov S.I. (1997) Slovar' russkogo jazyka: Ok. 53000 slov / 4-e izd., ispr. i dop. [Dictionary of the Russian Language: Approx. 53,000 words / by S. I. Ozhegov, 4th edition]. Moscow: Az. 763 P. Print. (In Russian).

Russkij asociativnyj slovar' (2002) T.1: Ot stimula k reakcii: okolo 7000 stimulov [Russian Associative Dictionary: V.1: From Stimulus to Response: about 7000 stimuli] / Ju.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimceva, et al. Ros. akad. nauk. Moscow: AST: Astrel. 781 P. Print. (In Russian).

Slavjanskij asociativnyj slovar': russkij, belorusskij, bolgarskij, ukrajskij (2004) [Slavic Associative Dictionary: Russian, Belarusian, Bulgarian, Ukrainian] / N.V. Ufimceva, G.A. Cherkasova, Ju.N. Karaulov, E.F. Tarasov. Moscow. 792 P. Print. (In Russian).

Slovar' asociativnyh norm russkogo jazyka (1977) [The Dictionary of Associative Norms of the Russian Language] / [Tekst] / [A.A. Leont'ev, A.P. Klimenko, A.E. Suprun i dr.]; Pod red. A.A. Leont'eva; In-t rus. jaz. im. A.S. Pushkina. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. 192 P. Print. (In Russian).

Slovar' russkogo jazyka (1981-1984) V 4 t. / Pod red. A.P. Evgen'evoj / 2-e izd., ispr. i dop. [Dictionary of the Russian Language. In 4 Volumes. Ed. by A.P. Evgen'eva]. Moscow. Web. URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?p=240>. (Retrieval date: 28.01.2018).

Solohina A.N. (2004) Koncept «svoboda» v anglijskoj i russkoj lingvokul'turah [The concept of “freedom” in English and Russian linguistic cultures]: diss... kand. filol. nauk. Volgograd. 191 P. Print. (In Russian).

Stepanov Ju.S. (2004) *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury* [Constants. Dictionary of Russian culture]. Izd. 3-e, ispr. i dop. M.: Akademicheskij Proekt. 991 P. Print. (In Russian).

Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. Pod red. D.N. Ushakova (2000) [Explanatory Dictionary of the Russian Language. Ed. by D.N. Ushakov]. Moscow: Astrel': AST. Vol. 4: S - Jashhurnyj. 1499 P. Print. (In Russian).

Ufimceva N.V. (2009) *Obraz mira russkih: sistemnost' i sodержanie // Jazyk i kul'tura* [The Russian Linguistic Picture of the World: a Systematic Content] 4 (8): 98-111. Print. (In Russian).

Fromm Je. (2016) *Begstvo ot svobody. Revoljucionnyj harakter.* Philosophical arkiv. [An Escape from Freedom. Revolutionary Character]. Nykoping, Sweden. 233 P. Print. (In Russian).

Shmelev D.N. (2003) *Oчерки po semasiologii russkogo jazyka.* Izd. 2-e, stereotipnoe [Essays on Semasiology of the Russian Language. 2nd Edition]. Moscow: Editorial URSS. 244 P. Print. (In Russian).

Jakovenko I.G. *Russkij vopros i russkaja civilizacija // Vestnik grazhdanskogo obshhestva* [Russian Question and Russian Civilization // Bulletin of Civil Society]. Web. URL: <http://vestnikcivitas.ru/authors/2024> (retrieval date: 11.01.2018).

Jasin E.G., Snegovaja M.V. (2009) *Tektonicheskie sdvigi v mirovoj jekonomike Chto skazhet faktor kul'tury.* [Tectonic shifts in world economy. What will the culture factor say]. Moscow: Izd. dom GU VShJe. (PIK VINITI). 137 P. Print. (In Russian).

УДК 81'13; 159.9 DOI: 10.30982/2077-5911-2-42-57

СЛОВО И ОБЪЕКТ (ВОЗМОЖНА ЛИ БЕССЛОВЕСНАЯ МЫСЛЬ)

Статья подготовлена при поддержке РФФ, грант № 17-18-01642 «Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях кризиса языковой модели», в Институте языкознания РАН

Журавлев Игнатий Владимирович

старший научный сотрудник ИЯз РАН
125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1
semiotik@yandex.ru

Журавлева Юлия Валерьевна

научный сотрудник ИЯз РАН
125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1
ju.clinic@yandex.ru

Статья отражает позицию авторов в дискуссии о соотношении мышления и языка, развернувшейся в ходе работы над проектом «Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях кризиса языковой модели» в Институте языкознания РАН. Авторы отстаивают аргумент о единстве мышления и речи, ссылаясь на фундаментальные положения теории Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева, раскрывающие место и роль языка (речи) в психике и сознании. Ставится вопрос о тождестве слова и тождестве предмета. Показано, что слово не может служить для именованного «готового» предмета, данного в восприятии. Формы деятельности, формы обобщения, категоризации предмета не являются статичными: они претерпевают сложное развитие. Предмет становится тождественным в результате экспликации его существенных и латентных признаков, которая возможна лишь при «опробовании» предмета в разных деятельности. Слову, как и предмету, нужно «побывать» в разных деятельности, чтобы за ним закрепилось тождественное значение. Любой сознательный образ по происхождению есть образ совместной деятельности. Нет таких образов сознания, которые не могли бы быть выражены семиотическими средствами. Язык как главная семиотическая система является условием и формой существования идеального. Все высшие психические функции в ходе развития психики опосредуются речью. Главная психологическая функция речи – это функция управления внутренними процессами.

Ключевые слова: мышление, речь, язык, мысль, тождественный предмет, форма обобщения, форма деятельности, сознание, коммуникация

Введение

Проблеме соотношения языка (речи) и мышления посвящено бесчисленное количество исследований и научных публикаций, что связано с ее огромным методологическим значением для целого ряда наук. Обзор даже только современных

значимых работ, посвященных этой проблеме, представляется почти невыполнимой задачей. Не ставя перед собой такую задачу, мы постараемся сформулировать и обосновать ряд положений, которые должны прояснить нашу позицию в научной дискуссии, развернувшейся в Институте языкознания РАН в ходе работы над проектом «Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях кризиса языковой модели».

В языкознании, психологии, психолингвистике и современных когнитивных науках формулировались различные взгляды на соотношение мышления и языка. Одна из крайних точек зрения заключается в полном отрыве языка от мышления: язык – это лишь номенклатура, «одежда» для бессловесной мысли. Противоположная точка зрения состоит в полном подчинении мышления языку (лингвистический детерминизм). В большинстве своем не принимая строгую версию лингвистического детерминизма, современные исследователи тяготеют к той или иной версии обособления языка от мышления (концепция мыслекода С. Пинкера, гипотеза модулярности Дж. Фодора и др.).

Центральным вопросом, поднятым в дискуссии, стал вопрос о бессловесном мышлении и, соответственно, о функциях речи во внутренних (психологических) процессах (мышлении, воображении, памяти и т.п.). На этот счет участниками дискуссии выдвигались три конкурирующие точки зрения.

1. Мышление принципиально бессловесно. Речевые средства (слова) выполняют лишь функцию коммуникации. Соответственно, мысль предшествует слову и «встречается» с ним только в коммуникативном процессе. Сами по себе, в отрыве от коммуникации (взаимодействия коммуникантов), слова не обладают тождественным значением. Сознания коммуникантов так же принципиально (вне коммуникации) не тождественны. В ходе коммуникации производятся и понимаются не слова, а коммуникативные действия.

Эта позиция отражает направление в современной лингвистике, связанное с попыткой построения коммуникативной модели речевого процесса и преодоления «лингвистического имяславия» [Вдовиченко 2016].

2. Мышление может осуществляться как в речевой, так и в неречевой форме. Речевая форма мышления может быть как внешней (развернутой), так и внутренней. Формы (средства) неречевого мышления – это планы, схемы, образы, которые могут существовать независимо от языковых (речевых) средств. Существует языковое и неязыковое сознание. Соответственно, существуют такие образы сознания, которые не связаны с речью. Можно иметь сознательный образ, но не быть способным к его словесному оформлению. Для реализации целей общения необходима общность сознаний коммуникантов, которая вытекает из принадлежности их к определенной культуре.

Данная позиция отражает представления о языке, сознании и коммуникации, сложившиеся в отечественной психолингвистике в форме теории языкового сознания [Тарасов 2000].

3. Генетически (по происхождению) все средства мышления связаны с языком. Только оречевленная в ходе развития мысль может позволить себе роскошь быть бессловесной. Все высшие психические функции (мышление, память, воображе-

ние и т.п.) в ходе развития психики опосредуются речью. Главная психологическая функция речи – это функция управления внутренними процессами. Любой сознательный образ по своему происхождению есть образ совместной деятельности; соответственно, нет таких образов сознания, которые не могли бы быть выражены семиотическими средствами. Представить себе (осознать) можно только то, что можно представить другому. Язык как главная семиотическая система является условием и формой существования идеального. Будучи носителями языка, люди не «вступают» в коммуникацию, а изначально присутствуют в ней.

Данная точка зрения, во многом близкая к предыдущей, отражает фундаментальные положения психологической школы Л.С. Выготского и общепсихологической теории деятельности А.Н. Леонтьева.

Отметив, что мы отстаиваем третью из представленных точек зрения, мы должны подчеркнуть, что все участники дискуссии сходятся друг с другом в понимании того, что *коммуникация включена в деятельность, во взаимодействие коммуникантов, и поэтому, конечно, источником смысла средств коммуникации (слов и т.п.) являются не сами эти средства, а процесс взаимодействия*. Принципиальное расхождение между первой и второй позициями связано с вопросом о том, может ли мышление осуществляться в словесной (внешней или внутренней) форме. Менее заметное расхождение между второй и третьей позициями связано с вопросом о месте языка (речи) в структуре психики и сознания. Для большей ясности уточним, что различие между первой и второй точками зрения связано главным образом с вопросом о том, *может ли мышление быть вербальным*, а различие между второй и третьей точками зрения – с вопросом о том, *может ли мышление быть невербальным*.

Проблему соотношения мысли и слова необходимо рассматривать как частную проблему психологической и психолингвистической *теории*. Методологически некорректным было бы, говоря об этой проблеме, «выносить за скобки» *онтологию* мысли и слова, мышления и речи, ибо подобное «эпохе» оставило бы изучаемые сущности за скобками *научного* описания и объяснения. «Отрезаем» ли мы мысль от слова или рассматриваем их в единстве и сложных взаимопереходах – в любом случае мы должны сформулировать теорию, в которой мысль и слово предстают как объекты *научного* рассмотрения.

Конечно, легко «отрезать» слово от мысли. Но если слово тогда будет чувствовать себя хоть сколь-нибудь адекватно (в конце концов, оно останется объектом внутренней лингвистики), то вот мышлению придется туго. С ним нужно будет познакомиться. Ведь мышление и другие психические процессы – это прежде всего объект психологии, а не лингвистики. Понимая, что границы между науками – вещь достаточно условная, мы, тем не менее, хотим подчеркнуть, что, описывая отношения между мышлением и речью, т.е. заходя в область психологии, исследователь должен формулировать прежде всего психологическую, а не лингвистическую теорию: ему придется объяснить, как «устроена», как «работает», как развивается и как «ломается» психика. И если мы говорим конкретно о мышлении, то необходимо будет формулировать *научную психологическую теорию мышления*.

Но это только полдела. Независимо от того, «отрезаем» ли мы мысль от слова

или отстаиваем их единство, – мы должны не только сохранить за мыслью и словом статус объектов *научного* рассмотрения, но и быть способными *ответить на главный вопрос психолингвистики*. А именно, нам придется описать механизм производства речи и механизм восприятия (понимания) речи (*путь от мысли к слову и обратно*). И здесь недостаточно будет простых констатаций: их не примет не только представитель Московской психолингвистической школы, но и ни один современный ученый-когнитивист, представляющий производство и восприятие речи как *сложные многоэтапные и многоуровневые процессы*. Исследователь, отрезающий мысль от слова, должен будет описать *механизм* их тайных встреч, а не просто принять, что – да, мол, все мы не без греха и с кем не бывает. Если мы соглашаемся с тем, что понимание и производство речи все-таки возможно, то нам придется указать, *на каком именно этапе этих процессов мы имеем дело уже не с речью, а с мыслью, и наоборот...*

Говоря об этом, мы подчеркиваем необходимость ведения дискуссии о соотношении мышления и речи с обязательной опорой на научную теорию и научную методологию. Задача настоящей статьи и заключается в том, чтобы прояснить научные основания, стоящие за нашими аргументами. Мы будем ссылаться на теорию развития высших психических функций Л.С. Выготского и его школы, а также на общепсихологическую теорию деятельности А.Н. Леонтьева (различия между этими теориями в данном контексте несущественны).

1. Служит ли слово для именованя «готового» предмета?

Проблема *первоначала* оказалась первой философской проблемой именно потому, что зарождающаяся в древности философская мысль обнаружила *тождественность* объектов, которую до того (на уровне мифологического мышления) заметить было нельзя. Объекты мира, да и мир в целом, предстали перед философской мыслью как *субстанция*, как нечто само по себе неизменное, остающееся одним и тем же под многообразием масок явленности. Мифологическое мышление субстанции не видело; в мифе вещь не была «самой собой», она могла превращаться в любую другую вещь, присутствовать в одно время в разных точках пространства, как и наоборот, одно место в пространстве могли с легкостью занимать разные вещи.

Вопрос о том, почему вещь остается самой собой, с тех пор (и до сих пор) является одним из главных вопросов философии. Наивное сознание нам твердит, что никакого вопроса тут нет: мол, вот же вещь, она перед глазами, и если мы от нее отвернемся, она никуда не денется. Правда, этот взгляд уже не столь наивен, как взгляд первобытного человека или ребенка: для них как раз вопрос «сохранности» объекта в момент, когда мы закрыли глаза, – это очень и очень большой вопрос. Так что мы говорим здесь о наивном сознании взрослого человека, являющегося к тому же представителем западной (в широком смысле) культуры.

Мы привыкли иметь дело с тождественными предметами (здесь уже можно употребить термин «предмет», имея в виду предмет деятельности, а не объект сам по себе). Однако из самих предметов (как объектов реального мира) это тождество отнюдь еще не извлекается (Декарту в связи с этим пришлось предположить, что

Бог творит мир постоянно, и только за счет этого возобновляемого акта объект в каждый новый момент времени остается равным самому себе в предшествующий момент времени). Никаких «готовых», тождественных себе предметов не существует не только для ребенка, овладевающего языком, но даже и для взрослого, который в целом уже «опредметил» для себя реальность. Л.С. Выготский называл психику «островками безопасности в гераклитовом потоке»: реальность для нас предметна, поскольку иначе мы не смогли бы с ней взаимодействовать, но ее предметность обеспечивается постоянным *усилием* нашего сознания (М.К. Мамардашвили), т.е. нашим опредмечивающим взглядом.

«Ничто человеческое не может само собой пребывать, оно постоянно должно возобновляться и только так может продолжать жить, а возобновляться оно может только на волне человеческого усилия <...> наш макровзгляд не обладает такой размерностью, которая позволяла бы нам различить маленькие пространства между предметом в момент *A* и в момент *B*. Но есть зазор, внутри которого, чтобы будучи в моменте *A*, предмет был бы потом в моменте *B*, должно вспыхнуть человеческое усилие. И в данном случае мышление, понимание выступают как элемент самого бытия. <...> чужой взгляд увидит дление правила, но не заметит зазоров между моментами дления правила, которые заполнены исполнением человеком своего назначения. <...> мы видим непрерывный предмет, а он в действительности не такой» [Мамардашвили 2008: 19, 29, 38].

Итак, мы видим непрерывный (тождественный) предмет, а он в действительности не такой: его тождественность не дана изначально, она обеспечивается исключительно нашим опредмечивающим взглядом; воспринимая объект, мы опредмечиваем его, что требует, конечно, *усилия* нашего сознания, причем за этим усилием стоит не что иное, как *деятельность* с предметом.

А.Н. Леонтьев неоднократно подчеркивал фундаментальную для современной психологии идею о том, что восприятие есть активный процесс, опосредованный системой предметных значений. Чтобы увидеть предмет, недостаточно просто открыть глаза: предмет не «отпечатывается» в психике, как печать на глине; для восприятия предмета нужно, чтобы между человеком и предметом сложилось отношение деятельности. Иначе говоря, нужна актуализация *формы предметной деятельности*, т.е. значения (предназначения) предмета. Это положение касается не только человеческого, сознательного восприятия, но и восприятия вообще, с тем лишь уточнением, что человек при восприятии актуализирует формы предметной деятельности, а животное – формы двигательной активности (сенсомоторные схемы). Формы движений более жестко «привязаны» к физическим характеристикам воспринимаемых объектов, чем формы деятельности, и, соответственно, не требуют тождественности объекта: физические характеристики любого стола позволяют кошке запрыгнуть на него или спрятаться под ним. Для человека важны *предметные* характеристики стола, позволяющие ему использовать стол в соответствии с его назначением; человек, имея в своей голове предметное значение (форму деятельности со столом), может поэтому «увидеть» стол даже в доске, положенной на колени. Тождество стола обеспечивается деятельностью с ним, причем форма этой деятельности (значение) *должна существовать где-то еще* помимо любого

конкретного объекта, используемого как стол. Она должна быть воплощена в квазиобъекте, в превращенном предмете, т.е. существовать в теле знака (или любого другого символа).

К идее квазиобъекта мы еще вернемся, а пока зафиксируем следующее. Никаких «готовых» предметов в человеческом опыте не существует; в ходе онто- и филогенеза человек опредмечивает реальность, активно взаимодействуя с ней, «примеряя» к ней формы своей активности, которые отнюдь не являются константными, раз и навсегда данными. Эти формы активности (формы деятельности, обобщения, категоризации) претерпевают сложное развитие, связанное с их структурными перестройками. Это фундаментальное положение Л.С. Выготского. Все психические функции развиваются: развивается мышление, восприятие, память, воображение и т.п. Единицами этих функций, претерпевающими развитие, как раз и являются формы обобщения, т.е. формы узнавания предмета, его категоризации, деятельности с ним. Ребенок иначе категоризирует воспринимаемую реальность и, соответственно, иначе ее воспринимает, чем взрослый. Л.С. Выготский подробно описал путь развития форм обобщения (синкреты – комплексы – понятия). Так, на стадии синкретов, произнося слово «чашка», ребенок сначала «имеет в виду» не дискретный объект, а совокупную не вполне дифференцированную ситуацию или процесс. Объектов, равных самим себе, сначала в опыте ребенка нет и быть не может: в разных ситуациях восприятия они не являются «теми же самими». Задачу со скрытым перемещением объекта дети начинают решать правильно лишь с 18-месячного возраста, а от комплексного мышления к понятийному переходят лишь в школьном возрасте.

С развитием форм обобщения и связано появление тождественных предметов. Представим ложку в руке ребенка. В одной ситуации это машинка, в другой – корабль, в третьей – то, чем размешивают чай. Предмет для ребенка становится тождественным по мере того, как ребенок обучается выделять его существенные признаки и отличать их от латентных. Но *различение существенных и латентных признаков требует того, чтобы предмет «побывал» в разных деятельности!* Невозможно знать А, не зная при этом не-А... Именно поэтому непременным условием развития психики ребенка является *игра*, в которой и происходит «опробование» разных сторон предмета, способствующее вычленению его существенных признаков.

Предметность не статична: она развивается, перестраивается, и образ мира как система предметных значений («превращенная форма мира», по А.А. Леонтьеву) константен лишь отчасти, лишь в определенных ситуациях и в небольших временных интервалах. Потому и тождество предмета не является абсолютным даже для взрослого (а не только для ребенка). В связи с этим становится очевидным, что слово не может служить для именованного «готового» предмета – ибо неясно, откуда этот «готовый» предмет мог бы вообще взяться. Само понятие «номинация» теперь оказывается лягушкой, раздувшейся до размеров вола: в реальности номинация как таковая происходит гораздо реже, чем кажется на первый взгляд.

«Номинирует» ли человек «чувственно выделенные» предметы? Вот что писал об этом С.Д. Кацнельсон: «Это старая песня. Сначала дан предмет в восприятии. Предметы чувственно выделены, но нет еще названий для них. Затем приходят на-

звания и начинают вторично влиять на “выделение определенных сторон в восприятии предмета”. Сначала, совсем как в Ветхом Завете, идет процесс наречения “готовых предметов”, предметов, открываемых чувственным восприятием, а уж затем с помощью слов производится процесс анализа чувственных данных, выделения сторон. И это спустя полтора столетия после Канта, Гегеля и Маркса, показавших, что “предмет” не дан готовым в восприятии, что нет “предмета” с самого начала, что нет зеркально-мертвого отображения готовых предметов, что предметный мир входит в сознание лишь определенными пластами, уровнями, что “предметность” “предметности” рознь, что на каждой ступени познания формируется новое, более глубокое понятие о предмете и что это понятие существенным образом меняется не только в своем содержании, но и в объеме, в его отношении к другим предметным понятиям» [Кацнельсон 2001: 526].

В связи с этим возникает вопрос, возможно ли бессловесное восприятие. Ответ на этот вопрос достаточно очевиден. Чтобы сознательно воспринять предмет, необходимо увидеть в нем форму предметного действия, т.е. актуализировать предметное значение. О том, чем предметное значение отличается от вербального, мы скажем чуть ниже. Пока отметим, что генетически (по происхождению) *любое значение есть форма деятельности*, а язык – это система значений, могущих актуализироваться как в вербальной, так и в невербальной форме [Леонтьев А.А. 2003: 124]. «Сто лет назад Штейнталь сказал: “Чтобы думать, надо уметь говорить”. Чтобы воспринимать, тоже надо уметь говорить, по крайней мере если мы имеем в виду человеческий способ видеть вещи. Ведь человек видит вещи именно как “социальные вещи”, проецируя на них знание их объективных свойств. Чтобы иметь возможность выделить предмет из окружающего мира как носитель таких объективных свойств, его нужно осознать; чтобы его осознать, его нужно обозначить» [Леонтьев А.А. 2003: 15].

В отечественной психологии процесс словесного обозначения предмета «понимается не как особый, отделенный от восприятия процесс последующей обработки его продукта мышлением, а как процесс, включенный в деятельность самого восприятия. Ведь опознание... необходимо требует соотнесения получаемой прединформации с эталоном, который у человека хранится в обобщающих системах, имеющих языковую основу» [Леонтьев, Гиппенрейтер 1968: 22]. Еще более жесткое высказывание принадлежит В.П. Зинченко: «...сознательно воспринять предмет – значит мысленно назвать его» [Общая психология 1970: 226].

2. Квазиобъект, номинация и экспликация признаков предмета

В общепсихологической теории деятельности язык рассматривается как *превращенная форма* предметной деятельности. Предметное значение как форма деятельности обретает «самостоятельное» существование (в виде представлений, воспоминаний и т.п.) лишь тогда, когда появляется знак (или любой другой символ), в котором эта форма продолжит свое существование, будучи «оторванной» от актуально воспринимаемого предмета (форма деятельности расщепляется на предметное и вербальное значение).

Предметное значение – это форма деятельности, воспринимаемая нами в самом предмете (который, соответственно, выступает для нас как знак самого себя). Вербальное значение – это та же форма деятельности, только воспринимаемая (воплощенная) в слове как превращенном предмете (квазиобъекте). Слово как превращенный предмет является «местом хранения» формы деятельности с предметом реальным: предмета перед глазами нет, а слово – есть. *Значение (предназначение) предмета, будучи зафиксировано в слове и, стало быть, продолжая существовать вне любой актуальной деятельности с предметом, может возвращаться к предмету в любой новой ситуации деятельности.*

Поэтому слово, как говорил А. Валлон, оказывается средством включения отсутствующего прошлого в настоящее, средством выхода сознания за предел актуальной ситуации [Валлон 2001: 165]. Именно слово, как демонстрируют исследования Л.С. Выготского, оказывается в развивающейся психике ребенка гарантом перманентности воспринимаемых объектов. При этом значения слов – не статичные формы; будучи формами обобщения, они сами, как мы уже говорили, претерпевают сложное развитие.

С разделением формы деятельности на предметное и вербальное значение, с появлением квазиобъекта связано рождение *идеального*, т.е. появление *сознания*. Согласно Э.В. Ильенкову, идеальное есть лишь там, «где сама форма деятельности, соответствующая форме внешнего предмета, превращается для человека в особый предмет, с которым он может действовать особо, не трогая и не изменяя при этом до поры до времени реального предмета, той внешней вещи, образом которой является эта форма деятельности» [Ильенков 1962: 226]. «Необходимо ввести предмет в такую систему отношений, в которой он бы мог сыграть роль зеркала, превращая представление человека в сознательное. Этот предмет должен быть означен и жить в особой форме – в форме языка. Язык и есть то необходимое условие, единственно посредством которого предмет может получить свою жизнь в голове человека, свое существование в идеализированной форме и, следовательно, преобразовать форму отражения» [Леонтьев А.Н. 2001: 94].

«Переселившись» из реального предмета в квазиобъект, т.е. став словесным, значение отнюдь не теряет родственной связи с реальным предметом: напротив, эта связь только укрепляется. Это – капитальное положение, сформулированное А.Н. Леонтьевым: «отделение значения от предмета в языке <...> есть вместе с тем новая форма соединения значения и предмета: предмет выступает теперь в определенном общественном значении или во многих, но всегда общественных значениях <...>. Можно сказать, что в значениях слов реализуются для сознания значения предметов. Значение слова есть форма “идеального присвоения” человеком его, человеческой, действительности» [Леонтьев А.Н. 1994: 167].

Однако как реальный предмет, так и превращенный предмет (квазиобъект) сначала никакой тождественностью не обладает. Тождество того и другого гарантируется исключительно деятельностью, «опробованием» в различных ситуациях деятельности, переходами из одной деятельности в другую. Что это значит?

Номинацию предмета можно рассматривать как деятельность с ним. Соответственно, номинация также будет способствовать экспликации признаков предмета:

слово «ложка» для ребенка, играющего с ложкой как с корабликом, оказывается поэтому средством разграничения существенных и латентных признаков ложки. Рассмотрим пример, который приводил А.А. Потебня: ребенок называет шаровидный колпак лампы арбузиком. Как говорил, анализируя этот пример, С.Д. Кацнельсон, в этот момент признак шаровидности актуализируется не только в колпаке, но и в арбузе (невозможно увидеть шаровидность как признак арбуза, пока ты не увидел ее в чем-то еще) [Кацнельсон 2001: 293]. *Слову, как и предмету, тоже нужно побывать в разных деятельности, для того чтобы за ним закрепилось тождественное значение.* Именно поэтому дети играют не только с предметами, но и со словами.

3. «Хитрость» разума

В игре со словами происходит не только овладение значениями слов, но и *объективация* слова – колоссально важный процесс, без которого невозможно усвоение языка. Ребенок в одной ситуации относится к слову как к *объекту*, а в другой – употребляет его как *средство* (осознания, познания, номинации). Этот процесс подобен овладению внешним орудием, которое в одних ситуациях воспринимается как объект, а в других – служит проводником активности субъекта. Неслучайно поэтому Л.С. Выготский и представители его школы называют слово *орудием* психической деятельности (неважно при этом, идет ли речь о внешнем или о внутреннем слове).

Хитрость разума, по Гегелю, состоит в опосредствующей деятельности, «которая, дав объектам действовать друг на друга соответственно их природе и истощать себя в этом воздействии, не вмешиваясь вместе с тем непосредственно в этот процесс, все же осуществляет лишь свою собственную цель» [Гегель 1974: 397]. Иначе говоря, деятельность человеческого разума всегда чем-то опосредуется, независимо от того, идет ли речь о внешней деятельности или внутренней (с этим связан принцип изоморфизма деятельности внешней и внутренней в теории А.Н. Леонтьева).

Любое орудие нашей деятельности и любое средство восприятия лучше работают тогда, когда мы их не замечаем: например, мы не должны замечать стекол очков, когда читаем книгу, или тяжести молотка, когда забиваем гвоздь. Пока мы учимся использовать орудие, оно должно быть объектом нашего сознания. Но когда мы действуем при помощи орудия, оно должно быть проводником нашей активности, незаметным для нашего взгляда. Деятельность нашего разума *опосредуется* не только внешними, но и внутренними орудиями: слепой правильно использует палку потому, что образ ее возможных движений включен в схему движений его руки (внутренним, психологическим орудием в данном случае будет *сенсомоторная схема*). Согласно теории интериоризации Л.С. Выготского, по мере развития психики опора на внутренние орудия возрастает. При этом *универсальным орудием психики становится знак (в первую очередь – слово)*. Знаковая деятельность позволяет нам не только общаться друг с другом и познавать реальность, но и управлять собственными психическими функциями.

Благодаря знаковой деятельности человек может познавать объекты, недоступные его прямому наблюдению (например, изучать черные дыры). Но даже прямое

наблюдение объекта опосредуется его значением: как уже говорилось, мы воспринимаем мир «сквозь призму» форм возможного взаимодействия с ним. Отметим также, что в качестве психологических орудий могут выступать не только знаки и сенсомоторные схемы, но также знания, убеждения, мифы и даже научные теории. Так, для ученого орудием восприятия и анализа данных является теория, которой он придерживается.

4. Образ сознания и его связь с языком

«Образ вычерпывается из мира» [Леонтьев А.Н. 1983: 128, 169]. Форма обобщения, форма деятельности – это и есть ментальная конструкция, служащая для нас «черпаком», при помощи которого мы *активно* воспринимаем предмет (образ в голове не появляется, как отпечаток на глине). Принципиально важно, что о наличии образа в голове человека можно судить лишь тогда, когда человек оказывается способен *иметь дело с предметом в его отсутствие*, когда, по Ильенкову, появляется особый предмет, с которым можно действовать, не изменяя до поры до времени реального предмета. Каждый из нас с легкостью может доказать, к примеру, что обладает сознательным образом бегемота. Мы можем нарисовать бегемота, изобразить бегемота жестами или просто сказать слово «бегемот». Этого будет более чем достаточно. *О наличии образа можно судить только тогда, когда человек обладает возможностью представить (себе и другим) предмет в его отсутствие.* Важно не узнавание предмета, когда он перед глазами, а действие с предметом, когда его перед глазами нет! *Если есть любая символическая имитация предмета или ситуации – значит, есть и его/ее образ.* Образ, как говорил Пиаже, – это интегрированная имитация [Пиаже 2001: 147].

Конечно, средствами формирования образа являются не только слова (словесные значения). Однако *главная символическая система, позволяющая нам представлять всё что угодно, даже то, чего нет, – это язык.* «Язык и есть система ориентиров, необходимая для деятельности в этом вещном и социальном, одним словом – предметном, мире. ... Усвоение нового языка есть переход на новый образ мира, необходимый для взаимопонимания и сотрудничества с носителями этого другого языка и другой культуры» [Леонтьев А.А. 1997: 272].

Отсюда следует: *образ (по своему происхождению) – это то, что можно разделить с другими людьми.* То, чем я не могу поделиться с другими, я сам не осознаю. Сознательный взгляд на вещи – это взгляд глазами других людей, глазами социума. В этом *и только в этом* состоит сущность сознания: «... все то, что я не могу выразить в форме речи, высказать в форме, понятной другому, я и сам не осознаю в качестве общественного индивида, в качестве человека. <...> В состав “представления” входит то, что удержано в “общественной” памяти, в формах общественной памяти. А такой формой является прежде всего речь, язык» [Ильенков 1997: 43, 84].

Когда испуганный гусь своим криком «предупреждает» сородичей об опасности, его сигналы выражают его состояние и ситуацию, но *ничего не репрезентируют* (не представляют). «Сигнал является частью сигнализируемой ситуации» [Жинкин 2004: 64]. Иное дело – знаки человеческого языка. Они не являются частью ситуации: они репрезентируют что-то для кого-то. «При таком понимании бо-

лее чем проблематично существование зоосемиотики и правомерность разговора о коммуникативных системах животных как о “языках”, хотя и *sui generis*» [Леонтьев А.А. 2008: 79-80]. Знак что-то репрезентирует именно потому, что он обладает значением. Значение – это свернутая деятельность, причем деятельность социальная, совместная. Видя в молотке молоток, я смотрю на него глазами всех представителей моей культуры. Животное смотрит на мир биологическим взглядом, человек – социальным.

Отсюда: «...ключ к пониманию места языка в жизни и деятельности общественного человека лежит... в четком понимании соотношения предметной действительности, языка и мира идеального, т.е. в последовательной трактовке языка как *одной из форм взаимодействия субъекта и объекта человеческой деятельности*, как своего рода “мостика”, связывающего совокупный опыт и совокупную деятельность общества, человеческого коллектива, с психикой, сознанием, личностным опытом отдельного члена этого коллектива, как условия и формы существования идеальных явлений» [Леонтьев А.А. 2008: 85-86]. Еще раз: *язык – это условие и форма существования идеального*.

5. Интериоризация

Последний ключевой момент, на который мы должны обратить внимание, касается проблемы развития высших психических функций. Если образ сознания мы трактуем как форму *совместной* деятельности, наполненную некоторой «чувственной тканью», а лучше сказать, оживляемую процессом деятельности, то возникает закономерный вопрос, откуда же эта форма берется в голове отдельного человека. Принципиальная позиция общепсихологической теории деятельности заключается в том, что субъектом сознания является отнюдь не индивид, а общество, человеческий коллектив. Мы не будем сейчас касаться всех сложностей, возникающих на пути иной (индивидуалистической) трактовки сознания. Отметим лишь, что при такой трактовке приходится и усвоение ребенком социальных норм рассматривать как частный случай биологического приспособления к среде. Здесь же возникает и проблема тождества сознаний разных людей, которая, конечно, в деятельностном подходе оказывается мнимой. Ибо личность в психологии деятельности понимается как ансамбль социальных отношений; соответственно, можно утверждать, что люди не «приходят» в коммуникацию и деятельность извне, а изначально находятся внутри коммуникации и деятельности. Вопрос не в том, чем обеспечивается «тождество сознаний» (ибо оно дано изначально), а в том, откуда берутся индивидуальные различия между сознаниями. А они связаны всего лишь только с тем, что каждый человек занимает в деятельности свою особую *позицию*. Именно поэтому А.А. Леонтьев так любил повторять слова В. фон Гумбольдта: «Каждую человеческую индивидуальность... можно считать особой позицией в видении мира» [Гумбольдт 1984: 80].

Процесс развития психики объясняется школой Л.С. Выготского как процесс интериоризации, в ходе которого формируются высшие психические функции как *социальные* способы поведения, применяемые человеком по отношению к самому себе. Все высшие психические функции в своем развитии проходят через знаковое

опосредование (сначала внешнее, затем внутреннее). Это показано в многочисленных экспериментах и исследованиях А.Н. Леонтьева, Б.В. Зейгарник, А.Р. Лурии и др. Соответственно, слово, как уже говорилось выше, становится не только средством управления поведением собеседника, но также и средством контроля над собственным поведением и внутренними психическими процессами.

В ходе развития психики высшие структуры не надстраиваются над низшими как этажи в многоэтажном доме, но «вбирают» их в себя, вызывая их существенную перестройку. Высшая психическая функция – это иерархически организованная система, включающая различные звенья и уровни. Поэтому практически невозможно выявить натуральную, «природную» функцию в чистом виде: оречевление функции в процессе развития влияет на всю ее организацию, на функцию в целом. Именно поэтому мы и утверждаем, что *только оречевленная в ходе развития мысль может позволить себе роскошь обходиться без языка*. Конечно, мышление не всегда является вербальным. Однако даже в своих невербальных формах оно демонстрирует интимную, генетическую связь с речью: «...подлинное мышление, т.е. деятельность человека по решению задач, всегда опирается наряду с понятийными компонентами на специально выработанные для целей мышления вспомогательные средства и орудия типа схем, планов, зрительно представляемых образных картин. ... Другой вопрос, что все эти вспомогательные орудия генетически, по своему происхождению (как в онто-, так и в филогенезе) связаны с языком, речевой деятельностью, что они всегда (у взрослого человека) вторичны» [Леонтьев А.А. 2008: 115-116].

Заключение

Мы рассмотрели лишь часть вопросов, возникающих при анализе соотношения мышления и языка (речи). Наши аргументы в основном отражают фундаментальные положения психологической школы Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева, демонстрирующие не только интимную, генетическую связь между мыслью и словом, но также место и роль языка (речи) в психике и сознании. Данная статья имеет теоретический характер, поэтому мы не ссылались на многочисленные эмпирические исследования, которыми могли бы также подтвердить отстаиваемую нами позицию. Здесь отметим, что речь идет не только об экспериментальном изучении внутренней речи и других психологических процессов в норме, но и о большом массиве данных из области патологии речи, афазиологии, патопсихологии. Рассмотрение этих данных может быть задачей отдельной публикации.

Литература

- Валлон А. Психическое развитие ребенка. СПб.: Питер, 2001. 208 с.
Вдовиченко А.В. О несамостоятельности языкового знака. Причины и следствия «лингвистического имяславия» // Вопросы философии. 2016. №6. С. 164-175.
Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В. 3-х тт. Том 1. Логика. М.: Мысль, 1974. 452 с.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.

Жинкин Н.И. Замысел речи <Тезисы доклада> // Общая психолингвистика: хрестоматия / Сост. К.Ф. Седов. М.: Лабиринт, 2004. 320 с.

Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: РОССПЭН, 1997. 464 с.

Ильенков Э.В. Идеальное // *Философская энциклопедия*. Т.2. М.: Издательство «Большая Советская Энциклопедия», 1962. С. 219-227.

Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия. М.: Языки славянской культуры, 2001. 864 с.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.

Леонтьев А.А. Психология общения. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2008. 368 с.

Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. 536 с.

Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. Т. II. М.: Педагогика, 1983. 320 с.

Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2001. 511 с.

Леонтьев А.Н. Философия психологии. М.: Издательство Московского университета, 1994. 228 с.

Леонтьев А.Н., Гиппенрейтер Ю.Б. О деятельности зрительной системы человека // Психологические исследования. М.: Издательство Московского университета, 1968. С. 3-23.

Мамардашвили М.К. Опыт физической метафизики (Вильнюсские лекции по социальной философии). М.: Прогресс-Традиция, 2008. 304 с.

Общая психология / Под ред. А.В. Петровского. М., 1970.

Пиаже Ж. Схемы действия и усвоение языка // *Семиотика: Антология* / Сост. Ю.С. Степанов. М.: Академический проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 144-148.

Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // *Языковое сознание и образ мира* / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 2000. С. 24-32.

WORD AND OBJECT (DOES WORDLESS THOUGHT EXIST?)

Ignaty V. Zhuravlev

Senior researcher
Department of Psycholinguistics
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
1/ 1 Bol'shoy Kislovsky per., Moscow, 125000, Russia
semiotik@yandex.ru

Julia V. Zhuravleva

Researcher
Department of Psycholinguistics
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
1/ 1 Bol'shoy Kislovsky per., Moscow, Russia, 125000
jv.clinic@yandex.ru

The article reflects the authors' position in the discussion on the relationship of thinking and language developed in the course of work on the project "Development of the Communicative Model of Verbal Process in the Conditions of the Crisis of the Language Model" at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. The authors support the argument about the unity of thought and speech, referring to the fundamental provisions of the theory of L.S. Vygotsky and A.N. Leontyev, revealing the place and role of language (speech) in the psyche and consciousness. The question of the word identity and the object identity is raised. It is shown that the word cannot serve for naming the object "in finished form" given in perception. Forms of activity, forms of generalization, categorization of the object are not static: they undergo a complex development. The object becomes identical as a result of the explication of its essential and latent features, which is possible only when the object is being «testing» in different activities. The word also needs to be used in different activities, so it takes an identical meaning. Any conscious image of the origin is the image of the joint activities. There are no such images of consciousness that could not be expressed by semiotic means. Language as the main semiotic system is a condition and form of existence of the ideal. All higher mental functions during the development of the psyche undergo mediation by speech. The main psychological function of speech is the function of managing internal processes.

Keywords: thinking, speech, language, thought, identical object, form of generalization, form of activity, consciousness, communication

References

- Hegel G.W.F.* (1974) Enciklopediya filosofskih nauk. T. 1. Logica [Encyclopedia of philosophical sciences. Vol. 1. Logics]. Moscow: Mysl. 452 P. Print. (In Russian).
Humboldt W. von. (1984) Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu [Selected Works on Linguistics]. Moscow: Progress. 400 P. Print. (In Russian).

Ilyenkov E.V. (1997) Dialektika abstraktnogo i konkretnogo v nauchno-teoreticheskom myshlenii [Dialectics of Abstract and Concrete on Scientific-Theoretical Thinking]. Moscow: ROSSPEHN. 464. Print. (In Russian).

Ilyenkov E.V. (1962) Ideal'noe [The Ideal] // Filosofskaya enciklopediya. T.2 [Philosophical Encyclopedia Vol. 2]: 219-227. Moscow: Izdatel'stvo «Bol'shaya Sovetskaya Enciklopediya». Print. (In Russian).

Kacnelson S.D. (2001) Kategorii yazyka i myshleniya: Iz nauchnogo naslediya [Categories of Language and Thought]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. 864 P. Print. (In Russian).

Leontyev A.A. (1997) Osnovy psiholingvistiki [Fundamentals of Psycholinguistics]. Moscow: Smysl. 287 P. Print. (In Russian).

Leontyev A.A. (2008) Psihologiya obshcheniya [Psychology of Communication]. Moscow: Smysl; Izdatel'skij centr «Akademiya». 368 P. Print. (In Russian).

Leontyev A.A. (2003) Yazyk i rechevaya deyatelnost' v obshchej i pedagogicheskoj psihologii [Language and Speech Activity in General and Pedagogical Psychology]. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo psihologo-social'nogo instituta; Voronezh: Izdatel'stvo NPO «MODEHK». 536 P. Print. (In Russian).

Leontyev A.N. (1994) Filosofiya psihologii [Philosophy of Psychology]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 228 P. Print. (In Russian).

Leontyev A.N. (1983) Izbrannye psihologicheskie proizvedeniya. T. II [Selected Psychological Writings. Vol. II] Moscow: Pedagogika. 320 P. Print. (In Russian).

Leontyev A.N. (2001) Lekcii po obshchej psihologii [Lectures on General Psychology]. M.: Smysl. 511 P. Print. (In Russian).

Leontyev A.N., Gippenrejtser Yu.B. (1968) O deyatelnosti zritel'noj sistemy cheloveka [On Activity of Human Visual System] // Psihologicheskie issledovaniya [Psychological Studies]: 3-23. Moscow. Print. (In Russian).

Mamardashvili M.K. (2008) Opyt fizicheskoj metafiziki (Vil'nyusskie lekcii po social'noj filosofii) [Essay on Physical Metaphysics (Vilnius Lectures on Social Philosophy)]. Moscow: Progress-Tradiciya. 304 P. Print. (In Russian).

Obshchaya psihologiya / Pod red. A.V. Petrovskogo [General Psychology / Ed. A.V. Petrovsky]. Moscow, 1970. Print. (In Russian).

Piaget J. (2001) Skhemy dejstviya i usvoenie yazyka [Schemes of activity and language acquisition] // Semiotika: Antologiya / Sost. Yu.S. Stepanov [Semiotics: Anthology / Ed. Yu.S. Stepanov]: 144-148. Moscow: Akademicheskij proekt, Ekaterinburg: Delovaya kniga. Print. (In Russian).

Tarasov E.F. (2000) Aktual'nye problemy analiza yazykovogo soznaniya [Actual Problems of Verbal Consciousness Analysis] // Yazykovoe soznanie i obraz mira / Otv. red. N.V. Ufimceva [Verbal Consciousness and World Image]: 24-32. Moscow. Print. (In Russian).

Vdovichenko A.V. (2016) O nesamotzhdestvennosti jazykovogo znaka. Prichiny i sledstvija «lingvisticheskogo imjaslavija» [Non-self-identity of Linguistic Sign. Causes and Effects of the “Linguistic Onomatodoxy”] // Voprosy filosofii [Problems of Philosophy] 6: 164-175. Print. (In Russian).

Wallon H. (2001) *Psichicheskoe razvitie rebenka* [Mental Development of the Child]. Saint-Petersburg: Piter. 208 P. Print. (In Russian).

Zhinkin N.I. (2004) *Zamysel rechi <Tezisy doklada>* [Speech Intention <Theses>] // *Obshchaya psiholingvistika: hrestomatiya* / Sost. K.F. Sedov [General Psycholinguistics: Reader / Ed. K.F. Sedov]. Moscow: Labirint. 320 P. Print. (In Russian).

УДК 81'23 DOI: 10.30982/2077-5911-2-58-69

**ВИЗУАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОРТРЕТ ЛИЧНОСТИ:
ЭКСПЛИКАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ВОСПРИЯТИЯ
И ОСМЫСЛЕНИЯ ВИДИМОГО**

Мардиева Ляйля Агъдасовна

доктор филологических наук,
доцент кафедры русского языка и прикладной лингвистики
Института филологии и межкультурной коммуникации
им. Льва Толстого
Казанского федерального университета
420021. г. Казань, ул. Татарстан, 2
layka66@mail.ru

В статье представлены результаты эксперимента, позволившие материализовать ментальные проекции сознания, которые возникают у читателей в процессе восприятия и осмысления иконической составляющей поликодового медиатекста, осложненного кодами зрительно наблюдаемого невербального поведения. Цель эксперимента – выявить стереотипизированные оценочные смыслы, транслируемые текстами исследуемого типа. Для решения поставленной цели был использован метод построения встречного текста А.И. Новикова и методика лингвистического декодирования полученных реакций. Классификация отобранных оценочных реакций велась с опорой на типологию обще- и частнооценочных значений Н.Д. Арутюновой, учитывались как оценочные значения, составляющие основное содержание значения реакции, так и коннотативные приращения. Результаты проведенного эксперимента показали, что большую часть полученных реакций составили пейоративные оценочные ответы. Среди оценочных реакций на визуальный текст преобладают этические и психологические частнооценочные значения, последние приобретают в ответах реципиентов социальное звучание. Передаваемое визуально наблюдаемыми знаками основное значение ‘хитрый’ осложняется дополнительными смысловыми нюансами, которые являются продуктом стереотипизированных представлений российского коммуникативного сообщества об образе власти.

Ключевые слова: психолингвистика визуального текста, метод «контртекста», невербальные знаки, поликодовый медиатекст

Введение

Согласно данным Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям РФ, газеты по-прежнему входят в число основных информационно-коммуникативных носителей [Российская 2016: Электронный ресурс]. Нельзя не согласиться и с тем, что газеты продолжают оказывать сильнейшее воздействие на сознание своих читателей. В числе средств, способных оказывать неявное давление на мировосприятие, особое место занимают образы визуального поведения, т.е. предстающие перед внутренним взором человека (в формате зрительных презентаций) знаковые формы невербального поведения (подробнее см.: [Мардиева 2016: 109-251]). По мнению Е.А. Петровой, невербальное поведение встроено в систе-

му средств «визуально-коммуникативного портрета личности» [Петрова 2000: 54]. Последнее, будучи не чем иным, как совокупностью «наиболее характерного для личности репертуара знаковых средств общения», представляет собой «визуальный текст общения» [Там же: 45].

Объект исследования – иконические формы репрезентации образов визуального поведения как составляющие поликодового медиатекста.

Предмет исследования – семантика и ассоциативные приращения, транслируемые образами визуального поведения.

Отправная идея исследования: знаки внешнего визуального облика, «создавая определенное семиотическое пространство... визуально воспринимаются собеседником и участвуют в семиопсихологической интерпретации коммуникативного воздействия» [Романов 2005: 3].

Исследовательская задача – описать и систематизировать проекции визуального текста (визуальный текст в данном случае понимается и как визуальный портрет личности, и как равноправная составляющая поликодового текста) в сознании реципиентов-читателей медиатекстов. При этом, поскольку ведущей чертой публицистических текстов является социальная оценочность, а понимание сообщения «есть прежде всего процесс эмоционального “переживания” поступающей информации, отражаемый в различных формах оценочных реакций» [Пешкова 2014: 115], предполагается возможность выявления транслируемых СМИ и воспринимаемых (а нередко преумножаемых) читателями стереотипизированных оценочных смыслов, тем самым допускается возможность экспликации содержания полюса социальных стереотипов образа сознания, ассоциированного с текстом [Мардиева 2014: 74, 76].

Материал и методы экспериментального исследования

Стимульный материал исследования – фиксирующий коды визуального поведения (в основном – кинесические) фотопортрет экс-главы Администрации Президента России С. Иванова (АиФ. 2013. 6 – 12 нояб.; рис. 1).

Рис. 1. АиФ. 2013. 6 – 12 нояб.

Испытуемые – студенты очной и заочной форм обучения Казанского федерального университета и Казанского филиала Российского государственного университета правосудия в возрасте от 20 до 42 лет. Общее количество испытуемых – 110.

Методы. Для решения поставленной задачи был использован метод построения контртекста А.И. Новикова [2003]. Данный метод рассчитан на успешное восприятие вербального текста и предполагает поэтапную словесную фиксацию реакций респондента на содержание каждого предложения текста. Наш эксперимент предполагал симультанный способ восприятия иконического текста и управление вниманием испытуемых для получения реакций на заданную часть иконического текста. Студентам был предъявлен текст с просьбой дать развернутый ответ на вопрос: «Что можно сказать об этом человеке на основании его внешнего вида, его мимики, жеста и позы?». Способы и формы ответа не оговаривались.

Методика подсчета оценочных реакций. Полученные в результате эксперимента оценки были выражены либо отдельными словами, либо целыми высказываниями. Количество оценочных реакций в высказывании устанавливалось на основании подсчета количества содержащихся в них оценочных признаков. Так, реакция *У него коварная улыбка, недобрый взгляд с прищуром, он что-то замышляет. Неприятное впечатление* содержит четыре частные оценки, которые и были отмечены как четыре реакции. В ответе *Чем займется сегодня? – Будем завоевывать мир!* в прецедентной форме выражена одна характеристика персонажа невербального текста, которая и была квалифицирована как одна оценочная реакция.

Для интерпретации полученного материала использовалась методика лингвистического декодирования. Так, в реакциях *хитрый (взгляд)*, *неприятная (улыбка)*, *не очень добрый (взгляд)* и подобных им метонимические семантические операторы прочитывались соответственно как ‘взгляд хитрого человека’, ‘улыбка неприятного человека’, ‘взгляд не очень доброго человека’ и рассматривались как оценочные характеристики не жестов и мимики, а самого человека. В ответе *Явно видно, что редакторы специально напечатали такую злобненькую фотографию* словосочетание *злобненькая фотография* интерпретировалось как оценка действий редакции газеты и вместе с тем как оценка персонажа фотопубликации: ‘фотография злобненького человека’.

В ответах испытуемых наряду с вербальным описанием визуального поведения и его оценки (например: *Взгляд искоса также, наверное, говорит о том, что перед нами человек хитрый и вредный*) выделены реакции, семантика которых предполагает дешифровку соматических речений. Так, *прищуренные глаза* ‘хитрые глаза’ > ‘хитрый человек’, *взгляд из-под бровей* ‘хмурый, недовольный взгляд’ > ‘взгляд хмурого, недовольного человека’, *на лице изображена ухмылка* ‘недоброжелательный’, *непрямой взгляд* ‘неискренний взгляд’ > ‘взгляд неискреннего человека’, *полузакрытая улыбка* (семантика не установлена, скорее всего, автор характеризует физические признаки улыбки, лишённые оценочной составляющей: *полузакрытая улыбка*, т.е. ‘тонкая’, ‘слабая’ улыбка).

Классификация полученных в результате эксперимента реакций проводилась с опорой на типологию обще- и частнооценочных значений Н.Д. Арутюновой [1999: 183-200]. Анализировались оценки, входящие и в денотативный, и в коннотатив-

ный слой значения. Учитывалась динамичность оценочной шкалы, ее способность разворачиваться в двух направлениях [Вольф 1985: 49], а потому особое внимание было уделено двум значениям оценки – «хорошо» и «плохо» / «плюс» – «минус».

Обсуждение. Анализ полученных результатов

На первом этапе обработки экспериментального материала полученные ответы были распределены на две группы – ответы с общеоценочными значениями и ответы с частнооценочными значениями, последняя группа затем была распределена по оценочной шкале.

В результате первичного отбора мы получили один ответ с общеоценочным пейоративным значением, которому предшествует ответ с частнооценочной семантикой: *Едкая улыбка не может характеризовать человека с положительной стороны*¹. Остальные оценки вошли в число частнооценочных, в их числе:

- одна нормативная с пейоративной коннотацией (*странная улыбка <смотрит недобро>*);

- одна нормативно-социальная (*жулик*),

- три эстетические оценки внешности, в их числе: одна пейоративная (*некрасивый нос*) и две мелиоративные (*безукоризненный; аккуратный <внешний вид>*);

- неоднозначно интерпретируемые по оценочной шкале собственно социальные оценки (всего 5 ответов). Ближе к нейтральной оценке в следующих контекстах: *Мужчина с улыбкой, но недоверчивым, подозрительным взглядом. Аккуратный. Обеспеченный; Очень хитро улыбается, задумчивый. Официально одет, сидит на каком-то посту.* Положительная оценка: *Человек занимает высокий пост, хорошо обдумывает, прежде чем принять какое-либо решение.* Отрицательная: *У него дорогие часы на руке, которые кричат о его высоком статусе.* Ответ *Улыбка кажется искренней* дешифрована как пейоративная на основании наличия слова *кажется*, в контексте всего ответа, прочитываемого как 'создающий такое впечатление, но на деле не являющийся таковым';

- психологические оценки (все оставшиеся ответы, кроме двух²). В число психологических оценок вслед за Н.Д. Арутюновой включены эмоциональные и интеллектуальные оценки [Арутюнова 1999: 198], а также, поскольку мимика, жесты, поза (именно они оказались в центре внимания респондентов) являются внешними проявлениями внутреннего мира человека, и оценки особенностей характера личности, выбираемых ею поведенческих стереотипов. То есть в разряд оценочных реакций были включены, по мнению некоторых исследователей [см., например: Харченко 1976: 66], не являющиеся собственно оценочными характеризующие слова, которые, однако, используются в оценочной функции [см.: Фомина 2007: 158]. Важно заострить внимание на том факте, что индивидуально-психологические качества личности оценивались респондентами с позиций принципов и норм поведения людей по отношению друг к другу и обществу, поэтому психологические оценки в медиакоммуникации сливаются с этическими и приобретают, как и собственно этические, социальное звучание.

¹ В ответах испытуемых ключевые смыслы по всей работе выделены полужирным шрифтом.

² На основании внешних физиогномических данных два респондента сделали попытку определить возраст героя фотопубликации (эти ответы не имеют оценочной составляющей): где-то за 60 лет; ему около пятидесяти.

На втором этапе исследовались реакции с психологическим частнооценочным значением.

По своему составу они оказались неоднородными. В первую очередь мы выделили реакции (всего 29), в которых дана характеристика актуального психофизиологического состояния персонажа. Оценочная направленность по шкале «плюс – минус» этих ответов неоднозначна. Исключив из этой группы безоценочные, «безразличные» [Вольф 1985: 17] для оценки реакции, а именно: *его улыбка выражает непонимание того, что происходит; Морщинки у переносицы говорят о частом сморщивании бровей (возможно, недоволен); взгляд выражает недоумение; видна некоторая настороженность; слушает кого-то, составляя свое собственное о нем мнение; что-то одобряет; думающий человек 'размышляющий'; у него задумчивая улыбка/ задумчивый взгляд; Поза, на мой взгляд, направлена на убеждение, влияние на публику* (всего 9 ответов), мы распределили оставшиеся оценки по трем подгруппам:

1) в первую были включены 10 реакций, в значении которых есть эмоции соучастия и сочувствия, что свидетельствует о наличии в значениях этих реакций мелиоративной оценочной коннотации, так как сочувствие не может быть направлено на негативный объект: *видно, что у человека трудная жизнь, явный недосып; у него уставший вид; он защищается от чего-то; Руки прикрывают подбородок, словно человек пытается укрыться, спрятаться; он защищается от чего-то; сосредоточен, сконцентрирован, готов к провокационным вопросам; настороженный* (2 ответа); *он немного смущенный; грустный человек*³ (всего в этой подгруппе 10 ответов);

2) во вторую подгруппу были включены 5 реакций с отрицательной оценочной коннотацией: *взгляд из-под бровей 'хмурый, недовольный'; не хочет идти на контакт; руки сжаты – это закрытая от собеседника поза* и т.п. В ряде случаев описываемое респондентами актуальное психологическое состояние персонажа визуального текста приобретает пейоративный оттенок в контексте всего ответа: *Мужчина, изображенный на фотографии кажется весьма скользким и лицемерным человеком, у него задумчивый взгляд и хитрая улыбка. Его руки скрещены и создается впечатление, что он рад, что что-то складывается для него лучшим образом; Положение рук, возможно, указывает на ироническую оценку рассказа собеседника, презрительное отношение к кому-либо; на мой взгляд, Иванов торжествует, словно он в ожидании того, что вот-вот исполнятся его коварные планы;*

3) у 5 реакций вектор оценочного созначения по шкале «плюс – минус» однозначно установить сложно: *неуверенный в себе или чувствует неуверенность; чувствует зажатость; натянут; немного смущен.* Знак оценки этих реакций не детерминирован контекстом – они могут выражать отрицательную оценку, а могут выражать и эмоцию сочувствия.

На третьем этапе систематизированы реакции, в которых пейоративная психологическая и этическая оценки входят в денотативный макрокомпонент знака. Полученные результаты систематизированы в таблице (см. таблицу 1).

³ Последний ответ может характеризовать как актуальное эмоциональное состояние личности, так и ее постоянное свойство.

В графе таблицы «Пейоративные оценочные реакции испытуемых и их примеры» представлены семантические группы оценок: сначала указано общее значение всех входящих в эту группу оценочных реакций, затем перечислены примеры, в число которых вошли также сенсуальные и соматические речения. При помощи пометы «а также» введены оценки, демонстрирующие случаи усложнения аксиологической семантики (*хитрый и цепкий; хитрый и вредный; хитрый и лукавый*). Примеры оценок в самих группах размещены по убыванию: сначала указаны повторяющиеся в ответах респондентов частотные реакции, затем – единичные. Общее значение семантической группы может быть выражено тем же словом, что и представляющий эту группу пример. Во второй графе указано общее количество реакций, входящих в данную семантическую группу [см. также: Мардиева 2016: 192].

Таблица 1

Результаты систематизации пейоративных реакций

Оценочные реакции испытуемых, примеры ответов	Кол-во реакций
<p>Хитрый: <i>хитрый человек; хитрый взгляд; хитрая улыбка; хитрая ухмылка; хитрый смех; хитрые жесты; обманчивый взгляд; лукавая улыбка; хитроумный; он хитрый, как лиса; лукавый; лукавый взгляд</i> А также: <i>взгляд хитрый и цепкий; взгляд искоса, наверное, характеристика человека хитрого и вредного; взгляд хитрый и лукавый</i></p>	36
<p>Неискренний: <i>лживая, фальшивая, натянутая, наигранная улыбка/ухмылка; улыбка неискренняя, словно вымученная; улыбка наигранная; лживая радость; обманчивый взгляд; не прямой взгляд; обманчивый вид; лицемер; неискренний; хочет показаться хорошеньким; вид такой, будто он только что кого-то обманул; он кажется весьма скользким и лицемерным человеком; наверное он может в лицо улыбаться искренне, а потом предать; видно, что он фальшивит и не собирается говорить об истинном положении дел; завуалированное (коварство); мне кажется, он не искренен; улыбка нерадушная, плохая попытка изобразить «добренького дядю»; (несимпатичный политик) на самом деле не весел</i> А также: <i>обманщик, вид такой, будто он только что кого-то обманул</i></p>	29
<p>Имеющий недобрый умысел: <i>что-то замышляет; оиущение такое, что он что-то задумал; усмешка; задумал что-то каверзное; замышляет коварный план; задумывает вселенское зло; выражение лица человека, задумавшего вселенское зло; в голове у этого мужчины «план захвата мира». Об этом говорит буквально всё: мимика, поза, злобный прищур; похож на персонажа из мультфильма. Такой злой завоеватель мира, но все его действия безуспешны; человек, решивший покорить мир; явно замышляет что-то недоброе; «–Чем займемся сегодня? – Будем завоевывать мир!»; лицо выражает завуалированное коварство; заговорщицкая улыбка; коварная улыбка; коварная улыбка, недобрый взгляд с прищуром – что-то замышляет; он смеется над всеми наблюдает из-за угла</i></p>	23

Злой: злодей; злобный человек, злой; «злой гений»; он словно злой гений из мультфильмов; в выражении лица усматривается нечто зловещее, недоброе; зловещий, недобрый взгляд, недобрый взгляд с прищуром; злобный прищур; злобные глаза; взгляд исподлобья; недобрая улыбка; насмешливая улыбка; А также злорадный: смотрит злорадно; злорадная усмешка; он смеется над всеми, наблюдает из-за угла; такое чувство, как будто он с радостью наблюдает за чьей-то неудачей; как будто злая улыбка, потому что брови опущены	19
Неприятный: неприятное, конечно, впечатление; неприятное впечатление; негативное впечатление; несимпатичный политик; неприятный человек (лицо, ухмылка, глаза или улыбка); отталкивающее выражение лица; лицо с явной ухмылкой, сощуренные глаза, что создает неприятное впечатление; не вызывает желания общаться; лично мне очень не понравилось лицо, и мимика, и жест чиновника; мне неприятен этот человек; он вызывает у меня неприязнь	17
Высокомерный: во взгляде видно пренебрежительное отношение к другим, презрение; смотрит свысока; в выражении лица усматривается нечто пренебрежительное; насмешка в глазах; хвастается, пытается показать, что он лучше всех; выражение лица такое, будто он говорит: «Что вы такое говорите?! Глупости!»	9
Ехидный: ехидное лицо, ехидное выражение лица, ехидный взгляд, ехидно улыбается (это видно по его взгляду), несколько ехидная улыбка	7
Страшный: жуткий взгляд, немного страшно даже; не оскал, но и не улыбка; еле заметный оскал; глаза пугающие	4
Корыстный: как будто он что-то задумал в своих корыстных целях, и у него это обязательно получится; в улыбке прочитывается предвкушение чего-то не очень хорошего, но, безусловно, выгодного для данного лица; выгодоприобретатель	3
Не вызывающий доверия: не вызывает никакого доверия; <неприятная ухмылка> явно что-то затевает	3
Насмешливо-язвительный: Едкая улыбка, насмешливая улыбка	2
Самодовольный: самодовольный, самодовольная улыбка	2
Недружелюбный: хмурый взгляд; взгляд исподлобья	2
Не доверяющий никому ⁴ : не верит и не доверяет никому; мужчина с улыбкой, но недоверчивым взглядом	2
Придирчивый: очень придирчив к людям	1
Хвастливый: (ему) свойственно бахвальство	1
Зависимый: Зависит от чужого мнения	1
Недобрый: Не очень добрый взгляд	1

⁴ Такую черту характера, как недоверие к другим, в русской культуре, скорее всего, принято оценивать отрицательно, ср. оценочное наполнение слов недоверие и осторожность в толковых словарях.

Жадный (возможно)	1
Наглый	1
Самоуверенный	1
Всего оценочных ответов-реакций	155

Заострим внимание на слове *хитрый*, прилагательном с варьирующей оценкой: «скрывающий свои истинные намерения, идущий непрямыми, обманными путями к достижению чего-либо; лукавый» и «разг. Изобретательный, искусный в чем-либо; хитроумный» [БТС, 1443]. Это слово и его производные как нельзя лучше демонстрируют «размытость» оценочных стереотипов [Вольф 1985, 10], что отражают и материалы нашего эксперимента.

В 36-ти случаях из 51-го указанное слово было употреблено в пейоративном оценочном контексте: *Обманчивый, хитрый взгляд; Хитрая, лживая улыбка; Хитрая ухмылка; Злодей, жулик, хитрец, подлец; Хитрые глаза и в то же время взгляд что-то замышляющий; Улыбка неискренняя, словно вымученная; Не очень добрый взгляд, хитрый, не вызывает доверия; Хитрый прищур глаз и довольная улыбка: предвкушение чего-то не очень хорошего, но безусловно выгодного для данного лица; Злой, наглый, хитрый, продумывает каждое свое действие. Очень придирчив к людям; Лицо выражает хитрость, словно он злой гений из мультфильмов; Хитрая ухмылка, язвительность, мстительность, лицемерие, лживость; Неприятные глаза, злобные, с какой-то злой искоркой, натянутая улыбка, как будто он что-то замышляет, но никому не хочет выдавать свой коварный план. Выражение человека, задумывающего «вселенское зло». Хитрая улыбка и т.д.* В высказывании *Хитрый взгляд. Насмешливая улыбка. Положение рук, возможно, указывает на ироническую оценку рассказа собеседника, презрительное отношение к кому-либо характеристика, даваемая герою фотопубликации при помощи слова хитрый*, находится на периферии отрицательной оценки. Ближе к «плюсу», нежели к «минусу» значение рассматриваемой реакции в ответе *хитрый, продумывает каждое свое действие*. В 13-ти примерах оценочная направленность определения *хитрый* не устанавливается ввиду отсутствия развернутого контекста (*Он хитрый, как лиса; Взгляд хитрый и лукавый; Хитрая улыбка; Хитрый взгляд; Хитрый и т.п.*) или неоднозначности самого контекста (*У мужчины на фото очень хитрый взгляд. Ощущение, как будто он что-то задумал. Видно, что мужчина солидный, уверенный в себе; Хитрый. Мало говорит. Обычно долго и сосредоточенно думает. Просчитывает свои шаги. Зависит от чужого мнения. Свойственно бахвальство*).

На четвертом этапе проанализированы оставшиеся реакции, не вошедшие ни в одну из рассмотренных выше групп.

В значениях 13 реакций, которые не вошли в таблицу и которые ранее не были описаны, представлены ответы, оценочный знак которых строго не дифференцирован. На оценочной шкале они находятся ближе к отрицательным значениям, это три семантические группы: 1) ‘скрытный’: он *закрытый* (3 ответа) или *у него закрытая поза; сцепленные руки – жест скрытности; скрытный человек; себе уме; Глубоко посаженные глаза говорят о скрытности характера*; 2) ‘замкнутый’: он *замкнутый* (2 ответа); 3) ‘недоверчивый’: *недоверчив* (или *не верит и не доверяет никому; мужчина с улыбкой, но недоверчивым взглядом*) и др.

В ходе опроса получено 7, кроме выделенных ранее, положительных характеристик героя. Три из них – реакции с частнооценочными этическими и индивидуально-психологическими оценками – даны одним из респондентов, это: *требовательный, самостоятельный, по глазам добрый*. В числе положительно оцениваемых психологических качеств названы такие качества личности, как *оптимист; большой лоб, значит, образован; дальновидный; остроумный; Долго и сосредоточенно думает, просчитывает свои шаги*. Два респондента, как было показано выше, наряду с внутренними качествами позитивно оценили также и внешний вид героя (*безукоризненный; аккуратный*).

Оставшиеся мелиоративные оценки не столь однозначны. Одна оценка дана в пейоративном контексте (*Взгляд выражает злорадство, Иванов терпеливый и воспитанный*), 6 – в контекстах, оценочная направленность которых может быть интерпретирована по-разному: *У мужчины на фото очень хитрый взгляд. Ощущение, как будто он что-то задумал; Хорошо чувствует себя на публике, хитроумный; У него лукавый взгляд, это знающий свое дело, наблюдательный, доброжелательный человек; Он хитрый, собранный*. Особое положение занимает один ответ, осложненный значением сочувствия, что предполагает наличие в семантике ответа мелиоративной оценки: *Взгляд тяжелый, из-под бровей, на лице много морщин, возможно, он пережил много горестей*.

Оценочная направленность («+» или «–») следующих пяти реакций не установлена: *интеллигент, глава; ленинский прищур; «белый воротничок», строгий человек*. Эти реакции отнесены к группе «квазиоценок» (см.: [Вольф 1985: 164]), приобретающих оценочное значение на основе существующих в ценностной картине мира коммуникативного сообщества стереотипов, оценочный смысл квазиоценок меняется в зависимости от лингвистического и экстралингвистического контекста, который в нашем случае отсутствует.

В четырех реакциях (*интригующий взгляд, загадочная улыбка, загадочный взгляд – два ответа*) – также невозможно установить знак оценки.

Неоднозначно в современной русской культуре трактуется и характеристика человека, передаваемая словосочетанием *уверенный в себе* (3 ответа), ср. оценочные наполнения указанного словосочетания в контексте *Видно, что мужчина солидный, уверенный в себе («+»)* и наличие пейоративной составляющей в значениях ответов *Хитрый, уверенный в себе, ухоженный* (последнее качество также приобретает здесь пейоративное оценочное значение. – Л.М.), *возможно, любит, когда люди ему проигрывают; Хитрый, неприятный человек, лицемер, хвастается, пытается показать, что он лучше всех, уверен в себе, следит за внешним видом* (судя по контексту, последний аспект также оценивается отрицательно).

Выводы

Всего в результате эксперимента получено 265 реакций. Из них нейтральных в оценочном отношении – 13, вектор оценочной направленности 27 реакций является неопределенным или не был установлен. Оставшиеся 225 реакций являются оценочными. Основную часть (202) составляют отрицательные оценочные реакции, причем 170 из них составляют ядро – это собственно пейоративные реакции, 32 находятся на периферии оценочной шкалы. Мелиоративных реакций всего 26, из них 13 находятся на периферии. Из частнооценочных основная доля (99%) при-

ходится на этико-психологические оценки, представленные 21-й семантической группой. Наиболее частотными оказались оценки семантических групп “хитрый”, “неискренний”, “имеющий недобрый умысел”, “злой и злорадный”, “неприятный”.

Оценочные характеристики ‘хитрый’, ‘неискренний’ находятся в диссонирующих отношениях с помещенной прямо под фотографией репликой С. Иванова *Далеко не всегда надо чем-то умамливать чиновников* (АиФ. 2013. 6 – 12 нояб.). Эта семантическая рассогласованность вербального и невербального текстов прокомментирована в ответе одного из респондентов следующим образом: «Фотография несколько противоречит фразе, приведенной под ней: “Однако не всегда надо чем-то умамливать чиновников (АиФ. 2013. 6 – 12 нояб.)”. Картина выражает другое значение: ‘Да что вы говорите, да неужели!’, то есть усмешка, несогласие, ирония. Неконгруэнтность, одним словом».

Вместе с тем визуальный текст согласуется с семантикой журналистского комментария реплики персонажа поликодового текста: ...*Одних... надо умамливать на выполнение служебных обязанностей, а других – на невыполнение...* (Там же). Ключевым в высказывании журналиста является, пожалуй, слово – *умамливать* «добиваться чьего-либо расположения лаской, лестью, подарками» [МАС, IV, 489]. В семантике слова *умамливать* вычленяются семы ‘хитрость’, а также ‘неискренность’, ‘наличие умысла’, которые были выявлены и в ответах респондентов на основании восприятия и декодирования сигналов «языка тела» и, вероятно, не без воздействия на их сознание журналистского комментария, который они успели прочесть при знакомстве с поликодовым текстом. Нельзя также не учитывать и оставшиеся семантические группы, полученные в результате эксперимента. Они демонстрируют аксиологическую маркированность концепта «власть» в сознании российского общества, ассоциированность этого понятия с широким спектром стереотипных смыслов.

Иконические тексты, осложненные кодами визуального поведения, отличаются особой экспрессивностью, они телесно восчувствованы, рассчитаны на эмоциональное переживание видимого, а потому способны оказывать мощное неявное влияние на читателей.

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

БТС: Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб: Норинт, 1998. 1536 с.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.

Мардиева Л.А. Коды визуального поведения и ассоциированные с ними смыслы: постановка проблемы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 3 (33). Ч.1. С. 126-130.

Мардиева Л.А. Тексты СМИ в динамическом измерении // Вопросы психолингвистики. М.: ИЯ РАН, 2014. № 2 (20). С. 68-80.

Мардиева Л.А. Социокультурная реальность и ее интерпретации в медиатекстах. Опыт интегративного исследования. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. 358 с.

МАС: Словарь русского языка: в 4-х т. Т. IV. Изд. 3-е, стереотип. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1988. 800 с.

Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. М.: ИЯ РАН, 2003. № 1. С. 64-76.

Петрова Е.А. Визуальная психосемиотика общения: дис... д-ра психол. наук. М., 2000. 402 с.

Пешкова Н.П. Из опыта экспериментальных исследований понимания речи в русле психолингвистики текста А.И.Новикова// Вопросы психолингвистики. М.: ИЯ РАН, 2014. № 2 (20). С. 113-122.

Романов А.А. Аспекты психосемиотики визуальной коммуникации// Мир лингвистики и коммуникации: электронный научн. журнал. 2005. Т.1. №1. С.1-6.

Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития: Отраслевой доклад/ Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. М., 2017. 150 с.

**VISUAL COMMUNICATIVE PROFILE OF A PERSON:
EXPLICATION OF VISIBLE INFORMATION PERCEPT
AND COMPREHENSION RESULTS**

Leyla A. Mardieva

Doctor of Philology, Associate Professor
Chair of the Russian Language and Applied Linguistics
Institute of Philology and Intercultural Communication
Kazan Federal University
2 Tatarstan St., Kazan, 420021
layka66@mail.ru

The article presents the experimental results having enabled to materialize the mental projections of consciousness that occur in the process of reading and allow readers to perceive and comprehend the iconic component of polycode media text complicated due to the codes of visually perceived nonverbal behavior. The goal of the experiment was to identify stereotypes of evaluative meanings conveyed by the texts under the given studies. A. I. Novikov's method of constructing a counter-text was used to reach the desired goal. The technique of linguistic decoding was applied for the results description and analysis. The classification of evaluation responses was based on the typology of general and personal estimations by N.D. Arutjunova. In this context, we consider evaluations (estimated values) a constituent part of both the main content of the response values and connotative increment. The results of this experiment showed that a large part of the responses were a negative pejorative or deteriorative evaluations. Of recipients' evaluative reactions to the visual text mostly ethical and psychological private values dominate, the latter acquired over-individual ethical aspect. The basic meaning of the word 'cunning' transmitted by means of visually observable signs is complicated by the additional semantic nuances being a product of stereotypical insights of image of power in the Russian communication community.

Keywords: visual text psycholinguistics, counter-text method, nonverbal behavior, multimodal mass-media text

References

- Arutjunova N.D.* (1999) *Jazyk i mir cheloveka*. [Language and the World of Man]. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury. 896 P. Print. (In Russian).
- Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka* (1998) [Big Explanatory Dictionary of the Russian Language] / Ed. by S.A.Kuznecov. Saint-Petersburg: Norint. 1536 P. Print. (In Russian).
- Vol'f E.M.* (1985) *Funkcional'naja semantika ocenki* [Functional Semantics of Evaluation]. Moscow: Nauka. 228 P. Print. (In Russian).
- Mardieva L.A.* (2014) *Kody vizual'nogo povedenija i associirovannye s nimi smysly: postanovka problemy* [Visual behavior codes and the meanings associated with them: problem setting] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice] 3 (33), part 1: 126–130. Print. (In Russian).
- Mardieva L.A.* (2014) *Teksty SMI v dinamicheskom izmerenii* [Mass Media Texts in a Dynamic Survey] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics] 2 (20): 68-80. Moscow. Print. (In Russian).
- Mardieva L.A.* (2016) *Virtual'naja dejstvitel'nost' v jazykovoj i vnejazykovoju reprezentacii (na materiale mediatekstov)* [Virtual Reality in Linguistic and Extralinguistic Representation (A Case-study of Media Texts). Doctorate Thesis]. Kazan. 412 P. Print. (In Russian).
- Mardieva L.A.* (2016) *Sociokul'turnaja real'nost' i ee interpretacii v mediatekstah. Opyt integrativnogo issledovanija* [Social-Cultural Reality and Its Interpretation in the Media Texts. An Integrative Research]. Kazan: Kazan University Press. 358 P. Print. (In Russian).
- Novikov A.I.* (2003) *Tekst i «kontrtekst»: dve storony processa ponimaniya* [The Text and Counter-text: Two Sides of the Understanding Process] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics] 1: 64-76 Moscow. Print. (In Russian).
- Petrova E. A.* (2000) *Vizual'naja psihosemiotika obshhenija* [Visual Psychosemiotics of Communication. Doctorate Thesis]. Moscow. 402 P. Print. (In Russian).
- Peshkova N.P.* (2014) *Iz opyta jeksperimental'nyh issledovanij ponimaniya rechi v rusle psiholingvistiki teksta A.I.Novikova* [Experimental Studies on Speech Comprehension in A. I. Novikov's Conception of Text Psycholinguistics] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics] 2 (20): 113–122. Moscow. Print. (In Russian).
- Romanov A. A.* (2005) *Aspekty psihosemiotiki vizual'noj kommunikacii* [Aspects of Visual Communication Psychosemiotics] // *Mir lingvistiki i kommunikacii: jelektronnyj nauchn. Zhurnal* [World of Linguistics and Communication] 1, Vol. 1: 1–6. Web. (In Russian).
- Rossiyskaya periodicheskaya pechat. Sostoyanie, tendentsii i perspektivy razvitiya: Otrasleyvoj doklad/ Federalnoe agentstvo po pechatu i massovyim kommunikatsiyam (2017) [Russian periodicals. Status, trends and development prospects: official report / Federal Agency for Press and Mass Communications of the Russian Federation]. Moscow. 150 P. Print. (In Russian).
- Slovar russkogo jazyka* (1988) [A Dictionary of the Russian Language], Vol. 4. AN SSSR, In-t rus. Yaz. Ed. by A.P. Evgeneva. Moscow. 800 P. Print. (In Russian).

УДК 81'23 DOI: 10.30982/2077-5911-2-70-83

**ИЗУЧЕНИЕ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ ПОЛИГЛОТОВ –
К РАЗРАБОТКЕ ТЕОРИИ ПОЛИГЛОТИИ И ПРАКТИКИ
ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ**

Никуличева Дина Борисовна

доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник сектора германских языков
Института языкознания РАН
125009, Москва, Б. Кисловский пер., 1/1
nikoulitcheva@yandex.ru

Статья написана по материалам доклада, прочитанного автором на заседании Центра межкультурных исследований им. А.А. Леонтьева 1 марта 2018 г., и посвящена обсуждению современных методов лингвистического изучения феномена полиглоти. Рассматриваются сходства и различия в описании этого явления в книгах Д.Б. Никуличевой [2009; 2013а] и М. Эрарда [2012]. В отличие от нейрофизиологического ракурса исследования М. Эрарда, подчеркивающего уникальность мозга гиперполиглотов, в исследованиях Д.Б. Никуличевой упор делается на изучение и обобщение их лингводидактического опыта. Задачей является моделирование коммуникативной компетенции полиглотов в ценностной, эмоциональной, перцептивной и коммуникативной сфере. На материале, полученном в ходе мониторинга американского полиглота Александра Аргуэльеса с начала его занятий ивритом, в статье показывается, как стратегии мотивации, организации времени, ввода новой языковой информации, ее запоминания, активизации и перевода в устойчивый навык могут быть использованы в лингводидактической практике. Особое внимание обращается на те стратегии интериоризации материала изучаемого языка, которые не осознаются самим полиглотом и выявляются в процессе наблюдения за его вербальным и невербальным поведением в процессе языковых занятий.

Ключевые слова: полиглотия, психолингвоперсоналогия, моделирование индивидуальных черт коммуникативной компетенции, интериоризация языкового материала, визуальное, аудиальное, сенсорное усвоение языкового материала, иконические и функциональные жесты, лингводидактический дискурс полиглота, концептуальная метафора

Говоря о разработке лингвистической теории полиглоти, хочется подчеркнуть, что первые попытки научного обобщения опыта изучения языков, накопленного самими полиглотами и отраженного в том, что Г.А. Казаков [2016] называет «полиглотическими мемуарами» [Ломб 1975; Спивак 1986; Куринский 1994; 2006; Гуннемарк 2011 (Gunnemark 1996; Gunnemark, Gerthin 1997); Мельников 2009; Петров, Борейко 2010], были предприняты именно в стенах Института языкознания РАН. Первым подходом к сравнительному исследованию феномена полиглоти профессиональным лингвистом стала книга сотрудника ИЯз РАН А.П. Юдакина «Можно ли изучить 50 языков» [Юдакин 1998], затем в 2009 году вышла первая книга автора этой статьи в задуманной серии «Лингвистические и психологические

стратегии полиглотов: Как найти свой путь к иностранным языкам» [Никуличева 2009], вторая книга серии «Лингвистические и психологические стратегии полиглотов: Говорим, читаем, пишем» была опубликована в 2013 г. [Никуличева 2013], и только в 2012 вышла книга американского лингвиста М. Эрарда [Erard 2012], синтезирующая опыт множества полиглотов и получившая благодаря английскому языку широкую международную известность. Ее название «Babel No More» дословно можно было бы перевести как «Вавилона больше нет» или «Конец Вавилонского проклятия», но в русском переводе книга была опубликована под более академическим названием «Феномен полиглотов» [Эрард 2012].

Сам факт выхода в пределах трех лет двух обобщающих и независимых друг от друга исследований по проблемам полиглотики показателен. Это своего рода проверка достоверности полученных результатов, поскольку авторы обеих книг приходят к схожим выводам и обобщениям. Так же, как и в наших книгах о стратегиях полиглотов, Эрард анализирует опыт ряда полиглотов прошлого, интервьюирует доступных ему полиглотов-современников и изучает полиглотические мемуары. Это тем более важно, что круг полиглотов, обследованных в книгах Д.Б. Никуличевой и М. Эрарда, практически не совпадает. Из полиглотов прошлого Д.Б. Никуличева строила свои наблюдения на истории жизни Вильгельма фон Гумбольдта (1761-1835), Генриха Шлимана (1828-1890) и Арминия Вамбери (1832-1913), тогда как Майкл Эрард подробно изучал жизненный путь кардинала Джузеппе Меццофанти / Giuseppe Gasparo Mezzofanti (1774-1849), «просвещенного кузнеца» из Коннектикута Элиу Барритта / Elihu Burrit (1810-1879), немецкого дипломата, переводчика и востоковеда Эмиля Кребса / Emil Krebs (1867-1930). Что касается полиглотов-современников, то в поле внимания Эрарда попали: президент международной ассоциации полиглотов Александр Аргуэльес, переводчик Евросоюза с 14 языков Грэм Кэнсдейл / Graham Cansdale, эксперт по оценке образовательных программ, финансируемых за счет средств Всемирного банка Хелен Абадзи / Helen Abadzi, победитель национального конкурса полиглотов голландец Йохан Вандевалле / Johan Vandewalle, тогда как исследование Д.Б. Никуличевой фокусировалась в первую очередь на российских полиглотах: питерском филологе Сергее Григорьевиче Халипове (1938-2011), синхронисте и коллеге по МГЛУ Дмитрии Юрьевиче Петрове, переводчице и сотруднику российского отделения Total Ирине Шубиной и поэте-полиглоте и фотохудожнике Вилли Мельникове (1962-2016).

Тематика полиглотики представляет особый интерес в русле такого практического направления психолингвистики, как психолингвоперсонология, определявшаяся К.Ф. Седовым как: «психолингвистика индивидуальных различий, которая ставит перед собой задачи *моделирования индивидуальных черт коммуникативной компетенции*» [Седов 2009: 50]. Задачей серии книг Д.Б. Никуличевой о лингвистических и психологических стратегиях полиглотов было обобщение индивидуальных черт их коммуникативной компетенции с целью использования в практике изучения иностранных языков. Это обобщение проводилось по четырем основным направлениям: изучение поведенческих особенностей полиглотов в ценностной, эмоциональной, когнитивной и перцептивной сферах.

Ценностная составляющая коммуникативной компетенции характеризовалась обязательным присутствием *осознанной мотивации* к изучению конкретного

языка; конкретизацией и индивидуализацией целей, связанных с изучением языка; включением целей, связанных с иностранными языками, в общую структуру ценностей человека; отношением к языкам как к способу самореализации и «омно-гомеривания» мира, как это называл поэт-полиглот Вилли Мельников.

Эмоциональная составляющая коммуникативной компетенции проявлялась в осознании своих неординарных языковых способностей; выявлении собственного ресурсного опыта в обучении; создании и поддержке позитивного настроения на изучаемый язык; благодарном принятии каждого нового языка во всем его своеобразии; усвоении языкового материала «от первого лица».

Перцептивная составляющая коммуникативной компетенции выражалась в целенаправленной опоре на свои наиболее сильные перцептивные особенности, обязательной сенсбилизация языкового материала (embodiment); сознательном развитии менее ярко выраженных визуальных / аудиальных / сенсорных способностей усвоения языкового материала, создании собственных эффективных методов интериоризации языкового материала на фонетическом, лексическом и грамматическом уровне.

Когнитивная составляющая коммуникативной компетенции проявлялась в реализации базового принципа запоминания – «мыслить запоминая» (важнейший принцип, сформулированный в книгах Валерия Куринского); в лексике важно установление межъязыковых и внутриязыковых параллелей; в грамматике приоритетно «усвоение грамматики из языка, а не языка из грамматики» и отношение к поиску языковых закономерностей как к увлекательной логической задаче; установление базовых структурных и ритмико-интонационных моделей и их лексическое наполнение по принципу комбинаторики; опора на визуализацию таблиц; сочетание структурного и коммуникативного подходов, обязательно включение вновь вводимых моделей в диалог.

Несмотря на то, что объектом исследования стали разные люди, наблюдения и выводы оказались весьма близкими. Вот, например, какие общие типичные стратегии полиглотов были продемонстрированы Дмитрием Петровым по результатам его четырех телевизионных курсов (английский, итальянский, испанский, немецкий):

- обязательность осознанной мотивации к изучению конкретного языка,
- создание и поддержание позитивного настроения на изучаемый язык,
- стадийность изучения языка,
- принцип минимума, необходимого и достаточного на начальном этапе,
- эргономичность при сохранении речевой правильности,
- доведение базовых структур и лексем до автоматизма,
- сочетание структурного и коммуникативного подходов,
- в лексике важно установление межъязыковых параллелей,
- в грамматике приоритетно установление базовых структурных моделей,
- опора на визуализацию таблиц,
- обязательно включение вновь вводимых моделей в диалог,
- приоритетно усвоение речевых формул,
- усвоение коммуникативного материала идет «от первого лица»,
- регулярность языковых занятий,
- интенсивность прохождения начального курса,
- особый режим повторений [Никulichева 2013б: 93-96].

К схожим выводам приходит М. Эрард в конце своей книги, говоря о важности получения удовольствия от занятий языком, самостоятельного исправления своих ошибок, упора на практику общения, использования всех доступных ресурсов (газеты, аудио, Интернет), усвоения диалогов, охватывающих основные тематические области, поиска точек соприкосновения с языками, которые уже знаешь, изучения грамматики по собственноручно составленным таблицам, регулярности занятий и повторения по определенной схеме [Erard 2012: 275-276].

Важнейшим же общим выводом наших исследований является то, что полиглоты – это прежде всего *автодидакты*, люди одержимые изучением языков, и что методы, применяемые этими людьми, соответствуют их *индивидуальным когнитивным стилям*.

Важнейшее же различие в подходах между книгами Никуличевой и книгой Эрарда состоит в том, что Эрард целенаправленно исследует людей, которых он определяет даже не как полиглоты (люди, знающие шесть и более языков, и для которых изучение иностранных языков не является сложной задачей), а как *гиперполиглоты* – люди, владеющие несколькими десятками языков. Например, Аргуэльес в разной степени овладел более чем 45, Кребс – 68, Меццофанти, по некоторым сведениям, 72 языками. Если в своих анкетированиях Эрард учитывает и «обычных» полиглотов, людей, знающих более пяти языков, то исследовательский интерес для него представляют именно гиперполиглоты, которые в разной степени владеют значительно большим количеством языков.

На схеме из книги Эрарда [Erard 2012: 225] представлена таблица, иллюстрирующая явный количественный скачок между теми, кто владеет шестью-девятью языками, и кто знает значительно больше языков. Последних – единицы. Из этого следует, что для *изучения уникального мозга*, разумеется, представляют наибольший интерес люди, находящиеся на экстремальных позициях шкалы, тогда как для *лингводидактических целей*, которые преследуются в моих книгах интересны прежде всего результаты тех людей, которые достигают впечатляющих результатов, но не представляют собой абсолютно уникального нейрофизиологического феномена. К уникальным феноменам из обследованных мной полиглотов можно было отнести Вилли Мельникова, получившего в афганскую войну черепно-мозговую травму, что резко активизировало его способности к усвоению новых языков.

Особенность книги М. Эрарда состоит в том, что он делает упор на нейрофизиологическое изучение мозга гиперполиглотов и приходит к выводу об исключительности организации мозга этих людей. Например, он пишет: «Статистический анализ полученных результатов отчасти подтвердил справедливость гипотезы Гешвинда – Галабурда. Например, те, кто сообщил, что знает шесть и более языков, а также те, для кого изучение иностранных языков не является сложной задачей, значительно чаще признавались в наличии у них гомосексуального поведения, предпочтений и/или ориентации, чем можно было бы предсказать, основываясь на статистических ожиданиях. (Мои собственные исследования полиглотов этого наблюдения, кстати, никак не подтверждают. – Д.Н.). Кроме того, значительное число опрошенных указали, что либо они сами, либо кто-то из членов их семьи имеет иммунные заболевания. Некоторые из них явно витают в прошлом или прибыли из будущего. Меццофанти, Александр <Аргуэльес> и Хелен <Абадзи>, Кен Хэйл

и Кристофер – все они пребывают вне окружающего их формата, пространства и Времени» [Эрард 2012: 109].

Описанное Эрардом [2012: 110] исследование мозга Эмиля Кребса, проведенное нейрофизиологами Кэтрин Амунтс и Карлом Циллесом [Amunts, Schleicher, Zilles 2004], показало, что характерной его особенностью была особая насыщенность нейронами так называемой зоны Брока (области Бродмана 44 и 45), отвечающей за обработку семантической составляющей, отбор и комбинацию смысловых элементов языка. Причем самое интересное оказалось то, что увеличено, по сравнению с одиннадцатью контрольными образцами мозга, у Кребса оказалась 45 поле Бродмана, имеющее связи с ядрами зрительного бугра, не в левом – вербальном, а в правом полушарии, обслуживающем невербальные когнитивные процессы, связанные с образным мышлением.

Понятно, что зоны, отвечающие за речевые функции, должны быть развиты у полиглотов особенно интенсивно. Важно подчеркнуть, что они развиты по-разному. Так, нейрофизиологические исследования людей, имеющих “phonetic language talent” показывают, что у талантливых имитаторов, людей, способных особенно точно слышать и воспроизводить звуки, первичная слуховая кора головного мозга, известная как «извилины Гешля» (поле 22 по Бродману), имеет анатомически более сложную структуру: «у коры их головного мозга больше пальцеобразных извилин, заполненных белым веществом, что позволяет им занять большую поверхностную площадь» [Эрард 2012: 148] со ссылкой на [Dogil, Reiterer 2009]. Ведь это сенсорный центр речи, основная функция которого состоит в преобразовании слуховых сигналов, вызванных речью, в нейронные коды слов, которые активируют соответствующие образы или понятия.

Подчеркнем тот факт, что мозг разных людей, имеющих талант к изучению языков, неодинаков, и это приводит к различию их индивидуальных когнитивных стилей. Но и мозг обычных людей тоже не одинаков, поэтому задача состоит в том, чтобы выявить те лингводидактические стратегии полиглотов, которые в наибольшей степени соответствуют твоему собственному когнитивному стилю, и научиться сознательно их использовать. Для этого было выделено два базовых типа полиглотов полиглоты-визуалы и полиглоты-аудиалы. Примерами первых могут служить Генрих Шлиман, Сергей Халипов, Ирина Шубина, Эмиль Кребс, Александр Аргуэльес. Примерами вторых служат Арминий Вамбери, Поуль Дженьюлос, Эрик Гуннемарк, полиглоты молодого поколения Станислав Крикун и Тимоти Донер.

Дальнейшая задача состояла в том, чтобы выявить характерные поведенческие стратегии каждого из двух когнитивных типов полиглотов на стадии первичного ввода новой языковой информации (loading), на стадии запоминания новой информации (saving), на стадии доступа к ранее выученному (retrieval) и на стадии автоматизации, то есть перевода новой информации в устойчивый навык (skill).

Причем поведенческие стратегии на каждой из этих четырех стадий изучались специально применительно к навыкам постановки артикуляции, понимания на слух, запоминания лексики, усвоения грамматики, активного говорения, чтения и письма.

Заключительным шагом стала разработка специальных лингво-психологических упражнений, адресованных учащимся разных когнитивных стилей, которые позволяют им улучшить свои навыки во всех сферах изучения языка.

Проиллюстрируем процесс исследования стратегий полиглота на материале проведенного нами в начале 2014 года более чем трехмесячного ежедневного мониторинга Александра Аргуэльеса в онлайн-режиме в тот период, когда он приступил к изучению нового иностранного языка, в тот момент его 48-го языка – иврита.

Александр Аргуэльес во всех отношениях проявляет себя как ярко выраженный интроверт. Если экстраверты, яркими примерами которых могут служить такие полиглоты-тинэйджеры, как американец Тимоти Доннер или украинец Станислав Крикун, уже с первой недели изучения нового языка начинают общаться – обычно по Интернету – с носителями изучаемого языка, особо не беспокоясь по поводу правильности своей речи и достаточности словарного запаса, то Александр Аргуэльес, наоборот, даже завершая первый цикл изучения иврита, отказался продемонстрировать реальное общение на иврите со специально найденным для него носителем языка из Израиля. При этом подчеркну, что к этому моменту он уже свободно читал, понимал аудиокниги на иврите и бегло (в режиме естественной речи носителя языка и с аутентичными интонациями) переводил на иврит любой из текстов продвинутого уровня, используя как основу параллельные тексты французского курса «Assimil» [Jacquet-Svironi 2007].

Его отказ был явным проявлением крайнего перфекционизма, черты характера, наиболее присущей как раз людям интровертивного типа. Овладевая иностранным языком, перфекционист стремится, чтобы его речь звучала абсолютно грамотно. В русском языке для этого есть даже выражение «говорить как по писаному».

Приоритетность письменного текста по отношению к звучащей речи является типичным следствием такого отношения. «*I've always loved script*», – говорит о себе Аргуэльес. Мотивация к изучению языков и система ценностей Аргуэльеса отражают это в полной мере. Так, в ходе мониторинга он постоянно подчеркивал, что его важнейшая цель состоит в том, чтобы свободно читать классическую литературу на языках оригинала: «*My goal is to develop real reading abilities in the original classic literature of languages with strong cultural traditions. Being able to converse is a nice byproduct of learning languages, but it has never been my motive*». Именно поэтому в выборе языков Аргуэльес руководствуется прежде всего наличием в данном языке богатой литературной традиции, а способность общаться на этом языке воспринимает как «приятный побочный продукт».

Наблюдая впоследствии то, как Аргуэльес общается по-русски, я не переставала восхищаться грамматической и интонационной правильностью его речи и богатством языка, однако не раз замечала в его речи устаревшие книжные обороты типа «делаю пометы» или «надобно сказать».

Даже такая деталь, как неприятие учебников на электронных носителях и выбор только тех учебников, которые можно достать «в бумажном» варианте, свидетельствуют о его особом отношении именно к книгам.

Приведу один эпизод из нашей недавней встречи в Дубае, где в настоящее время профессор Александр Аргуэльес возглавляет Институт лингвистики в Американском университете. Во время совместной экскурсии в отдаленный арабский форт один из его сыновей посочувствовал зрителю музея, день за днем проводящему в безлюдном зале. «А по-моему, замечательная работа! – воскликнул отец. – Я бы хотел сидеть здесь и целый день читать книги!»

То есть Аргуэльеса с уверенностью можно отнести к «читающим полиглотам», «полиглотам-визуалам», типичным представителем которых был знаменитый Генрих Шлиман. Но точно так же, как и Шлиман, перфекционист Аргуэльес целенаправленно совершенствует свои аудиальные навыки, используя те возможности, которых не было у Шлимана.

Вообще, хочу еще раз подчеркнуть, что опора на наиболее сильные стороны своей личности с целенаправленным «дообраиванием» своих прочих способностей до достаточно высокого уровня является общей чертой полиглотов.

Сверхжесткая организация времени является самой впечатляющей чертой Аргуэльеса. Он ведет *неукоснительный учет всех своих занятий* и точно знает, сколько часов он посвятил какому языку. На это обратил внимание и Эрард: «Судя по таблице Александра, за последние 456 дней он потратил на языки 4454 часа. В порядке убывания количества потраченных часов языки распределились следующим образом: Английский – 456, Арабский – 456, Французский – 357, Немецкий – 354, Латинский – 288, Китайский – 243, Испанский – 217, Русский – 213...». [Эрард 2012: 73-74]. И так порядка 50 языков за полтора года, до последней записи: Индонезийский – 4, Вьетнамский – 4. По свидетельству Эрарда, похожие записи также вели такие гиперполиглоты, как Элиу Баррит и Эмиль Кребс.

Подобный жесткий учет времени совместно с такими чертами, как наличие блестящих способностей в определенной области, некомфортность в социальном окружении, пристрастие к заведенному распорядку и страх перед его нарушением, побудили Майкла Эрарда заподозрить у Аргуэльеса проявления так называемого синдрома Аспергера [Эрард 2012: 146].

Мои собственные наблюдения подтверждают, что столь же скрупулезно Аргуэльес относится к организации каждого своего сеанса обучения. Перечислю основные моменты, отмеченные в ходе мониторинга.

1. *Ежедневность*. На протяжении шести месяцев исследования (три месяца изучение иврита с нуля и три месяца занятий русским языком на продвинутом этапе) Аргеллес *ни разу не пропустил времени занятий*. Я наблюдала его в состоянии после ночи без сна из-за затянувшейся экскурсии, после травмы в результате падения, а также в состоянии простуды. И даже внезапная смерть близкого коллеги, о которой ему сообщили прямо на моих глазах во время одного из занятий, не изменила его распорядка.

2. *Жесткая привязка занятий к определенному времени суток и учет особенностей собственных биоритмов*. Как занятия ивритом, так и впоследствии занятия русским языком начинались ровно в четыре часа утра.

3. *Интенсивность загрузки материала*. За один час занятий Аргуэльес вводит текстовый материал, который в курсе «Ассимиль» рассчитан на одну неделю (шесть учебных уроков и каждый седьмой урок – повторение).

4. *Заданная ограниченность занятия по времени и четкая его временная разбивка на заранее определенные аспекты*. При введении нового урока на начальной стадии это шестишаговое повторение:

- Blind shadowing – звуковая имитация звучащего текста без опоры на письменный текст.

- Shadowing focusing on parallel French text – звуковая имитация звучания на иврите с одновременным прочтением параллельного текста на известном языке (в данном случае французском).

- Shadowing looking on Hebrew and French texts – чтение синхронно с аудиозаписью с одновременным фокусом на параллельные тексты на французском и на иврите.

- Reading after the tape focusing only on Hebrew page – чтение синхронно с аудиозаписью глядя только на страницу на иврите.

- Focusing on French explanations – чтение пояснений к уроку по-французски.

- Reading the Hebrew text with the tape – завершающее чтение текста синхронно с аудиозаписью.

5. *Многоступенчатый режим повторений:*

- Его формула 48 часов состоит в обязательном озвучивании по системе shadowing материала, введенного в предыдущие два дня. То есть перед тем как ввести, скажем, уроки 22, 23, 24, 25, 26, 27, Аргуэльес повторяет вслух позавчерашние уроки 8, 9, 10, 11, 12, 13 и вчерашние 15, 16, 17, 18, 19, 20.

- Повторение начального уровня с другими учебниками. Так, перед тем как перейти ко второму тому «Ассмимля», Аргуэльес дважды повторил начальный этап, используя два других учебника.

- Циклическое повторение всех учебников после прохождения их по первому разу.

6. Ежедневное возвращение к материалу других языков с целью их поддержания.

Организация режима повторений является ключом к пониманию того, как Аргуэльес организует перевод нового материала в устойчивый языковой навык (skill). Это элемент его собственных настойчивых утверждений относительно того, в чем заключается его секрет в изучении языков.

Одновременно лингвистический мониторинг позволяет выявить стратегии, скрытые от самого полиглота, но явно входящие в его бессознательный инструментарий.

Так, отдельный интерес представляют стратегии, применяемые Аргуэльесом для сохранения только что введенной новой информации в памяти.

Сам Александр утверждает, что не использует мнемотехники при запоминании слов или грамматических структур, за исключением этимологических связей. Однако, наблюдая его в течение более чем 100 дней, я убедилась, что неизменным для него остается принцип **множественности каналов запоминания**.

Там, где он работает по французскому учебнику «Ассимиль», смыслы конструкций он берет из параллельных текстов. Сочетания *звук-смысл-графика*, наложенные на интенсивное *множественное проговаривание с убыстрением* на фоне *ритмичного движения*, достаточны для запоминания.

Однако стратегия в корне меняется, когда Аргуэльес переходит к учебнику иного типа. После начального «Ассимилья» он взял более сложный курс иврита, где не используются параллельные тексты. Там в начале каждого урока вводятся новые слова с пояснениями на немецком языке. И тут стратегия ввода материала резко меняется.

Александр так же громко и быстро читает новые слова, причем (незаметно для себя самого) сопровождая их жестами. Это побудило меня провести эксперимент в формате игры-угадайки. Не имея перед собой текста, я не знала перевода, но записывала то, как слова звучали на иврите и отмечала сопровождающие их жесты, а в последующей переписке уточняла у Александра их значение.

Вот некоторые примеры.

Цифры – для их запоминания использовались четкие жестовые обозначения, которые явно являлись универсальными для всех известных Александру языков:

akhat – אַחַת – большой палец – 1 (f),

shtaim – שְׁתַּיִם – указательный палец – 2 (f),

shalosh – שְׁלוֹשׁ – средний палец – 3 (f),

arba – אַרְבָּע – безымянный палец – 4 (f),

khamesh – חָמֵשׁ – ладонь – 5 (f),

shesh – שֵׁשׁ – ладонь и большой палец – 6 (f).

В какой-то момент следующего урока движения опять стали напоминать счет. Оказалось, что речь шла о сотнях:

may-ah – מַאָּה – движение раскрытой ладонью вниз – 100 (f),

ma-ta-eem – מֵאָּתַּיִם – движение раскрытой ладонью вправо – 200,

shalosh meot – שְׁלוֹשׁ מֵאוֹת – ладонь с тремя раскрытыми пальцами движется к себе – 300,

khamesh meot – חָמֵשׁ מֵאוֹת – раскрытая ладонь движется к себе – 500,

elef – אֶלֶף – движение двумя раскрытыми ладонями вниз – 1000.

Предлоги и пространственные наречия также были узнаваемы по иконическим жестам:

al – אַל – ладони лежат рядом на столе – предлог «на»,

all yad – לְעַד – ладони скользят по столу в стороны – «рядом»,

rakhok – רַחֹק – ладонь выбрасывается далеко вперед – «далеко», «широко».

Существительные передаются либо функциональными жестами, либо иконическими:

yayin – יַיִן – как будто пьет – «вино»,

marak – מֵרַק – как будто ест – «суп»,

bakbuk – בַּבּוּק – как будто держит что-то цилиндрическое в руке – «бутылка»,

mana – מַנָּה – круговое движение пальцем над поверхностью стола – «порция, блюдо»,

agvania – אֶגְבָּנִיָּה – как будто держит в ладонях что-то круглое – «помидор»,

regel – רֶגֶל – рукой показывает на свою ногу – «нога», «ступня».

Глаголы и тематически связанные с ними существительные кодируются схожими функциональными жестами, изображающими ситуацию:

omer, omeret – אָמַר / אָמְרַת – указательный палец движется от губ вперед – «говору» (m.,f.),

seekhah – שֵׂעִיחָה – указательные пальцы приближаются с обеих сторон к уголкам губ – «беседа»,

Жесты могут носить и более сложный метонимический характер:

na'ar – נָעַר – ладонь движется горизонтально вниз – «молодой», «молодость»,

k'far – כָּפַר – кулаки плотно опираются на стол по обе стороны тела – «деревня»,

teavon – תַּעֲוֹן – ладонь на животе, выражение лица довольное – «*appetite*».

Пространственное кодирование местоимений, причем формы **женского и мужского рода** четко противопоставляются своим левым или правым расположением относительно тела:

yesh li – יש לי – большой палец обращен к себе – «*у меня есть*»,

yesh l'kha – יש לך – большой палец обращен вперед – «*у тебя есть*»,

yesh lo – יש לו (m.s.) – большой палец указывает **направо** – «*у него есть*»,

yesh lah – יש לה (f.s.) – большой палец указывает **налево** – «*у нее есть*»,

ayn lo – אין לו (m.s.) – большой палец указывает **направо** – «*у него нет*»,

ayn lah – אין לה (f.s.) – большой палец указывает **налево** – «*у нее нет*».

При повторных чтениях лишь иногда отмечались слабые рефлексы этих движений, носившие, по-видимому, напоминающий характер.

Таким образом, не замеченное самим Аргуэльесом, но явно присутствующее в его лингводидактическом поведении сочетание *аудиального ввода с сенсорно-моторной иллюстрацией смысла* очевидно. Это подтверждает наблюдения нейрофизиологов о том, что моторика, и прежде всего движения рук и пальцев, координируются тем же участком мозга, что и движения органов речи (Поле 4 по Бродману). То есть происходит не только стимуляция соответствующего участка мозга (primary motor cortex), но и связывание этого *артикуляционно-моторной реакции со смысловым стимулом*, то есть с лексической и грамматической семантикой языковой формы.

Экспериментируя с тем, как люди разных перцептивных типов запоминают лексику, я неоднократно убеждалась, что объединение звука и сенсорного представления смысла обычно прочнее укореняется в памяти, нежели соотнесение звучания слова на разных языках. Сенсорно загруженная лексика гораздо естественнее вспоминается при переходе с языка на язык, поскольку *ощущение смысла* является тем общим знаменателем, на который легко наложить звуковые оболочки самых разных языков.

Точно так же скрытой от самого полиглота, но явно обнаруживаемой в ходе внешних наблюдений является *эмоциональная динамика процесса изучения языка во времени*. Эта динамика отражается в изменении метафор, связанных с процессом изучения языка, спонтанно возникающих в комментариях полиглота по ходу его языковых занятий. Развитие метафоры изучения языка является эффективной бессознательной стратегией полиглота, направленной на создание и поддержание своей ресурсности на разных стадиях процесса усвоения нового языка. В общих чертах для Аргуэльеса это было последовательной трансформацией ментальных пространств: <язык – визуальный объект> (1-я неделя) → <язык – гастрологический объект> (2-я, 3-я недели) → <язык – живое растущее существо> (с начала 4-й недели) → <язык – возлюбленная> (с начала 2-го месяца). В середине примерно стодневного процесса изучения иврита наметился период эмоционального спада, связанный с многократными повторениями языкового материала (дни 40-78). Позитивный настрой вернулся при переходе к продуктивной стадии перевода с французского на иврит. Метафоры заключительного этапа связаны с идеями достижения уверенного уровня понимания письменной и звучащей речи и превращения языка в <утилитарный объект> (с 90-го дня). Таким образом, метафорические коммен-

тарии при всем их разнообразии образуют целостный сценарий, соответствующий объективным стадиям усвоения языка. Подробно результаты наблюдений над лингводидактической метафорой полиглота были описаны нами в [Никуличева 2015]. Важно подчеркнуть, что метафоры всегда возникали только в связи с позитивными состояниями, тогда как негативные оценки выражались прямыми атрибутивными номинациями. Эти наблюдения полезно учесть в лингводидактическом процессе, стремясь, с одной стороны, избегать прямых негативных номинаций, а с другой стороны – целенаправленно создавая и поддерживая ресурсные метафоры.

Закончить эту статью мне бы хотелось метафорой Роджера Желязны из романа «Lord og Light». Переселенцы с далекой Симлы (Эарты), получившие, благодаря технологиям, возможность переносить свое сознание в новое тело и за счет этого ставшие бессмертными, устанавливают на новой планете общество, подобное индуистскому, а каждый из первых поселенцев, имея в своем запасе вечность, совершенствует свое ведущее качество – и становится богом... Стратегии полиглотов в чем-то напоминают эту метафору. Совершенствуя тысячами часов свои наиболее сильные природные качества, они достраивают прочие способности до столь высокого уровня, что в глазах обычных людей обретают поистине сверхчеловеческое могущество в изучении языков – и тем самым становятся высоким примером для своих современников и для будущих поколений.

Литература

Гуннемарк Э. Искусство изучать иностранные языки (пер. Д. Спивака). СПб.: Тесса, 2001. 118 с.

Ермаков А.А. Стань полиглотом, или Секреты успешного изучения языков. СПб.: Питер, 2004. 128 с.

Казаков Г.А. Методические идеи американского военного лингвиста // Высшее образование для XXI века: XIII Международная научная конференция. Москва, 8–10 декабря 2016 г. Доклады и материалы. Круглый стол «Оптимизация преподавания филологических дисциплин в вузе». М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2016. С. 41.

Куринский В.А. Автодидактика. М., 1994. 395 с.

Куринский В.А. Постпсихологическая автодидактика. В 2-частях. Киев: Випол, 2006. Ч. 1. 424 с., Ч 2. 673 с.

Ломб К. Как я изучаю языки. М.: Прогресс, 1975. 216 с.

Мельников В. Введение в лингводайвинг: аудиокнига. М., 2009.

Никуличева Д.Б. Лингвистические и психологические стратегии полиглотов. Как найти свой путь к иностранным языкам. М.: Флинта-Наука, 2009. 304 с.

Никуличева Д.Б. Говорим, читаем, пишем: Лингвистические и психологические стратегии полиглотов: учебно-методическое пособие. М.: Флинта: Наука, 2013а. 288 с.

Никуличева Д.Б. Применение психолингвистических стратегий полиглотов в практике изучения иностранных языков // Вопросы психолингвистики. 2013б. № 2. С. 93-96.

Никуличева Д.Б. Моделирование языкового сознания полиглота в процессе изучения языка // Вопросы психолингвистики. 2015. № 4 (26). С. 136-143.

Петров Д.Ю., Борейко В. Магия слова. Диалог о языке и языках. М.: ПрозаиК, 2010.

Седов К.Ф. Отечественная психолингвистика: структура и перспективы развития // Язык и сознание: психолингвистические аспекты / под ред. Н.В.Уфимцевой и Т.Н.Ушаковой. Москва-Калуга: ИЯз РАН, 2009. С. 41-52.

Снивак Д.Л. Как стать полиглотом. Л.: Лениздат, 1989. 144 с.

Эрард М. Феномен полиглотов / пер. Натальи Ильиной. М.: Альпина Бизнес Букс, 2012. 213 с.

Юдакин А.П. Можно ли изучить 50 языков [Whether it is possible to learn 50 languages]. М.: Глас, 1998. 186 с.

Amunts K., Schleicher A., Zilles K. (2004) Outstanding Language Competence and Cytoarchitecture in Broca's Speech Region // Brain and Language, No. 89. 2004. P. 346-353.

Dogil G., Reiterer S. (2009) (eds.). Language Talent and Brain Activity. Berlin: De Gruyter Mouton. 2009. 366 p.

Erard M. (2012) Babel no more. The Search for the World's Most Extraordinary Language Learners. N.Y.: Free Press, 2012. 401 p.

Gunnemark E. (1996) Konsten att lära sig språk. Göteborg, 1996. 156 s.

Gethin A., Gunnemark V.E. (1997) The Art and Science of Learning Languages. Oxford: Intellect Books, 1997. 344 p.

Jacquet-Svironi S. (2007) L'Hébreu. Assimil, 2007. 420 p.

STUDYING LANGUAGE LEARNING STRATEGIES OF POLYGLOTS: THE THEORY OF POLYGLOTTERY AND ITS PRACTICAL APPLICATION

Dina B. Nikulicheva

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Moscow State Linguistic University

1/ 1 Bol'shoy Kislovsky per., Moscow, Russia, 125000

nikoulitcheva@yandex.ru

The article is based on the report delivered by the author at the meeting of the A. A. Leontiev Center for Intercultural Studies on March 1, 2018 and discusses modern methods in studying the phenomenon of polyglottery. Similarities and differences in the description of this phenomenon in the books of D. B. Nikulicheva (2009, 2013) and M. Erard (2012) are considered. In contrast to the neurophysiological approach by M. Erard who emphasizes the uniqueness of the brain of hyperpolyglots, the research by D.B. Nikulicheva focuses on the study and generalization of their linguodidactical experiences. The task is to model the communicative competence of polyglots in the spheres of values, emotions, perception and communication. The detailed day-by-day monitoring of the American polyglot Alexander Arguelles from the beginning of his Hebrew studies allows the author to reveal strategies for motivation, time-management, new linguistic data loading, saving and retrieval as well as transferring acquired information into a sustainable skill that can be used in linguodidactical practice. Particular attention is drawn to

those strategies for internalizing the studied language material, which are not realized by the polyglot himself and are revealed in the course of monitoring his verbal and nonverbal behavior in the process of language learning.

Keywords: polyglottery, practical psycholinguistics, modeling polyglot's strategies; language learning; interiorization; visual, auditory, sensory acquisition, iconic and functional gestures, polyglot's linguodidactical discourse, conceptual metaphor

References

Gunnemark E. (2001) *Iskusstvo izuchat' inostrannye jazyki* [The Art of Learning Languages. A trans. by D.Spivak] Saint-Petersburg: Tessa. 118 P. Print. (In Russian).

Ermakov A.A. (2004) *Stan' poliglottom, ili Sekrety uspešnogo izučeniya jazykov.* [Become a Polyglot or Secrets of Successful Language Learning]. Saint-Petersburg. Piter. 128 P. Print. (In Russian).

Kazakov G.A. (2016) *Metodicheskie idei amerikanskogo voennogo lingvista* [Didactic Ideas of an American Military Linguist] // *Vysshee obrazovanie dlja XXI veka: VIII Mezhduнародnaja nauchnaja konferencija.* Moskva, 8–10 dekabrja 2016 g. Doklady i materialy. Kruglyj stol «Optimizacija prepodavaniya filologičeskikh disciplin v vuze» [Higher Education for the 21st Century. Proceedings of the 3rd International Conference. Moscow, December 8-10]:41. Moscow: Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta. Print. (In Russian).

Kurinskij V.A. (1994) *Avtodidaktika.* [Autodidactics] Moscow. 395 P. Print. (In Russian).

Kurinskij V.A. (2006) *Postpsihologičeskaja avtodidaktika.* V 2-chastjah. [Postpsychological Autodidactics. In 2 Vol.]. Kiev: Vol.1 424 P, Vol.2 673 P. Print. (In Russian).

Lomb K. (1975) *Kak ja izučaju jazyki.* [How to Learn Languages]. Moscow. Progress. 216 P. Print. (In Russian).

Mel'nikov V. (2009) *Vvedenie v lingvodajving.* Audiokniga. [Introduction to Linguodiving. Audiobook]. Moscow. Print. (In Russian).

Nikulicheva D.B. (2009) *Kak najti svoj put' k inostrannym jazykam.* Lingvisticheskie i psihologičeskie strategii poliglотов. [How to Find Your Way to Foreign Languages. Linguistic and Psychological Strategies of Polyglots.] Moscow: Flinta-Nauka. 304 P. Print. (In Russian).

Nikulicheva D.B. (2013) *Govorim, čitaem, pišem: Lingvisticheskie i psihologičeskie strategii poliglотов.* [Speaking, Reading, Writing. Linguistic and Psychological Strategies of Polyglots.] Moscow: Flinta: Nauka. 288 P. Print. (In Russian).

Nikulicheva D.B. (2013²) *Primenenie psiholingvističeskikh strategij poliglотов v praktike izučeniya inostrannyh jazykov.* [Application of Psycholinguistic Strategies of Polyglots in Practice of Language Learning] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics]: 2: 93-96. Print. (In Russian).

Nikulicheva D.B. (2015) *Modelirovanie jazykovogo soznaniya poliglota v processe izučeniya jazyka* [Modeling Polyglot's Linguistic Consciousness in the Process of Language Learning] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics] 4(26): 136-143. Moscow. Print. (In Russian).

Petrov D.Ju., Borejko V. (2010) *Magija slova. Dialog o jazyke i jazykah.* [Word Magic. A Dialogue about Language and Languages]. Moscow, Prozaik.

Sedov K.F. (2009) Otechestvennaja psiholingvistika: struktura i perspektivy razvitija [Russian Psycholinguistics: Structure and Prospects of Development] // Jazyk i soznanie: psiholingvisticheskie aspekty (pod red. N.V.Ufimcevoj i T.N.Ushakovoj) [Language and Conciousness: Psycholinguistic Aspects. Ed. by N.V. Ufimceva and T.N. Ushakova]: 41-52. Moskva-Kaluga: IJaz RAN. Print. (In Russian).

Spivak D.L. (1989) Kak stat' poliglotom.[How to Become a Polyglot]. Lenngrad: Lenizdat.144 P. Print. (In Russian).

Erard M. (2012) Fenomen poliglotov [Phenomenon of Polyglots. A transl. by Natal'ia Il'ina]. Moscow: Al'pina Biznes Buks. 213 P. Print. (In Russian).

Judakin A.P. (1998) Mozhno li izuchit' 50 jazykov [Can We Learn 50 Languages] Moscow: Glas. 186 P. Print. (In Russian).

Amunts K., Schleicher A., Zilles K. (2004) Outstanding Language Competence and Cytoarchitecture in Broca's Speech Region // Brain and Language, No. 89: 346–353.

Dogil G., Reiterer S. (2009) (eds.). Language Talent and Brain Activity. Berlin: De Gruyter Mouton. 366 P.

Erard M. (2012) Babel no more. The Search for the World's Most Extraordinary Language Learners. N.Y.: Free Press. 401 P.

Gunnemark E. (1996) Konsten att lära sig språk. Göteborg. 156 P.

Gethin A., Gunnemark V.E. (1997) The Art and Science of Learning Languages. Oxford: Intellect Books. 344 P.

Jacquet-Svironi S. (2007) L'Hébreu. Assimil. 420 P.

УДК 81'23 DOI: 10.30982/2077-5911-2-84-98

**СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ СБОИ В РУССКОЙ РЕЧИ:
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В СВЕТЕ АКТУАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ
МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА¹**

Овчинникова Ирина Германовна

Профессор

Пермского государственного национального
исследовательского университета

619000, Пермь, Букирева, 15

Ira.ovchi@gmail.com

В статье обсуждаются речевые сбои в оформлении синтаксической зависимости, обусловленные упрощением последовательного подчинения, а также морфологическим и контекстным праймингом. Синтагматический механизм речевой деятельности обеспечивает синтаксирование, то есть соединение выбранных из ментального лексикона словоформ в синтаксические конструкции. Сбой в оформлении синтаксической конструкции отражает по крайней мере четыре разных дефекта планирования речевого высказывания. Во-первых, дефект парадигматического механизма, приводящий к неверному выбору словоформы из ментального лексикона, то есть долговременной памяти. Во-вторых, сбой механизма подавления побочных ассоциаций, вследствие чего возможна активация неверной словоформы в процессе лексического выбора. В-третьих, дефект синтагматического механизма при оперировании выбранными единицами в рабочей памяти, подверженном взаимодействию и взаимовлиянию словоформ. Наконец, в-четвертых, сбой механизма контроля за выполнением речевой программы. Уязвимы для синтагматических сбоев подчинительные конструкции с дистантным расположением вершины, а также содержащие идиомы и количественно-именные сочетания. Синтагматические сбои не противостоят возможности самостоятельной репрезентации морфем наряду с целостными словоформами в ментальном лексиконе. Для проверки коннекционистской дистрибутивной модели требуется валидная база данных ошибок в русской речи.

Ключевые слова: ошибка, речевой сбой, синтагматика, синтаксическая зависимость, последовательное подчинение, аффикс, ментальный лексикон

1. Введение

1.1. К постановке проблемы

Речевые сбои встречаются часто и возникают закономерно в самых разных ситуациях в качестве модификации речи под воздействием как субъективных, так и объективных факторов [Русакова 2013].

Отклонения от норм рассматриваются в разных аспектах: как замкнутый класс явлений; как побочный продукт речевой деятельности; в системе языка и речи, где

¹ Автор выражает бесконечную благодарность профессору Стелле Наумовне Цейтлин за идею статьи, плодотворное обсуждение проблемы и предоставленные материалы.

у каждой единицы есть варианты воплощения в зависимости от положения в речевой цепи. В последнем аспекте можно выделить два ракурса. Во-первых, можно изучать соотношение вариантов воплощения языковых единиц в речи, то есть рассматривать сбои парадигматического механизма; во-вторых, можно обратиться к сбоям в оформлении синтаксических зависимостей, за что ответствен синтагматический механизм речевой деятельности. Синтагматические сбои встречаются у всех независимо от знания правил и норм, поскольку обусловлены не отсутствием верного варианта в ментальном лексиконе говорящего / пишущего, а в первую очередь взаимодействием единиц в рабочей памяти в процессе реализации высказывания, на которое влияют различные факторы. В данной статье рассматриваются грамматические оговорки, обусловленные сбоем синтагматического механизма, в публичной речи образованных носителей языка и предпринимается попытка их классификации, а также интерпретации в свете актуальных моделей ментального лексикона.

1.2. О понятиях «ошибка» и «речевой сбой»

Ненамеренные отклонения от нормы обычно обозначают двумя терминами: ошибка и сбой, используя их как синонимы. Термином «ошибка» нередко называют два принципиально разных явления, отмечает С.Н. Цейтлин: любое непреднамеренное нарушение языковой нормы (ошибка в широком смысле) и непреднамеренное нарушение нормы человеком, который нормой (=системой правил) владеет, а нарушает ее в силу ослабления контроля за порождением речи (ошибка в узком смысле)² [Цейтлин 2015]. Такая многозначность термина «ошибка» приводит к смешению различных явлений и нечеткости определения исходных посылок при решении важных задач.

Меж тем исследователи отдают себе отчет в отличии отклонений, возникших в результате незнания, от оговорок, прокрадывающихся в речь при ослаблении контроля за ходом развертывания высказывания. Исследователи предпочитают последовательно ограничивать разные виды отступлений от правил речевого поведения: ошибки по незнанию норм от неточностей и оговорок. М.В. Русакова вводит понятие *речевой сбоя* как более широкое по сравнению с ошибкой / оговоркой: в речевые сбои попадают все случаи, которые носитель языка воспринимает как неудачное оформление смысла [Русакова 2009: 10]. В таком случае, речевые сбои включают все отклонения от нормы, независимо от вызвавшей их причины, и представлены как плавный переход от недопустимых к нежелательным вариантам.

Сбоем также называют дефект в работе какого-либо из психических механизмов, обеспечивающих речевую деятельность; сбой отражается в высказывании отклонением от нормы на фонетическом, лексическом или грамматическом уровне, как повтором, самокоррекцией и т.п. [Подлеская, Кибрик 2007; Русакова 2013]. В таком случае говорят об отклонениях от нормы из-за затруднения реализации речевой программы, или изменения ее по ходу высказывания; сбои в работе одного или нескольких механизмов речи приводят к ошибкам в узком смысле слова.

Можно сказать, что сбой принадлежит когнитивной сфере (протеканию ментальной деятельности), а ошибка – сфере коммуникативной, то есть сфере соци-

² В англоязычной традиции ошибки в широком смысле называют errors, в узком – mistakes.

ального взаимодействия посредством речевого общения. В таком случае ошибки и речевые сбои представляют собой не разные объекты, а разные предметы исследования. На наш взгляд, при обсуждении дефектов в работе механизмов речи более корректно говорить о сбоях, поскольку обсуждается операция или этап в реализации речевого высказывания, на котором произошло искажение запланированного сообщения, а также возможные причины, приведшие к такому искажению. Поясним на примере. В предложении

(1) *потребовала вернуть ей мобильный телефон ребенка уже давно и не раз*³ нарушена семантическая сочетаемость глагола совершенного вида: если действие свершилось (как предполагает глагол *потребовать*), то его невозможно характеризовать как неоднократно совершаемое (*не раз*). Пишущий, несомненно, владеет парным глаголом несовершенного вида (*требовала*), однако в процессе развертывания высказывания, по-видимому, упрощает конструирование синтаксических зависимостей, в результате чего употребляет как однородные обстоятельства времени и кратности действия (*уже давно и не раз*), которые не могут одновременно подчиняться глаголу совершенного вида. Очевидно, речевой сбой произошел в силу ограниченного объема рабочей памяти: глагол и обстоятельства дистантно расположены в речевой цепи.

2. Материал и методы исследования

Исследование выполнено на материале отклонений в спонтанной устной речи, на письме, а также в компьютерно-опосредованной коммуникации; база данных, включающая любезно предоставленные С.Н. Цейтлин примеры, содержит более 1000 речевых сбоев. Записи спонтанной речи включают радиовещание, выступления на конференциях, а также наблюдения над собственной речью. Устно-письменная речь проанализирована на материале интернет-изданий, спонтанных высказываний на официальных форумах и страницах в социальных сетях. При анализе материала использованы метод дискурсивного анализа и интроспекция, применяемая в психолингвистике [Дебрэнн 2015].

В базе данных разграничены типы речевых сбоев в соответствии с видами речевой деятельности и каналами коммуникации. В текстах нередко возникают сбои, связанные не со спецификой канала передачи речевого сообщения (оговорки, опiski и опечатки), а с планированием его содержания. В комментариях к статье на портале «Сноб» встречаем такой диалог:

(1) ... *тут же включают пару-тройку электронных приборов, чтоб бормотали и отвлекали... От чего? – Ну, за бормотающие приборы не скажу – я их как раз на дух не переношу.*

Ошибочная форма причастия всплыла явно под воздействием контекстного прайминга (*бормотать*), автор не поправил напечатанное. Подобные примеры вскрывают механизм выбора словоформы / модели для ее конструирования независимо от канала коммуникации, что позволяет нам анализировать их наряду с оговорками.

Вероятность исправления сбоев при порождении речи в письменной и компьютерно-опосредованной коммуникаций выше, чем в устной, в силу возможно-

³ <http://izrus.co.il/obshina/article/2017-02-15/34494.html#ixzz4YIEBv0Sm> (Проверено 15.02.2017).

стей более целенаправленного контроля и доступности левого контекста. В устной речи произнесенное слово «отзвучало», контроль над правильностью его выбора требует места в рабочей памяти, занятой наблюдением над текущим коммуникативным актом и реализацией последующих единиц высказывания. Например, одна из радиоведущих оговорилась:

(2) *Я была потрясена глубине этого спектакля...*

и, скорее всего, сама не заметила оговорку. По-видимому, сбой произошел из-за смешения предложно-падежного управления синонимичных предикатов: *удивиться, поразиться, быть потрясенной* (ср.: *я удивилась глубине, я поразились глубине*). Для каждого сбоя можно привести несколько объяснений его причин, любая грамотная интерпретация имеет право на существование. На наш взгляд, корреспондентка в последнюю минуту выбрала предикат наибольшей эмоциональной силы, а синтаксическая конструкция отражает зависимость актанта от более пространственного глагола. Эта оговорка, на наш взгляд, позволяет обнаружить относительную независимость синтаксического программирования высказывания от процедуры выбора словоформы в соответствии с лексическим значением. Синтаксические позиции, соответствующие партиципантам и сирконстантам референтной ситуации, задают направление поиску и выбору словоформ⁴.

Мы рассматриваем как исправленные, так и неисправленные оговорки.

3. Результаты исследования

3.1. Систематизация и группировка синтагматических сбоев

Сбои, обусловленные дефектом синтагматического механизма, группируются в зависимости от позиции в предложении, типа словосочетаний и расстояния до своей вершины в синтаксической конструкции. Поскольку при порождении речи одновременно активируются все словоформы синтаксической группы, а не только ее вершина [Малко, Слюсарь 2013], постольку возможна грамматическая интерференция как с правым, так и с левым контекстом. В сбоях синтагматики можно выделить собственно синтагматические сбои и прайминг, при котором одна из грамматических форм становится подсказкой для текущего выбора словоформы. Обсудим категории синтагматических сбоев.

3.1.1. Упрощение синтаксических зависимостей дистантно расположенной вершины

Приведем пример сбоя в письменной речи, обусловленного дистантным расположением вершины и зависимой словоформы. Опечатка в научной презентации обусловлена сложностью синтаксической конструкции и влиянием как предшествующих, так и последующих форм:

(3) ... *за счет слов из первых в списке извлеченных в ответ на запрос документов, содержащих термины первичного запроса* [из презентации доклада на конференции].

Между вершиной и неверной зависимой словоформой располагаются пять словоформ. Словосочетание *слов из ... документов* разорвано грамматическими формами родительного множественного с окончанием *-ых*, что создает условия для контекстного прайминга, то есть уподобления флексии существительного оконча-

⁴ Ср. этапы порождения речи в модели Т.В. Ахутиной [Ахутина 2017].

ниям порядкового числительного *первых*, а также предшествующему и последующему причастиям *извлеченных* и *содержащих*⁵.

Заметим, что в обусловленных синтагматикой заменах зачастую низкочастотная словоформа теснит более частотную⁶. Родительный является самым частотным среди падежных форм существительных во множественном числе, он встречается втрое чаще предложного [Слюсарь, Самойлова 2015: 9]. И все же обратные замены флексии *-ов* на *-ах* в устной и письменной речи отнюдь не редки.

В (4) искажено предложное управление:

(4) *предоставить сведения о своих научных результатах* [приказ Министерства образования № 560 от 18 июня].

Синтаксическая зависимость от предлога *о* проигнорирована: *своих научных результатов* без предшествующей вершины-предлога представляет нормативное согласование; на возникновение оговорки влияет омонимия падежных форм прилагательного и дистантное расположение вершины и зависимого существительного. Верная словоформа заменяется более частотной в силу удаленности от вершины и вопреки праймингу.

3.1.2. Упрощение синтаксической зависимости в конструкциях с последовательным подчинением

Упрощение зависимости в спонтанной речи встречается в конструкциях с последовательным подчинением:

(5) *рассказать о партии кадетов* [журналист, радиопередача].

Глагольное управление *рассказать о кадетов* нормативно, при оговорке (5) существительные *партия* и *кадеты* подчинены непосредственно глаголу, управляющему предложным падежом; промежуточное подчинение одного существительного другому проигнорировано. Две словоформы в предложном падеже (*о партии кадетов*) вместо субстантивного генитивного сочетания подсказывают возможность активации флексий соответствующего предложному управлению падежа вне зависимости от сопутствующих грамматических значений (рода существительного).

К упрощению синтаксической конструкции приводит также дублирование формы предшествующего существительного в субстантивных генитивных словосочетаниях с родительным определительным:

(6) *В Британии существует много испытаний для пилотов, связанных с типами самолетами ... самолетов* [интервью, радиопередача];

(7) *Это не было прокомментировано ни в Министерстве обороне, ни в СМИ* [интервью, радиопередача].

Главная словоформа выступает в качестве прайма для зависимой. Вершина субстантивного генитивного словосочетания может быть представлена любым из падежей, продублированным зависимой словоформой. Однако среди примеров с такого рода оговорками преобладают сочетания с предлогом, как (6) и (7). Очевидно, синтаксические конструкции с вершиной-предлогом подвержены не только

⁵ Взаимозамена родительного и предложного – весьма частотный пример речевого сбоя, который стоит рассмотреть подробнее в отдельной статье наряду с другими парадигматическими сбоями.

⁶ У словоформы документах в корпусе отмечено 1 612 вхождений, у документов – 8 279. О частотности падежей и их маркеров см. [Слюсарь, Самойлова 2015].

упрощению за счет устранения промежуточной зависимости в цепочке последовательного подчинения, но и за счет «выравнивания» грамматической формы членов цепочки по главному существительному, выступающему праймом для зависимого. В сущности, такой пример можно трактовать как проявление аналитизма, где синтаксическая зависимость выражается порядком слов.

3.1.3. Упрощение управления и согласования в количественно-именных сочетаниях

В количественно-именных сочетаниях оговорки обусловлены смешением правил управления существительным при именительном / винительном падежах числительного и согласования количественного числительного с существительным в остальных косвенных падежах. Говорящие зачастую не различают тип синтаксической связи в зависимости от падежа числительного:

(8) *В городе, расположившемся всего в пятидесяти километрах от Петербурга* [интервью, радиопередача].

Вместо предусмотренного нормами согласования существительного с числительным в (8) проникает родительный множественного, как должно быть при управлении.

И все же отнюдь не всегда говорящий / пишущий сбивается именно на родительный падеж существительного, унифицируя правила оформления количественно-именного сочетания в косвенных и именительном / винительном падежах. Предложный падеж количественно-именного сочетания вместо нормативного родительного употреблен при оформлении синтаксической зависимости от вершины *со скоростью*:

(9) *ехать со скоростью семидесяти километрах в час ...* [журналист, радиопередача].

Возможно, сбой обусловлен ошибочным подчинением количественно-именного сочетания последующему предлогу *в*, что, вероятно, отражает гезитацию и неуверенность грамотных носителей языка в правилах словоизменения числительных и зависимых от них имен⁷.

3.1.4. Прайминг и контекстная интерференция морфологических форм

Чаще всего подсказка контекста приводит к предпочтению созвучного предшествующему алломорфа из доступных в парадигме имени:

(10) *Эпоху Елизаветы он назвал закатом великой державой ...державы* [интервью, радиопередача],

где последнее существительное копирует заударную флексию атрибута. В этом случае прайминг сочетается с упрощением цепочки зависимостей, выраженным в удалении промежуточной синтаксической вершины (*назвал державой* вместо *назвал закатом державы*).

Отмеченная выше распространенность оговорок в пользу флексии *-ax* вместо *-ов* часто обусловлена контекстным праймингом в атрибутивных сочетаниях, где флексии прилагательного совпадают в разных падежах, а предшествование определения служит триггером оформления существительного созвучным прилагательному окончанием:

⁷ См. об ошибках в количественно-именных сочетаниях [Цейтлин, Рогожкина 2012].

(11) ...*сети крупнейших российских клубов* ... [журналист, радиопередача].

(12) ... *с учетом основополагающих положений и доказанных фактах* [из предварительного заключения диссертационного совета].

Как видим, прайминг с заменой на *-ax* действует не только в устной речи, но и на письме, даже в официальных документах.

Прайминг в сочетании с упрощением синтаксической зависимости встречается в текстах:

(13) ... *приобретение двух новых копиях средневековых инструментов: это предок скрипки ...*⁸

Флексия существительного *копиях* уподобляется окончаниям числительного и прилагательных в ближайшем правом и левом контексте. Однако, на наш взгляд, гораздо важнее то обстоятельство, что сбой приводит к упрощению выражения синтаксической зависимости при последовательном подчинении: вместо выражения подчинения посредством падежного управления *приобретение* (чего?) *копий* (чего?) *инструментов* зависимость выражена простым порядком слов *приобретение ... копиях ... инструментов*.

3.1.5. Нарушение согласования в синтаксической конструкции

При нарушении согласования в синтаксической конструкции обычно используется немаркированный вариант. Ведущий детской передачи подтверждает:

(14) *Катя правильно ответил ...ответила, –*

ошибаясь в выборе показателя рода глагольной словоформы в пользу формы мужского рода.

3.1.6. Деформация устойчивых сочетаний и идиом

Сбои при воспроизведении устойчивых сочетаний, скорее всего, также обусловлены интерференцией как между сходными идиомами, так и со словоформами контекста. Однако зачастую сбой возникает из-за смены семантической программы во время ее реализации⁹; в таком случае замена первоначального варианта разрушает сочетаемость, поскольку новый выбор (то есть результат работы парадигматического механизма) противоречит уже реализованной синтагме:

(15) *никому не секрет, что ...* [журналист, радиопередача].

Очевидно, говорящий в ходе реализации высказывания изменил значение на прямо противоположное: с *никому не известно* на *известно многим, если не всем*; уже произнесенную отрицательную частицу «удалось» нейтрализовать ссылкой на идиому.

3.2. Итоги анализа синтагматических сбоев

Таким образом, мы выделили сбои в оформлении синтаксических зависимостей, возникающие под влиянием перегруженности синтагматического механизма, а также контекстуальный прайминг как проявление взаимовлияния языковых единиц в процессе их активации при порождении речи и влияние последующих единиц на предшествующие. Синтагматические сбои нередко приводят к замещению частотного варианта менее частотным, что обусловлено:

⁸ <http://mr7.ru/articles/133389/> (Проверено 29.05.2017)

⁹ Такие сбои возможны не только в идиомах, см. (1)

- интерференцией в ближайшем контексте, под влиянием которой одна из грамматических форм становится праймом для искомой словоформы;
- упрощением правил управления в именных сочетаниях (количественно-именных и субстантивных генитивных);
- упрощением синтаксической зависимости при последовательном подчинении;
- упрощением синтаксической зависимости за счет утраты связей при удаленности зависимой словоформы от вершины (глагола, предлога).

Очевидно, уязвимы для оговорок и описок конструкции с пересечением зависимостей, дистантным расположением элементов вершины от зависимого слова, последовательным подчинением. Появление оговорок типа (3) и (4) может быть обусловлено ограниченным объемом рабочей памяти; по-видимому, удаленность зависимого компонента от синтаксической вершины более чем на 3-4 словоформы чревата речевым сбоем. Интерференция активированной зависимой словоформы с артикулируемыми перед ней промежуточными словоформами приводит к ее уподоблению текущему контексту вопреки грамматическим нормам и выражаемой синтаксической конструкции. Заметна тенденция к упрощению любых цепочек последовательного подчинения, где управление преобразуется в формальное примыкание или соподчинение, а зависимость выражается порядком слов. Частые сбои в словоформах, удаленных от своей синтаксической вершины, дают основания предположить наличие некоторого условного предела устойчивой работы парадигматического механизма без помех, привносимых механизмом синтагматическим и дефектами механизма подавления побочных ассоциаций.

Количественно-именные сочетания упрощаются за счет выравнивания правил их оформления по исходной форме с числительным в номинативе. Упрощение субстантивных словосочетаний с дублированием падежа вписывается в тенденцию к анализируемому, поскольку сводит грамматические показатели синтаксической связи к порядку слов.

Синтагматический сбой в морфологических формах выражается в дублировании соседних, чаще всего предшествующих, форм; повторе на основе фонетического сходства; оформлении зависимости от главной вершины при последовательном подчинении. Последнее касается прежде всего флексии предложного падежа множественного числа, сходной с окончаниями адъективов.

Заметно преобладание речевых сбоев с формами предложного и родительного падежей, вплоть до случаев их взаимозамены. Если появление предложного вместо родительного объяснимо контекстным праймингом под влиянием окончаний адъективов, то замену предложного на родительный сложно объяснить исключительно дефектом синтагматического механизма. Анализ такого рода речевых сбоев представляет собой отдельную исследовательскую задачу.

4. Дискуссия

4.1. Взгляд на актуальные модели ментального лексикона

Основным признаком новых моделей ментального лексикона можно считать отказ от трактовки его как «внутреннего словаря» и претензий на универсальность [Залевская 2015]. С одной стороны, не вызывает сомнения необходимость учитывать вариативность плана выражения лексической единицы при словоизменении, а также принцип соединения и расположения морфем в составе производных слов в

языках разных типов [Ваауен 2014]. Мера проницаемости морфемных границ для фонетических чередований, количество словоформ лексемы, линейное расположение морфем или инкорпорирование – эти характеристики предполагают различия в обработке словоформы при восприятии, ее целостном или поэлементном хранении и способах доступа к значению. Соответственно, модели ментального лексикона для носителей аналитических и инкорпорированных языков различаются достаточно существенно. С другой стороны, противопоставленность порождения восприятию речи, обусловленная направлением от смысла к слову и от слова к смыслу, также предполагает учет различий в активации ментального лексикона в зависимости от входа, подобно тому, как различают ментальную грамматику говорящего и слушающего. Разумеется, психические и нейрофизиологические механизмы обеспечения речевой деятельности едины. Однако мера и процедуры их взаимодействия, по-видимому, существенно варьируют в зависимости от типа используемого языка и вида речевой деятельности.

В силу вариативности подходов к моделированию ментального лексикона и разнообразия экспериментальных данных, полученных от носителей типологически различных языков, в актуальных моделях ментального лексикона представлена переходная зона между двумя полюсами: от признания противопоставления отдельного модуля репрезентации языка в сознании, включающего ментальный лексикон и ментальную грамматику как разные системы, до отрицания наличия специфического модуля и, соответственно, системы «ментальный лексикон» в декларативной памяти индивида, как это принято в коннекционистских дистрибутивных моделях. В переходную зону попадают так называемые односистемные модели, отрицающие необходимость выделения ментальной грамматики и ограничивающие репрезентацию языка в сознании ментальным лексиконом со словоформой как единицей хранения, а также гибридные модели, допускающие как гештальтное, так и поэлементное хранение словоформ и, следовательно, необходимость грамматических правил для конструирования словоформ из морфем.

Полная модель ментального лексикона для флективных языков с богатой морфологией пока не разработана. В качестве фрагментов такой модели для русского языка можно рассматривать схему образования глагольных форм [Черниговская, Гор, Свистунова, Петрова, Храковская 2009] и алгоритмы восприятия орфографически сходных словоформ [Алексеева, Слюсарь 2017]. При исследовании восприятия русской словоформы выявлено, что начальная форма имеет особый статус; формы существительных в косвенном падеже не хранятся гештальтно, а разлагаются на составляющие [Алексеева, Слюсарь 2017]. Глагольные формы также подвергаются декомпозиции. Для носителя русского языка операции с флексиями глагола являются обязательными, хотя заметно различаются у регулярных и нерегулярных форм в зависимости от частотности и продуктивности класса глагола [Черниговская, Гор, Свистунова, Петрова, Храковская 2009: 14-15]. Насколько можно судить по опубликованным исследованиям, для ментального лексикона носителя русского языка, скорее всего, в наибольшей степени подойдет одна из гибридных моделей. Соответственно, при обсуждении выявленных синтагматических сбоев мы будем обсуждать возможность декомпозиции словоформы и хранения отдельных морфем наряду с целостной словоформой.

4.2. Какие положения современных концепций ментального лексикона позволяют объяснить синтагматические сбои

Синтагматические сбои выявляют влияние ближайшего контекста на процедуру выбора и существенность дистанции между зависимой словоформой и ее вершиной для реализации выбранной словоформы в речи. Сбой может произойти при выборе единицы, обнажая дефект парадигматического механизма. Однако, поскольку активация всех словоформ синтаксической группы происходит одновременно, выбор словоформы как процедура парадигматическая не свободна от влияния синтагматического механизма, ответственного за синтаксирование. Сбои обнажают изменения в выборе, когда сохраняют оформление синтаксической зависимости от отвергнутой говорящим вершины (как в (2) и (16)).

Одновременная активация всех словоформ одной вершины создает условия для интерференции форм, как в (3) и (10) – (13). Такие оговорки подтверждают положение концепции Дж. Байби о взаимосвязи гештальтно хранимых словоформ на основе идентичности лексического значения и сходства фонологических и семантических признаков без необходимости декомпозиции на морфемы [Bybee 1995]. Заметим, что речь идет об интерференции флексий прилагательных и существительных, то есть о разных морфемах со сходным, но не совпадающим фонемным составом. Такого рода интерференция возможна без самостоятельной репрезентации морфем в ментальном лексиконе.

Сбои с дублированием флексии вершины зависимым существительным в субстантивных генитивных сочетаниях, как в (6) и (7), вписываются в концепцию Дж. Байби, однако также укладываются в теорию отдельного хранения регулярных флексий и продуктивных аффиксов наряду с целостной словоформой. Активированная флексия оформляет зависимость от предлога не только у непосредственно зависимого существительного, но и у следующего в цепочке зависимостей. Упрощение цепочки зависимостей в (5) объяснима отдельным хранением регулярных морфем: оговорка *о партии кадетах* подсказывает возможность активации флексий соответствующего предложному управлению падежа вне зависимости от рода существительного. Так же в группе сказуемого (10) *назвал закатом великой державой* существительные оформлены единообразно, творительным падежом. Если случаи (6), (7) и (10) можно объяснить контекстным праймингом, то в (5) присутствует морфологический прайминг. В аспекте организации ментального лексикона такого рода оговорки и их регулярность в речи образованных носителей языка соответствуют концепции Дж. Байби: активация словоформ происходит на основе частотной сочетаемости с предлогом или глаголом, представляющими вершину синтаксической конструкции (ср.: *рассказать о кадетах, назвал державой*). Активация всех грамматических показателей соответствующего падежа – то есть всех флексий, которые оформляют зависимость от главной синтаксической вершины, – менее вероятна, поскольку аффиксы не соотносятся напрямую с семантической репрезентацией.

Меж тем, сбои типа (1) *бормотающие* проще объяснить раздельным хранением аффиксов. Несуществующая форма возникает при подсказке основы инфинитива в правом контексте и активации продуктивной модели образования причастия настоящего времени, не релевантной данному глаголу.

Искажение предложного управления и реализация неверной падежной словоформы, как в (2), где неверный падеж *о ... результатов* отнюдь не соответствует прайму, обнажает значимость частотности: частотные словоформы активируются быстрее и чаще побеждают в конкуренции при выборе [Baayen, Milin, Ramscar 2016]. Замена словоформы на более частотную характерна для сбоев парадигматического типа. Наиболее аргументированное объяснение роли частотности приводится в коннекционистских моделях, обходящихся без ментального лексикона [там же]. Частотность флексии родительного множественного (-ов) позволяет объяснить частые замены падежных окончаний именно этой флексией и вписывается в концепцию отдельного хранения регулярных и продуктивных аффиксов. Однако для более детального анализа сбоев на фоне коннекционистских моделей необходима репрезентативная база данных.

Необходимое значение может быть выражено разными сегментами речевой цепи, представляющими единицы национального языка или их сочетание [Geeraert, Baayen, Newman 2017]. В частности, в нашем примере искажения идиомы в (15) семантика усиления утверждения (*всем известно*) выражена не обобщающим местоимением, а частью идиомы. Следовательно, в процессе поиска номинации путь от обобщенного концепта к единицам ментального лексикона¹⁰ предполагает активацию целого кластера единиц, включая связанные с ними устойчивые словосочетания с искомой семантикой. Устойчивые сочетания подвержены декомпозиции, а входящие в них словоформы связаны, в соответствии с концепцией Дж. Байби, с гештальтно хранимыми словоформами с идентичным лексическим значением, причем каждая из словоформ может ассоциироваться с идиомой: ср. *не для кого не секрет – никому... не секрет*.

В декларативной памяти активируются семантически релевантные единицы, сила их активации различна в зависимости от целого ряда факторов. Одним из факторов, усиливающих активацию, является контекст в широком смысле слова, обеспечивающий контекстный прайминг. Ранее активированные словоформы влияют на ход выбора текущей единицы. По-видимому, синтагматический механизм «вмешивается» в работу механизма парадигматического, навязывая нерелевантные для выбора текущей словоформы признаки. Интерференция с результатами предыдущего поиска словоформы естественна, поскольку следы активации не затухают мгновенно. Постоянному проявлению интерференции в речи препятствует механизм подавления интерференции и оттормаживания побочных ассоциаций. Очевидно, дефект механизма подавления ответствен за сбой, возникающие в силу прайминга.

Таким образом, синтагматические сбои объяснимы как с позиций отдельного хранения аффиксов и конструирования неверной словоформы под влиянием прайминга, так и в свете концепции хранения целостных словоформ; обе возможности представлены в гибридных моделях ментального лексикона.

¹⁰ Или напрямую к фонетическому / графическому слову в коннекционистских моделях без ментального лексикона.

Выводы

Синтагматические сбои обнажают тенденцию к упрощению последовательного подчинения и унификации флексий близко расположенных словоформ. Это можно трактовать как проявление тенденции к аналитизму, при которой синтаксическая зависимость выражена порядком слов и примыканием зависимой формы к своей вершине. Синтагматические сбои объяснимы малым объемом рабочей памяти, провоцирующим интерференцию обрабатываемых словоформ, а также дефектами механизма подавления и оттормаживания побочных ассоциаций. Возможность отдельного хранения аффиксов в ментальном лексиконе объясняет сбои с использованием одного и того же падежа при оформлении словоформ в субстантивных сочетаниях.

Литература

Алексеева С.В., Слюсарь Н.А. Орфографические соседи в русском языке: база данных и эксперимент, направленный на изучение морфологической декомпозиции // Вопросы психолингвистики. 2 (32). 2017. С. 12–27.

Ахутина Т. В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М.: Языки славянских культур, 2014. 424 с.

Васильева, М. Д. Ментальный лексикон: где же место морфологии? // Российский журнал когнитивной науки. 2014. 1(4). С. 31 – 57.

Дебрэнн Мишель. Лингвистическая интроспекция плюрилингва // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Том 13, вып. 3. С. 5 – 14.

Залевская А.А. Ментальный лексикон: конструкт, метафора или миф? // GISAP: Philological Sciences. 2015. 8. С. 42 – 44.

Малько А. А., Слюсарь Н. А. Ошибки при согласовании по роду: экспериментальное исследование на материале русского языка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2013. 1. С.146 – 154.

Подлесская В. И., Кибрик А. А. Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи // Научно-техническая информация. 2007. Сер. 2, С. 2 – 23.

Русакова М. В. Речевая реализация грамматических элементов русского языка. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. СПбГУ, СПб., 2009.

Русакова М. В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянских культур, 2013. 568 с.

Слюсарь Н. А., Самойлова М. В. Частотности различных грамматических характеристик и окончаний у существительных русского языка. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2015/materials/pdf/SlioussarNASamoilovaMV.pdf> (Проверено 13.04.2017)

Цейтлин С. Н. Лексические оговорки: опыт типологии. // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. 2015. 4. С. 195 – 211.

Цейтлин С. Н., Рогожкина Г. С. Количественно-именные сочетания русского языка в онтолингвистическом аспекте. // Психолингвистика. 2012. 11. С. 228 – 236.

Черниговская Т. В., Гор К., Свистунова Т. И., Петрова Т. Е., Храковская М. Г. Ментальный лексикон при распаде языковой системы у больных с афазией: экспериментальное исследование глагольной морфологии // Вопросы языкознания. 2009. 5. С. 3 – 17.

Baayen, R. H. (2012). Learning from the Bible: computational modelling of the costs of letter transpositions and letter exchanges in reading classical hebrew and modern english. *Lingue e Linguaggio*, 11(2):123–146.

Baayen, R. H., Janda, L. A., Nessel, T., Dickey, S., Endresen, A., and Makarova, A. (2013). Making choices in Russian: Pros and cons of statistical methods for rival forms. *Russian Linguistics* 37, 253-291. doi pdf

Baayen, R. H., Milin, P. and Ramscar, M. (2016). Frequency in lexical processing. *Aphasiology*, 1174 – 1220. URL: http://www.sfs.uni-tuebingen.de/~hbaayen/publications/BaayenMilinRamscar_Aphasiology.pdf (Last accessed 30.12.2017).

Geeraert, K., Baayen, R. H., & Newman, J. (2017). Understanding Idiomatic Variation. In *Proceedings of the 13th Workshop on Multiword Expressions (MWE 2017)* (pp. 80-90).

SYNTAGMATIC MISTAKES IN RUSSIAN SPEECH IN THE ASPECT OF THE MENTAL LEXICON STRUCTURE

Irina G. Ovchinnikova

Doctor of Philology, Professor
Department of Journalism and Mass Media
Perm State National Research University
619000, 15 Bukireva St., Perm
Ira.ovchi@gmail.com

The paper deals with the analysis of mistakes in syntactic constructions caused by morphological and contextual priming, as well as by shifts in lexical / morphological choice. The mistakes result in the simplification of the syntactic subordination, misuse of affixes and generation of non-existent word forms. The mistakes reveal a defect in the sequences processing in the working memory during the production of an utterance. The processing is provided by the syntagmatic mechanism of the mental activity. However, shifting in the lexical choice while pronouncing the utterance also determines these mistakes, since all words needed for syntactic position in the syntactic construction are simultaneously active in the working memory. The list of the vulnerable constructions includes sequences of consecutive subordinate dependences, constructions with idioms and numerals. The possibility of syntagmatic mistakes supports the mental lexicon models with a morpheme representation alongside with word gestalts. Meanwhile the connectionist distributive models also clarify the possibility of the mistake; however, the models are not worked out yet in the Russian language.

Keywords: mistakes, syntagmatic, syntactic dependency, subordinate construction, affix, mental lexicon

References

Alekseeva S.V., Sljusar' N.A. (2017) Orfograficheskie sosedi v russkom jazyke: baza dannyh i jeksperiment, napravlenyj na izuchenie morfoloģicheskoj dekompozicii [Orthographic Neighbors: A Database on Russian Language and Experimental Studies of Morphological Decomposition] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics] 2(32): 12–27. Print. (In Russian).

Ahutina T. V. (2014) Nejrolingvisticheskiy analiz leksiki, semantiki i pragmatiki. [Neurolinguistic Analysis of Lexicon, Semantics and Pragmatics] Moscow: Jazyki slavjanskikh kul'tur. 424 P.

Vasil'eva, M. D. (2014) Mental'nyj leksikon: gde zhe mesto morfoloģii? [Mental lexicon: Where is Morphology Located?]/ *Rossijskiy zhurnal kognitivnoj nauki* [The Russian Journal of Cognitive Science] 1(4): 31–57. Print. (In Russian).

Debrenn Mishel' (2015) Lingvisticheskaja introspekcija pljurilingva [Multilingual's linguistic introspection] // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija* [Novosibirsk University Bulletin. Cross-cultural Communication and Linguistics] Vol. 13, No. 3: 5–14. Print. (In Russian).

Zalevskaja A.A. (2015) Mental'nyj leksikon: konstrukt, metafora ili mif? [Mental Lexicon: A Construct, Metaphor or Myth?] // *GISAP: Philological Sciences* 8: 42–44. Print. (In Russian).

Mal'ko A. A., Sljusar' N. A. (2013) Oshibki pri soglasovanii po rodu: jeksperimental'noe issledovanie na materiale russkogo jazyka [Errors in Gender Agreement: An Experimental Study of Russian] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 9. Filologija. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Bulletin of Saint Petersburg University. Philology. Oriental Studies. Journalism] 1: 146–154. Print. (In Russian).

Podlesskaja V. I., Kibrik A. A. (2007) Samoispavlenija govorjashhego i drugie tipy rechevyh sboev kak objekt annotirovanija v korpusah ustnoj rechi [Self-repairs and Other Types of Mistakes as an Object of Annotation in Speech Corporuses] // *Nauchno-tehnicheskaja informacija* [Scientific Information] 2: 2–23. Print. (In Russian).

Rusakova M. V. (2009) Rehevaja realizacija grammaticheskikh jelementov russkogo jazyka. Avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk. [Realization of Russian Language Grammar Elements in Speech] SPbGU, Saint-Petersburg. Print. (In Russian).

Sljusar' N. A., Samojlova M. V. Chastotnosti razlichnyh grammaticheskikh harakteristik i okonchanij u sushhestvitel'nyh russkogo jazyka [Frequency of Different Grammar Markers and Endings in Russian Nouns] Web. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2015/materials/pdf/SlioussarNASamoilovaMV.pdf> (retrieval date: 13.04.2017)

Cejtin S. N. (2015) Leksicheskie ogovorki: opyt tipologii [Lexical Mistakes: An Attempt at a Typology] // *Ural'skiy filologicheskij vestnik. Serija: Psiholingvistika v obrazovanii* [Ural Philological Bulletin. Psycholinguistics in Education] 4: 195–211. Print. (In Russian).

Chernigovskaja T. V., Gor K., Svistunova T. I., Petrova T. E., Hrakovskaja M. G. (2009) Mental'nyj leksikon pri raspade jazykovoj sistemy u bol'nyh s afaziej: jeksperimental'noe issledovanie glagol'noj morfoloģii [Mental Lexicon in Aphasia Patients: Experimental Study of Verb Morphology] // *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the Study of Language] 5: 3–17. Print. (In Russian).

Baayen, R. H. (2012). Learning from the Bible: computational modelling of the costs of letter transpositions and letter exchanges in reading classical hebrew and modern english. *Lingue e Linguaggio*, 11(2):123–146.

Baayen, R. H., Janda, L. A., Nessel, T., Dickey, S., Endresen, A., and Makarova, A. (2013). Making choices in Russian: Pros and cons of statistical methods for rival forms. *Russian Linguistics* 37, 253-291. Baayen, R. H., Milin, P. and Ramscar, M. (2016). Frequency in lexical processing. *Aphasiology*: 1174 – 1220. Web. URL: http://www.sfs.uni-tuebingen.de/~hbaayen/publications/BaayenMilinRamscar_Aphasiology (retrieval date: 30.12.2017).

Geeraert, K., Baayen, R. H., & Newman, J. (2017). Understanding Idiomatic Variation. In *Proceedings of the 13th Workshop on Multiword Expressions (MWE 2017)*: 80-90.

УДК 81'22 DOI: 10.30982/2077-5911-2-99-117

**ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕДИАКОНТЕНТА
В МУЛЬТИМОДАЛЬНОМ АСПЕКТЕ:
ПРОТЕСТНЫЕ КОММУНИКАЦИИ & БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ¹**

Пильгун Мария Александровна

профессор,
Институт языкознания РАН,
125009 Москва, Б. Кисловский пер., д.1. стр.1,
pilgunm@yandex.ru

Статья посвящена исследованию медиаконтента протестных коммуникаций в мультимодальном аспекте с применением психолингвистического анализа. Материалом для исследования послужила база данных социальной сети ВКонтакте (март 2017 года). Сбор данных осуществлялся по трем направлениям: лингвистический модус анализировался по вербальному контенту, визуальный модус – по статичным визуальным материалам, сетевой модус – по коммуникативным сетевым действиям.

Полученные данные были обработаны с помощью программного обеспечения Automap и Tableau. Для визуализации сетевых структур использовалось программное обеспечение Gephi, алгоритм Force Atlas 2.

В ходе исследования было выявлено, что лингвистический модус протестного сетевого медиаконтента характеризуется повышенным эмоциональным фоном, экспрессивностью, агрессивностью, конфликтогенностью, саркастической тональностью. Лингвистические особенности формируются речевыми средствами разных языковых уровней. Анализ основных характеристик акторов позволил выделить три кластера участников по целевым установкам: «неофиты», «идейные борцы», «гедонисты».

Результаты данного исследования подтвердили, что социальные сети – это инструмент, который позволяет влиять на коммуникативную природу взаимодействия между людьми, воздействовать на акторов и реализовывать манипуляционные технологии на принципиально новом уровне.

Ключевые слова: медиаконтент, психолингвистический анализ, мультимодальность, протестные движения

Введение

Психолингвистический анализ протестного медиаконтента в мультимодальном аспекте позволяет открыть новые ресурсы для уточнения особенностей речевого поведения современных пользователей, их языкового сознания и картины мира, а также специфики коммуникации в социальных сетях.

Одна из важных тенденций развития научной парадигмы – распространение Больших данных. За последние десятилетия человечество генерировало данных

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 17-26-01007

больше, чем за всю историю своего развития. По прогнозам, к 2020 году на одного человека в одну секунду будет генерироваться 1,7 гигабайта, а цифровая вселенная достигнет 44 зеттабайт (44 триллиона гигабайт). Распространение больших данных определяет развитие не только технологической и научной, но также культурной, социальной, политической сфер. Существующие технологии и алгоритмы анализа Больших данных позволяют обрабатывать структурированные, неструктурированные, потоковые данные, выявлять имплицитные закономерности и пр. (см., например, Data Science Central, 2018).

Появление и публикация больших объемов данных привела к росту научных исследований на их основе, однако очевиден дефицит исследований с исчерпывающей и корректной интерпретацией данных. Подобная ситуация связана со сложностью подбора адекватной методологической базы, позволяющей объединять результаты количественных и качественных методов, анализ структурированных, неструктурированных, полуструктурированных, а также метаданных и др. данных. Адекватная интерпретация Больших данных может быть выполнена с привлечением гуманитарных методов, которые имеют длительную традицию и успешно адаптированы к новой эмпирической базе. В частности, синергия больших данных и традиций московской психолингвистической школы может принести интересные результаты и представляется перспективным направлением анализа медиаконтента, а также языкового сознания и языковой картины мира.

Очевидно, что для междисциплинарных исследований наиболее значимыми источниками являются текстовые корпуса, которые можно рассматривать как часть открытой науки, открытые данные и сетевой медиаконтент.

Корпусная лингвистика, позволившая применить IT-технологии для работы с большими массивами языковых данных, привела к появлению новых методов лингвистического анализа, значительно расширила рамки лингвистической научной парадигмы.

В современном медиапространстве уже представлено огромное количество открытых данных, основными принципами которых являются полнота представления, первичность, своевременность, доступность, пригодность к машинной обработке, отсутствие дискриминации к доступу, отсутствие проприетарных форматов и лицензионная чистота. 7 июня 2013 года в России был принят закон об открытых данных, который обязал органы государственной власти публиковать открытые данные (в машиночитаемых форматах) наряду с публикацией информации в немашинночитаемом виде. Публикации в открытом доступе материалов различных научных, государственных, негосударственных, коммерческих структур сформировали обширный массив данных для исследований, несмотря на неоднозначность реализации закона и качество публикуемых материалов.

Данные социальные сетей, блогов, форумов и пр. также предоставляют огромные возможности для анализа, в частности, особенностей развития современного русского языка, речевого поведения, специфики языкового сознания и языковой картины мира. Веб-контент стремительно увеличивается, например, пользователи Facebook отправляют 30 миллионов сообщений и просматривают 3 миллиона видеозаписей (в среднем, за одну минуту). Google ежесекундно генерируется 40,000 поисковых запросов, в год – 1.2 триллиона запросов. На YouTube загружаются более 300 часов видео-файлов (в среднем, за одну минуту).

Особая проблема при анализе сетевого контента связаны с использованием персональных данных. Скандал, вызванный деятельностью Cambridge Analytica на выборах в Америке 2017 года, привлек пристальное внимание общественных и государственных структур к алгоритмам Facebook и открыл новый этап в исследовании сетевого контента, связанный с этическими и правовыми аспектами. В данном исследовании контент используется на основании правил ВКонтакте² п 7.1.3., а также ст. 1274 ГК.

Исследования взаимовлияния онлайн и офлайн – общения, воздействия веб-коммуникаций на реальные события сформировали две противопоставленные теории об использовании социальных сетей в политической сфере:

1) веб-технологии трансформируют все коммуникативные процессы, открывают широкие возможности для вовлечения граждан в политические процессы, приводят к активизации участия граждан в политической жизни общества [Vaccari 2008a, 2008b, 2008c; Pepe & Gennaro 2009 и др.].

2) сетевые коммуникации не оказывают существенного влияния на политическую реальность [Druckman 2007; Kalnes 2009; Zittel 2009; Larsson 2011 и др.].

В данном исследовании базовой посылкой служит тезис: социальные сети – это инструмент, который позволяет влиять на коммуникативную природу взаимодействия между людьми, воздействовать на акторов и реализовывать манипуляционные технологии на принципиально новом уровне.

Конвергентность и многоаспектность онлайн-коммуникаций требуют кросс-дисциплинарного подхода, который и применяется во многих исследованиях, представляющих различные аспекты взаимодействия в веб-среде [Sauter 2014; Lipschultz 2014; Fuchs 2014; Verboord 2014 и др.].

Широкое распространение в последние десятилетия приобретают исследования в мультимодальной перспективе [Kress 2002, 2003, 2010; Gibbon et al. 2000; Granström et al. 2002; Scollon 2006; Muller et al. 2013; Murray 2013; Lutkewitte 2013; Литвиненко, Николаева, Кибрик 2017; Кибрик 2018].

Мультимодальный аспект отражает социальный семиотический подход к современной коммуникации, поскольку в медиапространстве преобладают смешанные и ремиксные изображения, вербальные, невербальные формы взаимодействия с 3D-объектами и др. Мультимодальность позволяет выйти за пределы анализа языковых структур и рассмотреть новые разнообразные способы коммуникации и создания смыслов. [Kress 2010]. Именно мультимодальный подход представляется наиболее адекватным при анализе сетевого контента, поскольку позволяет конвертировать данные, информацию, поступающие по различным каналам.

Анализ медиапространства как мультимодальной сферы получает все большее распространения в различных исследованиях [см., например, Velkova 2018].

² П. 7.1.3. Пользователь, размещая на Сайте принадлежащий ему на законных основаниях Контент, предоставляет другим пользователям неисключительное право на его использование исключительно в рамках предоставляемого Сайтом функционала, путем просмотра, воспроизведения (в том числе копирования) и иные права исключительно с целью личного некоммерческого использования, кроме случаев, когда такое использование причиняет или может причинить вред охраняемым законом интересам правообладателя.

Цель исследования: психолингвистический анализ протестного медиаконтента в мультимодальном аспекте.

Психолингвистический анализ используется в рамках московской психолингвистической школы [Леонтьев 1965, 1975, 1997; Тарасов, 1996, 1998, 2004; Уфимцева 2000, 2009; 2011, 2017 и др.];

Исследовательские вопросы:

1. Каковы особенности лингвистического модуса протестного медиаконтента?
2. Какие специфические особенности языковой картины мира позволяет выявить психолингвистический анализ протестного медиаконтента в мультимодальном аспекте?
3. Какие основные характеристики акторов протестного медиаконтента позволяет выявить данный тип анализа?
4. Какова мотивация акторов протестного медиаконтента?

Метод

Материал исследования

Материалом для исследования послужила база данных социальной сети ВКонтакте (март 2017 года), семантическое поле – кейс «Он вам не Димон» (#ДимонОтветит).

Релевантные данные после очистки:

- контент активных акторов (n 15 021),
- релевантные посты (n 23 602);

Процедуры:

Сбор данных осуществлялся по трем направлениям:

I. Лингвистический модус анализировался по вербальному контенту, собранному по хештегам #димонответит, содержащему оригинальный авторский контент и контент пользователей об активных акторах в рамках указанного семантического поля.

Алгоритм анализа вербального контента, который был использован в исследовании, а также метод зерновой кластеризации описаны в [Pilgun, Gradoselskaya 2016], [Pilgun 2018].

II. Визуальный модус исследовался по данным статичных визуальных материалов с помощью алгоритма SocialDataHub, который позволяет достигать точности до 85 %. С помощью анализа визуального контента были идентифицированы реальные участники протестного митинга.

III. Сетевой модус анализировался с помощью коммуникативных сетевых действий, алгоритм анализа которого описан в [Pilgun, Gradoselskaya 2016], [Pilgun 2018].

Собранные и очищенные данные были проанализированы с использованием контент-анализа в интерпретации [White, Marsh 2006; Krippendorff 2012].

Полученные данные обрабатывались с применением программного обеспечения Automap и Tableau.

В частности, AutoMap как инструмент для интеллектуального анализа текста позволяет извлекать информацию с использованием методов сетевого анализа, поддерживает извлечение нескольких типов данных из неструктурированных до-

кументов. Типы информации, которые может быть извлечены, включают в себя: аналитические данные контента (слова и частоты), семантические сетевые данные (сеть понятий), данные о мета-сети (перекрестная классификация понятий с онтологией), а также эксплицитные данные (отношения, убеждения).

Tableau – многофункциональный ресурс, размещенный в облаке, который позволяет, в частности, делать визуальную аналитику, интерактивную визуализацию данных.

Визуализация сетевых структур проводилась с помощью программного обеспечения Gephi (алгоритм Force Atlas 2) [Bastian, Heymann, Jacomy 2009; Jacomy, Venturini, Heymann, Bastian 2014].

Анализ социальных сетей – сложный и разноплановый процесс. В современной научной парадигме существует несколько подходов к анализу социальных сетей, существует большое количество специальной литературы. Количество этапов в данной комплексной задаче зависит от многих факторов, в частности, от количественных характеристик сети. Как правило, выделяют три уровня социальных сетей:

- микроуровень, характеризующий взаимодействие акторов, а также микрогрупп;
- мезоуровень, определяется коммуникацией групп, формированием сообществ.
- макроуровень, представляет собой конгломерат крупных сообществ.

Выявление искусственных сущностей в рамках данного исследования проводилось по технологии SocialDataHub, которая позволяет автоматически анализировать профиль в социальной сети. Наиболее яркими маркерами являются следующие характеристики профиля: отсутствие друзей, отсутствие или незначительное количество визуальных данных (фото без лица конкретного пользователя), отсутствие постов других пользователей со ссылками на актора, активность только в определенных периоды, соответствующие знаковым временным периодам, связанными с политическими событиями, а также вхождение в уже известные бот-сети.

Результаты

Анализ данных позволил выявить особенности акторов протестной коммуникации, создаваемого ими контента, языковой картины мира и коммуникативного поведения (Приложение 1; Рис. 1, 2, 3, 4, 5, 6).

Можно выделить три кластера участников в соответствии с их целевыми установками: (в примерах сохраняются авторская орфография и пунктуация):

- 1) «Неофиты» – новички, молодые люди, которые впервые вышли с протестами на улицу: Например: *Сегодня в первый раз я была на митинге. Я не могла точно сказать что там может быть, когда шла туда. Я предполагала, что наши доблестные полицаи могут задерживать людей, но это абсурд- задерживать без оснований! Было неприятно, но люди не расходились, а приходило все больше народу и это хорошо. Я рада, что людям не все равно. Да, мы не сможем свергнуть всю гнусную систему властей, но пусть они видят, что мы не согласны с тем, что можно забивать огромный болт на простых людей. Люди, выходите на улицы так, как это было сегодня, не оставайтесь равнодушными! Пусть все было не так идеально как хотелось бы в организационном плане, но дальше, я надеюсь, будет лучше. Огромное спасибо организаторам!* (ВКонтакте).

2) «Идейные борцы» – люди с опытом протестных движений, которые сознательно выходят на митинги, чтобы выразить свою гражданскую позицию: Например: *Для любителей теорий заговора, дворцовых переворотов и прочих: в нашей стране достаточно рычагов, для выжигания коррупции, как таковой. Никто не требовал жечь покрышки! Мы за запуск машины правосудия, а не сжигание резины* (ВКонтакте).

3) «Гедонисты» – люди, для которых митинг – тип тусовки, светского мероприятия. Например: *Я посетил мероприятие в СПб, относясь к этому исключительно как к массовому гулянию. Как и планировал, я не скандировал лозунги и не торчал в толпе...* (ВКонтакте).

Информационные каналы:

Распространение информации происходило ВКонтакте и в мессенджерах (Telegram, WhatsApp).

Лингвистический модус протестного сетевого медиаконтента.

Протестный контент отличается повышенным эмоциональным фоном, агрессивностью, конфликтогенностью, саркастической тональностью:

Лингвистические особенности протестного медиаконтента формируются речевыми средствами разных языковых уровней (лексического деривационного, синтаксического), а также стилистическими, риторическими, коммуникативными, графическими средствами и эффектами интегрированного медиатекста:

Лексические средства:

1. *Почему школьники, вместо того, чтобы готовиться к ЕГЭ, за обычную ПРОГУЛКУ с УТКАМИ и КРОССОВКАМИ должны сидеть в кутузке, а их родители должны трястись в страхе за их судьбу? Ведь я знаю, что будет дальше! Дальше их великолепные учителя в школе начнут их гнобить и создавать им проблемы, а потом они с некой вероятностью не смогут никуда поступить, из-за грёбаной бумажки о том, что они были частью НЕСАНКЦИОНИРОВАННОГО МИТИНГА* (ВКонтакте).

2. *Пока Мистерь-Твиттерь сажает мимозы и Обустраивает домик для уточки. Вы скажете, моль: «пренебречь, вальсируем! Экая невидаль – казнокрадь-вельможа!» Мы его вовсе не димонизируем, Но нѣчто димоническое есть въ немъ всё же: Всегда элегантенъ, подтянутъ, скромненъ: Этакий Мефистовель у главнаго бѣса. Днем онъ трудяга въ Бѣломъ Домѣ, Ночью онъ – куртуазный повѣса* (ВКонтакте).

3. ...Ну дебилы бл... Вещие слова товарища Лаврова... (ВКонтакте).

Деривационные средства:

1. *Не верьте кремлеботам, которые утверждают, что оппозиционерам завтра в школу. Это наглая ложь, с 25 марта начались каникулы* (ВКонтакте).

2. *Даже самые ярые кремлевские защитники должны признать, что вся блистательность Путина заканчивается, когда начинается разговор про внутреннюю политику, а она действительно никакая, даже наверно никакущая...* (ВКонтакте).

3. *В Питере с Марсова поля несколько тысяч пошли на Дворцовую. Стоявшую на площади полицию пришедшие забросали дымовухами...* (ВКонтакте).

Синтаксические средства (средства экспрессивного синтаксиса).

Парцеллированные конструкции:

‘Открытая Россия’ сообщает о 150 (!!) задержанных в Махачкале. То есть почти все. Задержан организатор и девушка с плакатом: «На воре кроссовки горят». А вот это реально круто – в Махачкале выйти. За митинг в Дагестане можно быть убитым или без вести пропасть. Это вам не Москва. (ВКонтакте).

Сегментированные конструкции:

Екатеринбург, народу очень много, полная площадь, растянулись по всей набережной (ВКонтакте).

Экспрессивные конструкции с лексическим повтором:

Народ жестко выталкивают с Пушкинской площади. Людей валят на землю и бьют. Народ скандирует ‘позор’ (ВКонтакте).

Конструкции с инверсией:

В Питере закидывают полицию шашками дымовыми на дворцовой. (ВКонтакте).

Параллелизм:

Народ жив! Народ победит! (ВКонтакте).

Цепочка номинативных предложений:

Позор! Позор! Позор! (ВКонтакте).

Вопросно-ответные конструкции в монологической речи:

Мы сторонники конституции; противники коррупции; приветствуем честные и открытые действия власти. Просто мы не терпим, когда корги (собачки Шувалова) – получают финансовые вливания более районной больницы (а то и городской); мы не понимаем, как погут посадить за ‘лайк’, но вернуть миллионы Васильевой (дело по оборонке). Вы против нас? Мы пятая колонна? Мы все проплачены? Ответьте на один вопрос: ВЫ ПОДДЕРЖИВАЕТЕ КОРРУПЦИЮ?

Нас – не слышат! Мы хотим ответа и проверок! Но по ТВ, вновь Украина. В России все хорошо, ничего не происходило, в более, чем 100 городах! (ВКонтакте).

Стилистические и риторические средства.

Сарказм:

В Москве на митинге начались задержания. Взяли опасного элемента – известен как ‘Пенсионер’, который умудряется прожить на пенсию. Отчаянный (ВКонтакте).

Метафора:

СПАСИБО ВСЕМ БОЛЬШОЕ ЗА УЧАСТИЕ В СЕГОДНЯШНЕМ МИТИНГЕ!
Бронепоезд нашего с вами народного движения остановить будет невозможно. Своей численностью сегодня мы сокрушили всех провокаторов, которых, как мы сегодня выяснили, намного, в разы меньше нас с вами. Поэтому они даже не отсвечивали. Можете сами посмотреть, как они жалобно поскуливают сегодня, стыдливо пряча фотографии, на которых было бы видно, как нас было много сегодня (ВКонтакте).

Аллюзия:

В Петербурге сегодня опять штурмовали Зимний. Музей отбил атаку, сказав, что Романовы теперь не управляют страной, а картины ни в чем не виноваты (ВКонтакте).

Прецедентные тексты:

1. *Есть такая профессия – коррупцию охранять.* (ВКонтакте).

2. *Навальный и Медведев: две кроссовки пара* Сегодня в нескольких городах России прошли митинги организованные сторонниками Алексея Навального. При этом в нескольких городах мероприятия не были согласованы, но так называемые «борцы с коррупцией» всё равно вышли на улицы) (ВКонтакте).

Травестирование:

... *Крамолой речь моя пѣнится, Но переименуйте коррупцію въ опціонъ, А суть ея не измѣнится. И вотъ мистеръ-твиттеръ, Сэръ «новый смартфонъ», Середь бассейновъ и сѣрныхъ ваннъ, Шепчетъ сердито: «Я вамъ не Димонъ!» Мечтая шептать: «Я вамъ не Вованъ!»* (ВКонтакте).

Контаминация:

...*Мы его вовсе не димонизируемъ, Но нѣчто димоническое есть въ немъ всё же... 0* (ВКонтакте).

Графические средства:

Вязаный Твиттер Я вышел один. Вышел в регионе, где всё беспросветно и на выборах единокороссам рисуют под 100%. **ВЫ ВСЁ ЕЩЁ БОИТЕСЬ ИДТИ НА МИТИНГ?** Стою. (ВКонтакте).

...*Днемъ онъ на раутахъ дремлетъ покорно Подъ патриотическія духоподъемныя пѣсни, А ночью, поди, въ резиденціяхъ горныхъ, Лобзаетъ мироточащія бюсты прелестницъ. Скажутъ, де аглицкой я шпіонъ, Крамолой речь моя пѣнится, Но переименуйте коррупцію въ опціонъ, А суть ея не измѣнится.* (ВКонтакте).

Ассоциативные поля:

...*Не знаю даже почему, но бродя туда-сюда по скверу в голове играли строчки из песни Охххитігона. Вот они: Еще дальше, еще дальше. Все не так, как раньше. И лед все тоньше. И хоть это тяжело. Выживает сильнейший, но побеждает неваляшка.* (ВКонтакте).

Эффекты интегрированного контента (совмещение противопоставленных контрастных визуального и вербального ряда):

Обезврежен особо опасный преступник #ДимонОтвѣтит

Мотивацию участников митинга характеризуют следующие контексты:

1. ...*В Россию вернулась большая политика. Откровенное воровство высших чиновников настолько достало народ, что люди в знак протеста тысячами вышли сегодня на улицу. Даже, несмотря на то, что во многих городах акции протеста*

и не были согласованы. В Москве по оценкам очевидцев в оппозиционных гуляниях участвовало около пятидесяти тысяч человек. На это у власти есть только один ответ – репрессии... (ВКонтакте).

2. ...Да забирали людей и сажали в автозаки, но только тех кто несли плакаты. Я то вообще в первый раз, даже на выборы не ходил, а тут 'ну, достало'!... (ВКонтакте).

3. ...ссылка для тех, кого достали ложь и воровство... (ВКонтакте).

Участники протестного митинга придерживались различные политических установок (Ср: ...Сегодня в Москвы всё же был момент способный стать ключевым. Когда задержали Навального люди вокруг кинулись его выручать и стали блокировать дорогу автозаку автомобилем. Окружили автозак и начали его качать. После чего Навальный попросил не освобождать его и продолжить гуляния. (ВКонтакте), а также: ...Теперь о грустном. Протестом, как мы уже писали, руководят либералы. Люди, которые хронически сливают протест. То ли потому что слишком хорошо живут для атаки ва-банк. То ли потому что в принципе не ставят себе целью сменить власть, а просто красуются перед камерами. То ли потому что госдеповские методички рекомендуют исключительно пассивный 'цветной' протест а-ля Махатма Ганди. К чему это привело, хорошо было видно в регионах. (ВКонтакте).

Этическая интерпретация коррупции:

Для тех кто не в теме: Фонд по борьбе с коррупцией провел расследование по деятельности Д.А. Медведева, видео которого набрало 12.000.000 просмотров. Да, это наш Премьер министр, который говорил 'Денег нет но вы держитесь', 'Коррупция должна быть не просто незаконна, она должна быть не прилична' (ВКонтакте).

Оппозиция «молодежь – власть»:

Власть проспала молодежь. Это то, что приходит в голову после вчерашних массовых митингов-протестов во многих городах России, где в основной своей массе была молодежь до 35 лет. Эти люди не смотрят практически телевизора, они получают информацию из тех источников в Интернете, которые им интересны ... (ВКонтакте).

Кроме антикоррупционного пафоса, участников митинга объединяло отрицательное отношение к федеральным СМИ:

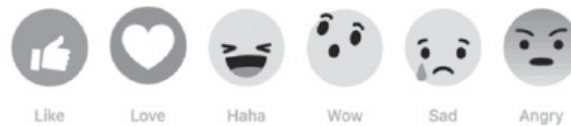
Сегодня федеральные каналы (Россия и Первый канал) умолчали о многотысячных митингах против коррупции по всей России! Эти каналы финансируются из наших налогов! Будем это терпеть? Имеют ли право федеральные каналы умалчивать о таких событиях? опрос в сообществе (ВКонтакте).

Анализ цифровых следов

Исследование коммуникативных средств сетевого поведения акторов позволяет значительно расширить лингвистические и психолингвистические исследования в мультимодальном аспекте, сделать выводы о особенностях языкового сознания и картины мира пользователей, уточнить сведения об их речевом и коммуникативном поведении, мотивации, ценностях и пр.

Основными маркерами сетевого контента являются цифровые следы. Универсальным компонентом исследователи считают «лайк», как основной выра-

зитель одобрения, положительной оценки актора [Bachrach and all. 2013; Kosinski and all. 2013; Youyou and all. 2015]. Компьютерной модели требуется всего 100 лайков, чтобы быть более точной, чем человеку, в прогнозировании характеристик личности. Достаточно 10, 70, 150 и 300 лайков соответственно, чтобы превзойти среднего коллегу по работе, совместно проживающего или друга, члена семьи и супруга. Максимальная точность компьютерного алгоритма достигается при анализе пользователей с более, чем 500 лайков, причем, среднее количество лайков на одного физического актора составляет 227 [Youyou, Kosinski, Stillwell 2015]. После многочисленных обращений пользователей, которые говорили, что символ «Мне нравится» не позволяет выразить разнообразие эмоциональной палитры, Facebook ввел пять новых видов эмодзи: сердце, смех, удивление, слезы и возмущение.

В русской версии Фейсбука их перевели как: Супер! Ха-ха! Ух ты! Сочувствую. Возмутительно.

Значительную информацию для анализа речевого и коммуникативного поведения акторов несут также показатели количества репостов и комментариев. Таким образом, чем разнообразнее и обширнее спектр цифровых следов акторов, который собран исследователем, тем точнее и корректнее можно провести интерпретацию данных.

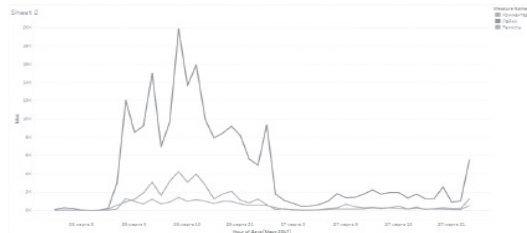

Рис.1. Соотношение цифровых следов (лайки, репосты, комментарии)

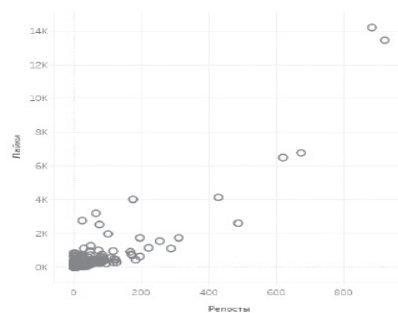

Рис.2. Распределение цифровых следов (лайки, репосты)

Топ постов с максимальным количеством лайков и репостов:

1. *Привет. Как говорит в таких случаях Первый канал: опять никто не пришёл. Посмотрите фото/видео из Владивостока и Хабаровска. В Хабаровске и шествие, и митинг, если судить по трансляциям. Сильно больше тысячи человек. Во Владивостоке митинг был на основании решения КС, то есть то, что власти называют...* (6762 лайков, 674 репостов).

2. *Сегодня вечером на «Первом канале» речь зашла про Навального, его расследования и вчерашние антикоррупционные митинги. ВНИМАНИЕ: Перед просмотром убедитесь, что где-то рядом есть огнетушитель (4699 лайков 445 репостов).*

3. *Прямой эфир ФБК с трансляциями из митигующих городов России (4625 лайков, 468 репостов).*

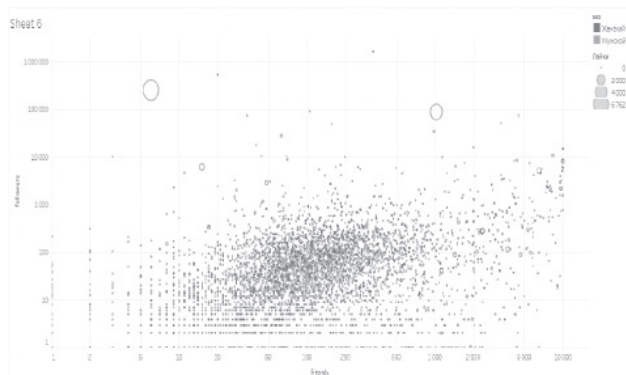

Рис.3. Распределение цифровых следов (лайки)

Топ постов с максимальным количеством комментариев:

1. *Сегодня вечером на «Первом канале» речь зашла про Навального, его расследования и вчерашние антикоррупционные митинги. ВНИМАНИЕ: Перед просмотром убедитесь, что где-то рядом есть огнетушитель (1106).*

2. *«Люди, которые пробуют свободу на вкус» – Леонид Волков в прямом эфире с митингов #ДимонОтвечит. Смотрите трансляцию. Ведем LIVE из Москвы и Питера:*

<https://www.youtube.com/watch?v=I2FhmpoHMiQ> (697).

3. *#mrzlkПрямая трансляция митингов по городам. Если повезёт, то можно будет увидеть, как ОМОН н(...)дит людей дубинками (599).*

Закономерно, что наиболее востребованный контент бал связан с аккаунтами: Алексей Навальный, Команда Навального, Лентач.

Выводы

Психолингвистический анализ протестного медиаконтента в мультимодальном аспекте позволил, в частности, выявить специфику вербального модуса контента, языковой картины мира активных акторов, их основные характеристики и мотивацию.

Лингвистический модус протестного сетевого медиаконтента характеризуется повышенным эмоциональным фоном, экспрессивности, агрессивность, конфликтно-генностью, саркастической тональностью.

Лингвистические особенности протестного медиаконтента формируются речевыми средствами разных языковых уровней. Следует выделить лексические, словообразовательные средства, а также элементы экспрессивного синтаксиса: парцелизованные и сегментированные структуры, экспрессивные конструкции с лексическим повтором, инверсию, параллелизм, использование цепочки номинативных предложений. Кроме того, применяются стилистические и риторические ресурсы (сарказм, метафора, аллюзия, прецедентные тексты, травестирирование, контаминация), а также коммуникативные, графические средства, ассоциативные поля и эффекты интегрированного медиатекста.

Анализ особенностей языковой картины мира активных акторов позволил выявить большой протестный потенциал акторов деструктивного типа поскольку несмотря на четкую адресацию акции (#ДимонОтветит), протест носил по большей части недифференцированный характер («Достало!»).

Социальная пассивность акторов сочетается с прагматизмом, стремлением к комфорту и устойчивому благополучию, которые должны быть обеспечены внешними силами, а не самими участниками. Кроме того, следует выделить стремление к самореализации, гипертрофированное чувство самоуважения, эгоцентризм на фоне общей неудовлетворенности.

Приоритеты участников данной протестной акции находятся в сфере хобби (музыка, кино, технические инновации и пр.) и спорта (киберспорта).

Еще одна важная характерная черта – стремление к геймификации, которая становится ведущим коммуникативным трендом. Можно говорить о геймификации как типе языкового сознания (кеды на провода – символ, замствованный Алексеем Навальным в фильме «Хвост виляет собакой»), игрушечные уточки, поведение с ОМОНОм. В медиатексте это выражается саркастической тональностью, постмодернистским дискурсом.

Можно предположить, что рост протестного потенциала в данной ситуации связан скорее с эффективной работой команды Навального с определённой группой акторов, а не с устойчивой политической активностью.

Данные медиаконтента позволяют охарактеризовать акторов как жителей крупных и средний городов, представителей среднего класса. Политические предпочтения определить сложно, поскольку только 14 % акторов проявляют устойчивый интерес к общественно-политическим пабликам. Топ пабликов, интересующий акторов: «Команда Навального», «Алексей Навальный», «Лентач», «Новости с овощебазы», «МДК».

Анализ основных характеристик акторов протестного медиаконтента, позволил выделить три кластера участников по целевым установкам: «неофиты», «идейные борцы», «гедонисты».

Информационными каналами для распространения информации служили Вконтакте и мессенджеры (Telegram, WhatsApp).

В отношении мотивации акторов протестного медиаконтента можно заключить следующее: анализ данных позволяет свидетельствовать об отсутствии устой-

чивых политических предпочтениях, о широком спектре политических взглядов акторов. Причем эксплицитную поддержку позиций Навального выражали только самые юные акторы, составляющие кластер «неофиты». «Идейные борцы» и «гедонисты» выражали широкий спектр оценок от безразличия до неодобрения, разочарования и сарказма в отношении оппозиционного лидера.

Отчасти подобное положение можно объяснить отсутствием общей повестки.

Следует отметить, что кроме антикоррупционного пафоса, участников митинга объединяло негативное отношение к федеральным СМИ, этическая интерпретация коррупции и рефлексия по поводу сформировавшейся оппозиция «молодежь – власть» .

Литература

- Кибрик А.А.* Русский мультимедийный дискурс. Часть II. Разработка корпуса и направления исследований Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 2. С. 79-90
- Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
- Леонтьев А.А.* Слово в речевой деятельности. М.: Из-во АН СССР. 1965, 118 с.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. М.: Политизд. 1975. 271 с.
- Литвиненко А.О., Николаева Ю.В., Кибрик А.А.* Аннотирование мультимедийного корпуса: мануальные жесты // Когнитивная наука в Москве: новые исследования Материалы конференции. Под редакцией Е.В. Печенковой, М.В. Фаликман. 2017. С. 516-520.
- Тарасов Е.Ф.* К построению теории межкультурного общения // Языковое сознание: формирование и функционирование. М.: ИЯ РАН, 1998. С. 30–34.
- Тарасов Е.Ф.* Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 1996. С. 7–22.
- Тарасов Е.Ф.* Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. 2004. № 2. С. 34–47.
- Уфимцева Н. В.* Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: Институт языкознания РАН, 2000. 320 с.
- Уфимцева Н.В.* Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011, 252 с.
- Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Балясникова О.В., Полянская А.Г., Разумкова А.В., Свинчукова Е.Г., Степанова А.А.* Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимовлияния. Коллективная монография / Под ред. Н.В. Уфимцевой. – М.- Ярославль: Канцлер, 2017. 240 с.
- Уфимцева Н.В.* Психолингвистика в XXI веке // Язык и сознание: психолингвистические аспекты: сб. статей / под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. М.- Калуга: Эйдос, 2009. С. 21-32.
- Bachrach, Y., Kohli, P., Stillwell, D., Graepel, T.* (2013) Manifestations of user personality in website choice and behaviour on online social networks. *Mach Learn* 95(3):357–380.

Bastian, M., Heymann, S., Jacomy, M. (2009) Gephi: an open source software for exploring and manipulating networks. In: International AAAI Conference on Weblogs and Social Media. Association for the Advancement of Artificial Intelligence. P. 361-362 .

Druckman, J.N., Kifer, M.J., & Parkin, M. (2007). The technological development of congressional candidate web sites: How and why candidates use web innovations. *Social Science Computer Review*, 25(4), 425-442.

Fuchs, Ch. (2014). *Digital Labour and Karl Marx*. New York: Routledge, 408 p.

Gibbon, D., Mertins, I., Moore, R.K. (Eds.). (2000). *Handbook of multimodal and spoken dialogue systems: Resources, terminology and product evaluation*. Berlin: Springer. 327 p.

Granström, B., House, D., Karlsson, I. (2002). *Multimodality in language and speech systems*. Dordrecht: Kluwer, 241 p.

Jacomy M., Venturini T., Heymann S., Bastian M. (2014). ForceAtlas2, a Continuous Graph Layout Algorithm for Handy Network Visualization Designed for the Gephi Software. *PLoS ONE* 9(6): e98679. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0098679>.

Kalnes, Ø. (2009). Norwegian parties and Web 2.0. *Journal of Information Technology & Politics*, volume 6, number 3, 251–266.

Kosinski, M., Stillwell, D., Graepel, T. (2013) Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior. *Proc Natl Acad Sci USA* 110(15): 5802–5805.

Kress, G. The multimodal landscape of communication // *Medien Journal*. 2002. Vol. 4. P. 4–19.

Kress, G. (2003): *Literacy in the New Media Age*. Londres: Routledge.

Kress, G. (2010): *Multimodality. A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication*. Londres: Routledge.

Krippendorff, K. (2012). *Content Analysis. An Introduction to Its Methodology*. Third Edition. Los Angeles: SAGE Publications, Inc., 2012.

Larsson, A.O. (2011). Extended infomercials or Politics 2.0? A study of Swedish political party Web sites before, during and after the 2010 election. *First Monday*. Vol. 16, Number 4 - 4 April 2011.

Lipschultz, J.H. (2014). *Social Media Communication: Concepts, Practices, Data, Law and Ethics*. New York and London: Routledge, 376 pp.

Lutkewitte, C. (2013) *Multimodal Composition: A Critical Sourcebook*. — Boston : Bedford/ St. Martin's.

Müller C., Cienki A., Fricke E., Ladewig S.H., McNeill D., Teßendorf S. (2013). *Body – Language – Communication: An International Handbook on Multimodality in Human Interaction*. Berlin: Mouton.

Murray, J. (2013). *Composing Multimodality*. *Multimodal Composition: A Critical Sourcebook*. Bedford/St. Martin's.

Pepe, A., di Gennaro, C. (2009). Political protest Italian-style: The blogosphere and mainstream media in the promotion and coverage of Beppe Grillo's V-day, *First Monday*, volume 14, number 12. <http://firstmonday.org/article/view/2740>, accessed 3 March 2011.

Pilgun, M. (2018). Psycholinguistic analysis of social media content: politically active actors in Facebook. 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts SGEM 2018. Vol. 5. *Sciences & Society*. Issue 3.1. Section Language & Linguistics. Vien, 391-399 pp.

Pilgun, M., Gradoselskaya, G. (2016). Political communication on Facebook Russian case, *Estudios Sobre el Mensaje Periodistico*, vol 22, no 2, pp 1161-1180.

Sauter, T. (2014). 'What's on your mind?' Writing on Facebook as a tool for self-formation, *New Media & Society*, August 2014, vol. 16, pp. 823-839.

Scollon, R. (2006). Multimodality and the language of politics // *Encyclopedia of Language & Linguistics* / K. Brown (Ed.). Elsevier, 2006. P. 386–387.

Vaccari, C. (2008a). From the air to the ground: The Internet in the 2004 U.S. presidential campaign. *New Media & Society*, volume 10, number 4, 647–665.

Vaccari, C. (2008b). Research note: Italian parties' Websites in the 2006 elections, *European Journal of Communication*, volume 23, number 1, 69–77.

Vaccari, C. (2008c.) Surfing to the Elysee: The Internet in the 2007 French elections. *French Politics*, volume 6, number 1, 1–22.

Velkova, J. (2018) Studying Emerging Data Practices: Creating a Cultural Biography of Objects Through Using the Web as an Ethnographic Resource. London: Sage research methods. (<http://methods.sagepub.com/case/emerging-data-practices-creating-cultural-biography-ethnographic-resource>)

Verboord, M. (2014). The impact of peer-produced criticism on cultural evaluation: A multilevel analysis of discourse employment in online and offline film reviews, *New Media & Society*, September, vol. 16, pp 921-940.

White, D.M., Marsh, E.E. (2006). Content analysis: a flexible methodology // *Library trends*. 1(55). Pp. 22–45.

Youyou, W., Kosinski, M., Stillwell, D. (2015). Computer-based personality judgments are more accurate than those made by humans by, *Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS)*.

Zittel, T. (2009). Lost in technology? Political parties and the online campaigns of constituency candidates in Germany's mixed member electoral system. *Journal of Information Technology & Politics*, volume 6, number 3, pp. 298–311.

Приложение 1.

Concept	Frequency	Relative frequency within text
Власть/власти/властями/властью	1727	0.06
Акции/акция/акций/акциях акції	1487	0.06
Алексей/Алексея/Алексеем	499	0.02
Автозак/атозаки/автозаке /автозаков/автозака/автозаку	362	0.01
Борьба/борьбе	331	0.02
Антикоррупционный/ Антикоррупционного/ Антикоррупционным	300	0.01
Будущее/будущем	186	0.01
Активисты/активистов/активиста	157	0.00
Арестован/арестовали	146	0.01
Арест/ареста/аресты	130	0.00
Вместе	122	0.01

Бояться/боится	118	0.00
Видел	107	0.01
Большинство	105	0.01
Навальный	102	0.01
Администрация/ Администрации	88	0.00
Безопасность/безопасности	67	0.00
Беспредел/беспредела	64	0.00
Бороться	64	0.00
Владимир	56	0.00
Бьют/били	60	0.00
Административный/ административном	44	0.00
Болотной	48	0.00
Адвокатов	34	0.00
Блоги	34	0.00
Вконтакте	34	0.00
Верить	33	0.00
Вижу	33	0.00
Весело	29	0.00
Вменяют	27	0.00
Блогеров/блогер	23	0.00

**PSYCHOLINGUISTIC ANALYSIS OF THE MEDIA CONTENT
IN THE MULTIMODAL ASPECT:
PROTEST COMMUNICATIONS & BIG DATA**

Maria A. Pilgun

Doctor of Philology, Professor
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
1/1 B. Kislovskiy per., Moscow, 125009, Russia
pilgunm@yandex.ru

The article is devoted to the study of media content of protest communism in a multimodal aspect with the application of psycholinguistic analysis. The material for the study was the database of the social network VKontakte. Data collection was carried out in three directions: linguistic mode was analyzed by verbal content, visual mode was studied according to static visual data, and network mode was determined by means of communicative network actions.

The processing of the obtained data was carried out with the help of the software Automap and Tableau. To visualize network structures, the Gephi software, the Force Atlas 2 algorithm, was used.

The research revealed that the linguistic mode of the protest network media content is characterized by an increased emotional background, expressiveness, aggressiveness, conflict sensitivity, sarcastic tone. Linguistic features of protest media content are formed

by speech tools of different language levels. The analysis of the main characteristics of the protest media content actors made it possible to single out three cluster of participants according to the objectives: «neophytes», «ideological fighters», «hedonists».

The result of this study confirmed that social networks are a tool that allows to influence the communication nature of interaction between people, to influence actors and to implement manipulation technologies at a principally new level.

Keywords: media content, psycholinguistic analysis, multimodality, protest movements

References

Kibrik A.A. (2018) Russkij mul'tikanal'nyj diskurs. Chast' II. Razrabotka korpusa i napravleniya issledovanij. [Russian Multichannel Discourse. Part II]. Psihologicheskij zhurnal [Journal of Psychology. Vol.39. No.2]: 79-90. Print. (in Russian).

Leont'ev A.A. (1997) Osnovy psiholingvistiki [Fundamentals of Psycholinguistics]. Moscow: Smysl. 287 P. Print. (In Russian).

Leont'ev A.A. (1965) Slovo v rechevoj deyatel'nosti [The Word in Speech Activity]. Moscow: Iz-vo AN SSSR. 118 P. Print. (in Russian).

Leont'ev A.N. (1975) Deyatel'nost', soznanie, lichnost' [Activity, Consciousness, Personality]. Moscow: Politizd. 271 P. Print. (in Russian).

Litvinenko A.O., Nikolaeva Y.U., Kibrik A.A. (2017) Annotirovanie mul'tikanal'nogo korpusa: manual'nye zhesty [Annotation of Multichannel Discourse: Gestures] // Kognitivnaya nauka v Moskve: novye issledovaniya Materialy konferencii. Pod redakciej E.V. Pechenkovej, M.V. Falikman [Cognitive Science in Moscow. Conference Proceedings ed. by E.V. Pechenkova, M.V. Falikman]: 516-520. Print. (in Russian).

Tarasov E.F. (1998) K postroeniyu teorii mezhkul'turnogo obshcheniya [On Creating Theory of Cross-cultural Communication] // YAzykovoe soznanie: formirovanie i funkcionirovanie [Language Consciousness: Formation and Functioning]: 30-34. Moscow: Institute of Linguistics, RAS. Print. (in Russian).

Tarasov E.F. (1996) Mezhkul'turnoe obshchenie – novaya ontologiya analiza yazykovogo soznaniya [Cross-cultural Communication. The New Anthology of Language Consciousness] // EHtnokul'turnaya specifika yazykovogo so-znaniya / otv. red N.V. Ufimceva [Ethno-cultural Peculiarities of Language Consciousness. Ed. by N.V. Ufimceva]: 7-22. Moscow: Institute of Linguistics, RAS. Print. (in Russian).

Tarasov E.F. (2004) YAzykovoe soznanie [Language Consciousness] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics] 2: 34–47. Print. (in Russian).

Ufimceva N.V. (2000) YAzykovoe soznanie i obraz mira slavyan [Language Consciousness and the Slavs Picture of the World] // YAzykovoe soznanie i obraz mira. Sbornik statej / Otv. red. N.V. Ufimceva [Language Consciousness and the Picture of the World. A Collection of Articles. Ed. by N.V. Ufimceva]. M.: Institut yazykoznanija RAN, 2000. 320 s. Print. (in Russian).

Ufimceva N.V. (2011) YAzykovoe soznanie: dinamika i variativnost' [Language Consciousness: Dynamics and Variability]. Moscow: Institut yazykoznanija. 252 P. Print. (in Russian).

Ufimceva N.V., Cherkasova G.A., Balyasnikova O.V., Polyanskaya A.G., Razumkova A.V., Svinchukova E.G., Stepanova A.A. (2017) Regional'noe yazykovoe soznanie komi, russkikh, tatar: problemy vzaimovliyaniya. Kollektivnaya monografiya/ Pod red. N.V. Ufimcevoj [Regional Language Consciousness of Komis, Russians, and Tatars. A Collective Monograph. Ed. by N.V. Ufimceva]. Moscow. YAroslavl': Kancler, 2017. 240 s. Print. (in Russian).

Ufimceva, N.V. (2009) Psiholingvistika v XXI veke [Psycholinguistics in the 21st Century] // YAzyk i soznanie: psiholingvisticheskie aspekty: sb. statej / pod red. N. V. Ufimcevoj [Language and Consciousness. The Psycholinguistic Aspects. A Collection of Articles. Ed. by N.V. Ufimceva, T.N. Ushakova]: 21-32. Moscow-Kaluga. Print. (in Russian).

Bachrach, Y, Kohli P, Stillwell D., Graepel T. (2013) Manifestations of user personality in website choice and behaviour on online social networks. *Mach Learn* 95(3):357–380

Bastian, M., Heymann, S., Jacomy, M. (2009) Gephi: an open source software for exploring and manipulating networks. In: International AAAI Conference on Weblogs and Social Media. Association for the Advancement of Artificial Intelligence. P. 361-362 .

Druckman, J. N., Kifer, M. J., & Parkin, M. (2007). The technological development of congressional candidate web sites: How and why candidates use web innovations. *Social Science Computer Review*, 25(4), 425-442.

Fuchs, Ch. (2014). *Digital Labour and Karl Marx*. New York: Routledge, 408 p.

Gibbon, D., Mertins, I., Moore, R.K. (Eds.). *Handbook of multimodal and spoken dialogue systems: Resources, terminology and product evaluation*. Berlin: Springer. 327 p.

Granström B., House D., Karlsson I. (2002). *Multimodality in language and speech systems*. Dordrecht: Kluwer, 241 p.

Jacomy M., Venturini T., Heymann S., Bastian M. (2014). ForceAtlas2, a Continuous Graph Layout Algorithm for Handy Network Visualization Designed for the Gephi Software. *PLoS ONE* 9(6): e98679. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0098679>.

Kalnes, Ø. (2009). Norwegian parties and Web 2.0. *Journal of Information Technology & Politics*, volume 6, number 3, 251–266.

Kosinski M, Stillwell D, Graepel T. (2013) Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior. *Proc Natl Acad Sci USA* 110(15): 5802–5805.

Kress G. (2002) The multimodal landscape of communication // *Medien Journal*. Vol. 4. P. 4–19.

Kress, G. (2003): *Literacy in the New Media Age*. Londres: Routledge.

Kress, Gunther (2010): *Multimodality. A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication*. Londres: Routledge.

Krippendorff, K. (2012). *Content Analysis. An Introduction to Its Methodology*. Third Edition. Los Angeles: SAGE Publications, Inc., 2012.

Larsson, A.O. (2011). Extended infomercials or Politics 2.0? A study of Swedish political party Web sites before, during and after the 2010 election. *First Monday*. Vol. 16, Number 4 - 4 April 2011.

Lipschultz, J. H. (2014). *Social Media Communication: Concepts, Practices, Data, Law and Ethics*. New York and London: Routledge, 376 pp.

Lutkewitte, C. (2013) *Multimodal Composition: A Critical Sourcebook*. – Boston : Bedford/ St. Martin's.

Müller C., Cienki A., Fricke E., Ladewig S.H., McNeill D., Teßendorf S. (2013). *Body – Language–Communication: An International Handbook on Multimodality in Human Interaction*. Berlin: Mouton.

Murray, J. (2013). *Composing Multimodality*. *Multimodal Composition: A Critical Sourcebook*. Bedford/St. Martin's.

Pepe, A. and di Gennaro, C. (2009). Political protest Italian-style: The blogosphere and mainstream media in the promotion and coverage of Beppe Grillo's V-day, First Monday, volume 14, number 12. <http://firstmonday.org/article/view/2740>, accessed 3 March 2011.

Pilgun, M. (2018). Psycholinguistic analysis of social media content: politically active actors in Facebook. 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts SGEM 2018. Vol. 5. Sciences & Society. Issue 3.1. Section Language & Linguistics. Vien, 00 391-399 pp.

Pilgun, M., Gradosevskaya, G. (2016). Political communication on Facebook Russian case, *Estudios Sobre el Mensaje Periodístico*, vol 22, no 2, pp 1161-1180.

Sauter, T. (2014). 'What's on your mind?' Writing on Facebook as a tool for self-formation, *New Media & Society*, August 2014, vol. 16, pp. 823-839.

Scollon, R. (2006). Multimodality and the language of politics // *Encyclopedia of Language & Linguistics* / K. Brown (Ed.). Elsevier, P. 386–387.

Vaccari, C. (2008a). From the air to the ground: The Internet in the 2004 U.S. presidential campaign. *New Media & Society*, volume 10, number 4, 647–665.

Vaccari, C. (2008b). Research note: Italian parties' Websites in the 2006 elections, *European Journal of Communication*, volume 23, number 1, 69–77.

Vaccari, C. (2008c.) Surfing to the Elysee: The Internet in the 2007 French elections. *French Politics*, volume 6, number 1, 1–22.

Velkova J. (2018) *Studying Emerging Data Practices: Creating a Cultural Biography of Objects Through Using the Web as an Ethnographic Resource*. London: Sage research methods. (<http://methods.sagepub.com/case/emerging-data-practices-creating-cultural-biography-ethnographic-resource>).

Verboord, M. (2014). The impact of peer-produced criticism on cultural evaluation: A multilevel analysis of discourse employment in online and offline film reviews, *New Media & Society*, September, vol. 16, pp 921-940.

White, D.M., Marsh, E.E. (2006). Content analysis: a flexible methodology // *Library trends*. 1(55). Pp. 22–45.

Youyou, W., Kosinski, M., Stillwell, D. (2015). Computer-based personality judgments are more accurate than those made by humans by, *Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS)*.

Zittel, T. (2009). Lost in technology? Political parties and the online campaigns of constituency candidates in Germany's mixed member electoral system. *Journal of Information Technology & Politics*, volume 6, number 3, pp. 298–311.

УДК 81'23 DOI: 10.30982/2077-5911-2-118-126

**БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ ЖИТЕЛЕЙ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ
(ОСОЗНАВАЕМЫЙ И НЕОСОЗНАВАЕМЫЙ УРОВНИ
ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ)¹**

Устьянцева Елена Викторовна

Старший преподаватель кафедры общего языкознания
Красноярского государственного педагогического университета
им. В.П. Астафьева
Красноярский край, г. Сосновоборск, ул. Энтузиастов, 4 – 28
elena_ustianzeva@mail.ru

Цель статьи – изучение базовых ценностей, выявленных в ходе исследования осознаваемого и неосознаваемого уровней языкового сознания жителей малого города Красноярского края. В работе использовался метод анкетирования, сравнительный анализ, статистическая обработка данных. Наиболее значимыми среди 222 слов аксиологической семантики являются ценности семья, здоровье, дружба и друзья, любовь, составившие концептуальное ядро осознаваемого уровня языкового сознания сибиряков. Анализ результатов анкетирования в возрастном аспекте показал, что вышеназванные ценности составляют концептуальное ядро языкового сознания респондентов всех рассматриваемых возрастных групп. Наряду с этим для группы анкетизируемых, в которую вошли люди старше 50 лет, значимой оказалась и такая ценность, как работа, тогда как ценность дружба имеет большое значение только для 17% респондентов старшего возраста.

Сравнив полученные в ходе анкетирования результаты с данными «Обратного ассоциативного словаря Приенисейской Сибири», мы выяснили, что на неосознаваемом уровне языкового сознания сибиряки признают наиболее значимой для себя ценность деньги, в связи с чем можно предположить, что респонденты, заставляя одни жизненные приоритеты, в действительности ориентируются на другие.

Ключевые слова: базовые ценности, осознаваемый и неосознаваемый уровни языкового сознания, обратный ассоциативный словарь

Основу национальной культуры составляют ценности, регулирующие характер взаимоотношений людей, их отношение к окружающей действительности. Н.И. Лапин в своей статье «Модернизация базовых ценностей россиян» пишет, что «ценности – это обобщенное представление людей о целях и нормах своего поведения, воплощающие исторический опыт и концентрированно выражающие смысл культуры отдельного этноса и всего человечества» [Лапин 1996: 3]. Ценности бывают разными: второстепенными, ложными, мнимыми; отношения к ним чаще всего условны, поэтому многие из них можно изменить. Однако базовые ценности – это то, что является смыслом жизни, целевой установкой, «фундаментом» норм поведения отдельной личности и общества в целом.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 16-14-24003.

В данной статье представлены результаты анкетирования «Жизненные ценности», являющегося частью эксперимента по изучению языкового сознания жителей Приенисейской Сибири. Исследование проводилось среди жителей г. Сосновоборска Красноярского края, которым предлагалось записать названия своих жизненных ценностей, распределив их по степени важности от 1 до 10. Количество респондентов составило 110 человек от 18 до 68 лет: 18-25 лет – 27 респондентов, 26-35 лет – 26 респондентов, 36-50 лет – 36 респондентов, 51-68 лет – 21 респондент. Цель анкетирования – выявить жизненные ценности людей разного возраста, проживающих в малом городе Красноярского края.

Расположив названные жизненные ценности по частотности употребления, мы смогли выявить самые важные из них: 1) семья – 80%; 2) здоровье – 68%; 3) дружба и друзья – 55%; 4) любовь – 47%; 5) дети – 31%; 6) работа – 30%; 7) деньги – 21%; 8) отдых – 19%; 9) карьера, уважение – 17%; 10) образование, благополучие – 14%; 11) честность – 13%; 12) взаимопонимание, достаток – 12%; 13) саморазвитие – 10%; 14) здоровье родных, путешествие, успех – 9%; 15) жизнь, комфорт, развитие – 8%; 16) вера, мир (без войны), общение, терпение – 7%; 17) доброта, дом, знания, самореализация, спорт, счастье – 6%; 18) благосостояние, доверие, надежда, образование детей, родные, хобби – 5%; 19) безопасность, духовность, духовное развитие, материальные блага, родители, семейное благополучие, учеба – 4%; 20) время, духовный рост, духовные ценности, искренность, искусство, книги, музыка, питомцы, прощение, радость, свобода, справедливость, творчество, творческая самореализация, уют, хорошая работа, честь – 3%; 21) авторитет, активный отдых, богатство, верность, взаимовыручка, внимание, внутреннее спокойствие, документы, достойная зарплата, душевное равновесие, личная жизнь, милосердие, мнение других, недвижимое имущество, оптимизм, ответственность, отношения, природа, профессия, религия, семейное благосостояние, совесть, спокойствие, стабильность, традиция, финансовое благополучие, хорошая экология, экология, экономическая стабильность, эмоции – 2%; 22) аккуратность, алкоголь, баннеры, благополучие детей, благодарность, близкие люди, брат, быт, быть нужным, вдохновение, вечеринки, взаимоотношения в семье, взаимопомощь, вкусная еда, власть, внешность, внимание детям, возможность покинуть эту страну, воспитание, воспитание детей, вырастить из ребенка хорошего человека, дача, дети и внуки, диета, добродетель, доброжелатель, добросердечие, долг, дом на земле, достижения, доступность отдыха, досуг, доход, дружба с ребенком, дружелюбие, духовная жизнь, душевное спокойствие, здоровая пища, здоровье детей, качественные продукты, компетентность, комфортное жилье, красота, кротость, круг общения, культурный отдых, курение, легкая атлетика, личностный рост, материальное положение, мир в семье, мотоциклы, мужественность, надежность, наличие цели в жизни, наследство детям, независимость, нравственность, общественная деятельность, общественное мнение, окружение, опыт, организация досуга, открытость, отношение близких, престиж, питание, пища, подарки, поддержание порядка, поддержка, поддержка друзей, покер, полная семья, помощь родителям, порядочность, права человека, принятие себя, программирование, просторная квартира, профессиональная деятельность, развлечения, режим, Родина, самообразование, самокритичность, самолюбие, самосовершенствование, самосознание, самоуважение, связь с

Теоретические и экспериментальные исследования

миром, секс, семейные традиции, слава, сладкое, смелость, смирение, собака, сон, социальный статус, сплоченность, стимул в жизни, счастливая жизнь детей и внуков, танцы, твердость, творить добро, толерантность, трудолюбие, уверенность в завтрашнем дне, увлечение, удовольствие, украшения, успешность, физический труд на даче, филфак, финансы, хорошие жизненные условия, храбрость, целеустремленность, чат, чистая вода, чистый воздух, чувства, щедрость, эмоциональное состояние, Эд Ширан, юридическая защита, я – 1%.

Представленные слова-ценности составляют концептуальное поле осознаваемого уровня языкового сознания. Отвечая на вопросы анкеты и ранжируя ценности по степени важности, респонденты опирались на социальные условия и жизненный опыт.

Рассмотрев результаты анкетирования в возрастном аспекте, мы пришли к выводу, что разные возрастные группы отдают предпочтение одним и тем же жизненным ценностям, немного различающимся по степени значимости. Представим первые четыре позиции по возрастным группам в следующей таблице:

Таблица 1
Концептуальное ядро осознаваемого уровня языкового сознания: возрастной аспект

18 – 25 лет	26 – 35 лет	36 – 50 лет	51 и старше
Семья – 78% Дружба, друзья – 67% Любовь – 56% Здоровье – 52%	Семья – 88% Здоровье – 69% Дружба, друзья – 54% Любовь – 46%	Семья – 81% Здоровье – 72% Дружба, друзья – 53% Любовь – 47%	Здоровье – 91% Семья – 64% Работа – 36% Любовь – 27%

Отметим, что для старшей возрастной группы значима ценность работа, возможно, люди подводят определенные итоги своей профессиональной деятельности или, наоборот, переживают по поводу приближающегося пенсионного возраста и возможности потерять работу. Ценность дружба, занимающая первые позиции в других возрастных группах, в данной группе представлена только 17%.

Таким образом, наше исследование показало, что для жителей малого города Красноярского края базовыми являются традиционные для русской культуры духовные ценности – семья, здоровье, дружба, любовь.

Сгруппировав названные ценности по идеографическому принципу, мы выявили наиболее важные для информантов жизненные сферы, категории. Каждой группе было присвоено так называемое «условное число», которое является суммой входящих в данную группу ценностей. Например, такие ценности, как благополучие детей - 1, близкие люди - 1, брат - 1, воспитание - 1, взаимоотношения в семье - 1, вырастить из ребенка хорошего человека - 1, воспитание детей - 1, внимание детям - 1, дети - 31, дети и внуки - 1, дом - 6, дом на земле - 1, дача - 1, дружба с ребенком - 1, здоровье детей - 1, здоровье родных - 9, мир в семье - 1, наследство детям - 1, отношения близких - 1, образование детей - 5, полная семья - 1, помощь родителям - 1, родители - 4, родные - 5, счастливая жизнь детей и внуков

- 1, семейное благополучие - 4, семейное благосостояние - 2, семейные традиции - 1, семья - 80, уют - 3, были объединены в группу семья, «условное число» этой группы составило 169.

Таким образом, названные сибиряками жизненные ценности были объединены в следующие группы: семья - 169, духовно-нравственные ценности - 149, физическое здоровье - 88, материальный достаток - 80, отношения между людьми - 76, я как личность - 75, профессиональная деятельность - 55, отдых - 37, интеллектуальное развитие - 34, философские категории - 30, успешность - 23, увлечения - 14, религия - 9, безопасность - 7, спорт - 7, эмоции - 6, питомцы - 4.

Не вошли ни в одну группу те ценности, которые оказалось затруднительно безоговорочно отнести к той или иной области жизни. Некоторые ценностные понятия были включены сразу в несколько групп. Например, здоровье детей можно отнести как к группе здоровье, так и к группе семья.

Можно сделать вывод, что для жителей г. Сосновоборска самым главным в жизни является семья. Стоит отметить, что ценностное понятие дети встретилось в анкетах 34 раза, тогда как ценностное понятие родители - всего пять раз, при этом никто из анкетированных от 36 лет и старше не указал слово-ценность родители; в возрастной группе 18-25 лет - 7%, 26-35 лет - 8% информантов считают родителей жизненной ценностью. На наш взгляд, это объясняется не только приоритетом иных жизненных ценностей, но и неумением ценить родительскую любовь и заботу, отсутствием благодарности. Ценность-слово *дети* встретилось во всех возрастных группах: 18-25 лет - 11%, 26-35 лет - 42%, 36-50 лет - 39 %, 51 и старше - 27%.

Особое значение для жителей малого города Красноярского края имеют нравственные ценности и духовное развитие, при этом безоговорочное преимущество среди прочих ценностей в данной группе занимает любовь (31% от общего количества слов рассматриваемой группы). Анализ полученных данных в возрастном аспекте позволяет прийти к выводу о важном значении любви в жизни людей всех возрастов. Так, в возрастной группе до 25 лет любовь является жизненной ценностью для 56% анкетированных, в группах 26-35 и 36-50 лет наблюдается соотношение 46% и 47%, а в старшей возрастной группе показатель опускается до 27%.

Физическое здоровье для респондентов так же важно, как и здоровье нравственное. Стоит отметить, что с увеличением возрастного состава испытуемых увеличивается количество тех, для кого здоровье является главной жизненной ценностью: 18-25 лет - 52%, 26-35 лет - 69%, 36-50 лет - 72%, 51 и старше - 91%. С возрастом здоровье, как правило, ухудшается, что влияет на жизнь человека в целом, поэтому чем старше человек, тем больше он дорожит своим здоровьем и здоровьем близких.

Группа материальные ценности занимает четвертую позицию в представленном «рейтинге», при этом на первом месте находится слово-ценность деньги (21%), на втором - благополучие (14%), на третьем - достаток (12%). Среди респондентов разных возрастных групп разногласий по степени значимости данных ценностей не возникло.

Важным для анкетированных является то, как складываются отношения в социуме, в коллективе. Особое значение для респондентов имеют такие ценности,

как уважение, честность, взаимопонимание; от общего количества слов-ценностей, вошедших в группу отношения между людьми, они составляют 22%, 17% и 16% соответственно. Рассматривая данные в возрастном аспекте, можно заметить, что для людей самой взрослой группы уважение, честность и взаимопонимание имеют равноценное значение (по 9%), для людей 26 – 35 лет и 36 – 50 лет в приоритете ценность уважение (23% и 22% соответственно), для самой молодой группы респондентов важнее такая ценность, как честность (19%), а уважение отметили только 7% опрошиваемых.

Строгие требования предъявляют жители Красноярского края и к себе как к личности, заботясь о своем саморазвитии, самообразовании, самосовершенствовании и т.п. Значительно преобладает над другими индивидуальными качествами, способствующими личностному росту, ценность саморазвитие (развитие), представляющая наибольшую значимость для самой молодой группы испытуемых.

Рассмотрев самые объемные (как в содержательном, так и в количественном плане) тематические группы ценностей, мы попробуем составить портрет жителя малого города Красноярского края.

Итак, сосновоборец, несомненно, очень хороший семьянин, при этом забота и любовь к детям имеют значительное преимущество перед благодарностью и любовью к родителям; для него семья – это прежде всего он сам и его дети. Сосновоборец – человек глубоко нравственный, стремящийся к духовному развитию, самосовершенствованию. Для него ценно понятие любовь, ведь именно она является основой всех других нравственных категорий, таких как дружба, доброта, милосердие. Еще в молодости он начинает ценить здоровье и продолжает это делать всю жизнь. Материальный достаток – это не последнее, о чем задумывается горожанин. Большое значение для жителя Сосновоборска имеют его взаимоотношения с окружающими, которые он старается построить на уважении, честности, взаимопонимании, при этом непрерывно стремясь к саморазвитию.

Таким мы увидели жителя малого города Красноярского края, проанализировав выявленные путем анкетирования аксиологические особенности осознаваемого уровня языкового сознания респондентов.

Достоверные результаты о неосознаваемом уровне языкового сознания представляет ассоциативный эксперимент [Васильев, Васильева, Тимченко 2015: 5]. С целью изучения языкового сознания жителей Приенисейской Сибири коллектив лингвистов Красноярского государственного педагогического университета имени В.П. Астафьева, опираясь на опыт авторов «Русского ассоциативного словаря» (Караулов, Сорокин, Тарасов, Уфимцева, Черкасова) и СибАС (Шапошникова), создал «Ассоциативный словарь Приенисейской Сибири» (Васильева, Васильев, Шибаев, Кипчатова, Тимченко, Бебриш).

Обращение к обратному словарю с опорой на опыт А.А. Залевской, которая впервые в русской психолингвистике проанализировала обратный словарь «от реакции к стимулу» [Залевская 1981], и исследования Н.В. Уфимцевой [Уфимцева 2003: 139], продолжившей эту работу на материале «Ассоциативного тезауруса современного русского языка», позволяет нам определить слова, характеризующиеся значительно превышающим среднее число связей с разными стимулами. Данные слова представляют ядро языкового сознания жителей Приенисейской Сибири (см.

«Обратный словарь Приенисейской Сибири» [Обратный ассоциативный словарь Приенисейской Сибири 2016]).

Сравним результаты анкетирования «Жизненные ценности», проведенного среди жителей малого города Красноярского края (осознаваемый уровень языкового сознания) с данными «Обратного словаря Приенисейской Сибири» (неосознаваемый уровень) (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Сравнение одних и тех же ценностей жителей Приенисейской Сибири, выявленных на осознаваемом и неосознаваемом уровнях

Осознаваемый уровень		Неосознаваемый уровень	
Позиция по результатам анкетирования/процент	Ценность	Позиция в обратном словаре по количеству связей/ кол-во связей с разными стимулами	Ценность
1 / 80%	Семья	2 / 1172	Деньги
2 / 68%	Здоровье	3 / 796	Друг
3 / 55%	Дружба и друзья	15 / 327	Ребенок
4 / 47%	Любовь	16 / 316	Отдых
5 / 31%	Дети	17 / 314	Работа
6 / 30%	Работа	18 / 306	Любовь
7 / 21%	Деньги	57 / 189	Семья
8 / 19%	Отдых	-	-
9 / 17%	Карьера, уважение	-	-
10 / 14%	Образование, благополучие	-	-

По результатам анкетирования первые 10 позиций занимают такие ценности, как семья, здоровье, дружба и друзья, любовь, дети, работа, деньги, отдых, карьера, уважение, образование, благополучие. Из них в ядро языкового сознания по результатам анализа обратного словаря входят ценности: деньги (2 место по количеству связей с разными стимулами), друг (см. дружба и друзья по результатам анкетирования) (3 место), ребенок (дети по результатам анкетирования) (15 место), отдых (16 место), работа (17 место), любовь (18 место), семья (57 место).

В ядро языкового сознания сибиряка, представляющее собой совокупность базовых ценностей неосознаваемого уровня, такие ценности, как здоровье, карьера, уважение, образование и благополучие, выявленные в ходе анкетирования, т.е. составляющие ядро языкового сознания на осознаваемом уровне, не входят. Обращает на себя внимание и тот факт, что на осознаваемом уровне языкового сознания главной ценностью признается семья, а на неосознаваемом – деньги. Это, на наш взгляд, подтверждает точку зрения С.П. Васильевой, которая считает, что «...постепенно происходит внедрение “общечеловеческих” ценностей западной культуры в сознание россиян» [Васильева 2016: 161].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Концептуальным полем осознаваемого уровня языкового сознания жителей малого города Красноярского края являются ценности, представленные 222 словами аксиологической семантики, из которых можно выделить слова-ценности, отличающиеся наиболее высоким по сравнению с другими «рейтингом»: семья, здоровье, дружба и друзья, любовь. При этом анализ результатов анкетирования в возрастном аспекте подтверждает представленные выводы: для разных возрастных групп жителей Сосновоборска базовыми ценностями являются семья, здоровье, дружба, друзья и любовь. Для самых старших респондентов значимой оказалась и такая ценность, как работа, не вошедшая в рейтинг самых «популярных» ценностей во всех других возрастных группах.

2. Сгруппировав выявленные ценности по идеографическому принципу, мы определили наиболее важные для жителей малого города Красноярского края жизненные категории: семья, духовно-нравственные ценности, физическое здоровье, материальный достаток, отношения между людьми, я как личность.

3. Изучение базовых ценностей жителей Приенисейской Сибири на осознаваемом и неосознаваемом уровнях языкового сознания показало несовпадение данных. Признавая на осознаваемом уровне такие нравственные ценности, как друг, ребенок, любовь, семья, на неосознаваемом уровне большинство испытуемых отдает предпочтение деньгам. Таким образом, можно предположить, что респонденты, сознательно заявляя одни жизненные приоритеты, в действительности ориентируются на другие.

Литература

Васильев Д.А., Васильева С.П., Тимченко А.Г. Этнокультурное сознание и самосознание сибиряка, отраженное в языке: монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2015. 204 с.

Васильева С.П. Деньги как ценность в языковом сознании русских Приенисейской Сибири // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2016. № 3. С. 158 – 165.

Залевская А.А. О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. Калинин, 1981. С.28 – 44.

Латин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 3 – 23.

Обратный ассоциативный словарь Приенисейской Сибири / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2016. Т. I: А – П. 204 с.

Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. ст. / отв. ред. Н.В.Уфимцева. Изд. 2-е. М., 2003. С. 139 – 162.

**BASIC VALUES OF RESIDENTS OF THE YENISEI SIBERIA
(REALIZED AND UNKNOWN LEVELS LANGUAGE CONSCIOUSNESS)**

Elena V. Ustyantseva

Senior Lecturer, Department of General Linguistics
Krasnoyarsk Pedagogical University. V.P. Astafyev
4 – 28 st. Enthusiasts, Sosnovoborsk, Krasnoyarsk Territory
elena_ustianzeva@mail.ru

The aim of the article is to study basic values, which were identified in the research of conscious and unconscious levels of the Siberians. The current investigation employs the questionnaire method, comparative analysis, statistical data processing. The most important words for the Siberians amongst 222 words of axiological semantics (that form the conceptual core of the conscious level) are *family, health, friendship and friends, love*. The analysis of the age aspect in the questionnaire results has shown that the values form the conceptual nucleus of the language consciousness for all age groups. Along with these results, the results for the age group over 50 have revealed such value as *job*, while *friendship* means much only to 17% of the elderly questioned.

The comparative analysis of the obtained results with the data from the Reverse Associative Dictionary of the Yenisey Siberia have shown that on unconscious level the Siberians overshadowed such values as *friend, child, love and family*, and *money* has become the most important value. It can be concluded that people, though consciously naming some life values the most important, follow the other ones in real life.

Keywords: basic values, conscious and unconscious, level of linguistic mental, associative reverse dictionary

References

Vasil'ev D.A., Vasil'eva S.P., Timchenko A.G. (2015) Jetnokul'turnoe soznanie i samosoznanie sibirjaka, otrazhennoe v jazyke [The Ethnocultural Consciousness and The Consciousness of the Siberian Reflected in Language. A Monograph]. Krasnojarsk: Krasnojarsk gos. ped. un-t im. V.P.Astaf'eva. 204 P. Print. (In Russian).

Vasil'eva S.P. (2016) Den'gi kak cennost' v jazykovom soznanii russkih Prienisejskoj Sibiri [Money as Value in the Language Consciousness of Russians of Prieniseysky Siberia]. *Vestnik Krasnojarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P.Astaf'eva* [Bulletin of V.P. Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University] 3: 158 – 165. Print. (In Russian).

Zalevskaja A.A. (1981) O kompleksnom podhode k issledovaniju zakonomernostej funkcionirovanija jazykovogo mehanizma cheloveka [On Integrated Approach in the Study of Regularities in the Functioning of Human Language Mechanism] // *Psiholingvističeskie issledovanija v oblasti leksiki i fonetiki. Kalinin* [Psycholinguistic Research of Lexicon and Phonetics]: 28-44. Kalinin. Print. (In Russian).

Lapin N.I. (1996) Modernizacija bazovyh cennostej rossijan [Modernization of Basic Values of Russians] // *Sociologičeskie issledovanija* [Sociological Studies] 5: 3 – 23. Print. (In Russian).

Obratnyj associativnyj slovar' Prienisejskoj Sibiri [A Reverse Associative Dictionary of Yenisei Siberia]. Krasnojarsk: Krasnojarsk. gos. ped. un-t im. V.P.Astaf'eva. 204 P. Print. (In Russian).

Ufimceva N.V. (2003) Russkie: opyt eshhe odnogo samopoznanija [Russians: A Case of Another Self-Cognition] // *Jetnokul'turnaja specifika jazykovogo soznanija* [Ethnocultural Specifics of Language Consciousness. A Collection of Articles. Ed. by N.V.Ufimceva. 2nd Ed]: 139 – 162. Moscow. Print. (In Russian).

УДК 81'23 DOI: 10.30982/2077-5911-2-127-144

**ОЦЕНОЧНЫЕ АССОЦИАТИВНЫЕ ДОМИНАНТЫ РУССКОГО
ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ: ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Чернышова Елена Борисовна

доцент кафедры теории и методики
начального образования
Борисоглебского филиала

Воронежского государственного университета
397160, Борисоглебск, ул. Народная, 43
elena-chernishova@yandex.ru

Статья посвящена актуальной проблеме динамики содержания оценочных ассоциативных доминант русского языкового сознания. В нашем исследовании оценочные ассоциативные доминанты понимаются как ядерные единицы, имеющие наибольшее число ассоциативных связей с другими словами в ассоциативно-вербальной сети носителя языка. К таким единицам мы относим слова *хорошо*, *плохо*. Цель работы – выделить оценочные ассоциативные доминанты и рассмотреть изменение их содержания в сознании носителей русского языка за последние 40 лет. Выводы сделаны на материале свободных ассоциативных экспериментов, проводившихся в России с 70-х годов XX века и послуживших созданию следующих исследовательских баз данных: САНРЯ – «Словарь ассоциативных норм русского языка А.А. Леонтьева» (1967-73 гг., 25 тысяч единиц), РАС – «Русский ассоциативный словарь» (1988-95 гг., 1,3 миллиона единиц), ЕВРАС – «Русский региональный ассоциативный словарь» (опрос респондентов выполнен на Европейской части России в 2008-11 гг., 540 тысяч единиц). Анализ ядра русского языкового сознания и содержания оценочных ассоциативных доминант показал, что 1) в ранжированном списке ядерных слов, составленном на основе подсчета входящих связей, верхние позиции среди оценочных единиц занимают слова *плохо*, *хорошо*; 2) эти ассоциативные доминанты демонстрируют наиболее яркую динамику содержания среди других оценочных ядерных единиц, особо заметные изменения проявляются в их семантическом составе.

Ключевые слова: свободный ассоциативный эксперимент, оценочные ассоциативные доминанты русского языкового сознания, динамика состава и структуры оценочных ассоциативных доминант *плохо*, *хорошо*

Введение

Интерес к языковому сознанию определяется возможностью изучения закономерностей процессов порождения и восприятия речи. Исследование этого феномена выполняется в разных аспектах. С целью решения проблем эффективной коммуникации изучаются: 1) национально-культурная специфика языкового сознания того или иного этноса [Боргоякова 2002; Никитина 1993; Привалова 2006; Раевская 2006; Хуан Тяньдэ 2017; Уфимцева 1995, 2000, 2004а, 2004б; Jackendoff 2007 и др.], 2) региональные особенности содержания ядра языкового сознания [Сергиева 2009; Уфимцева 2017а], 3) возрастные и гендерные варианты языкового сознания

[Береснева 1995; Гарбар 2010; Горошко 2003; Гришук 2002]. С целью разработки методологии выделяются онтологические предпосылки теории языкового сознания [Тарасов 2013; Уфимцева 2005б]; разрабатываются процедуры квантитативного [Черкасова 2005], структурного [Незговорова 2004], культурологического [Уфимцева 2003, Сергиева 2009] анализа содержания языкового сознания, описываются методы исследования [Горошко 2001]. Развиваются когнитивный [Дзюба 2015; Калентьева 1998; Киселёва 2009] и исторический [Вендина 2002; Иванова 2004] подходы к изучению языкового сознания.

Особый интерес исследователи проявляют к динамике содержания языкового сознания.

Зарубежные исследования, посвященные проблемам изменения языкового сознания, выполняются в основном в рамках антропологии. В частности, в рамках исторической антропологии – [Oakes 2001; Uljas 2013], социальной антропологии – [Woolard 2007], культурной антропологии – [Vocate 1991]. Психолингвистическое исследование динамики французского языкового сознания на протяжении нескольких лет выполняется М. Дебрэнн [Debrenne 2011a, 2011b].

В России динамика содержания языкового сознания изучается очень активно [Баландина 2013; Гарбар 2010; Гольдин, Сдобнова 2017; Маховиков, Степанова 2013; Ощепкова 2009; Уфимцева 2000, 2004а, 2005а, 2011, 2017б]. По мнению, Н. В. Уфимцевой, изменения социокультурной реальности отражаются в языковом сознании носителей языка и его динамику возможно исследовать через анализ ассоциативно-вербальной сети (АВС), которую Н. В. Уфимцева [Уфимцева 2017б] рассматривает в качестве модели языкового сознания.

Цель исследования – разработать модель, способную отражать динамику содержания оценочных ассоциативных доминант (ОАД) русского языкового сознания.

Задачи:

- 1) установить критерии выделения оценочных ассоциативных доминант;
- 2) определить совокупность параметров, по которым возможно проследить изменения в содержании оценочных ассоциативных доминант;
- 3) выполнить параметрический анализ динамики состава и структуры ОАД.

Методы и источники исследования.

Основным методом исследования была параметризация содержания оценочных ассоциативных единиц, которая предполагала выделение, описание и количественную/качественную оценку существенных признаков (параметров) ядерных единиц. Под содержанием мы понимаем единство элементов целого и их связей. Тем самым, описание динамики содержания оценочных ассоциативных доминант русского языкового сознания должно быть осуществлено двумя группами параметров, характеризующими ее состав и структуру. Каждая группа параметров квалифицируется количественно посредством численного значения (индекса). Оценка параметра, выражаемая числом, называется индексом.

Описание состава ОАД представляет собой декомпозицию системы на составляющие ее элементы. Данная группа параметров определяет количественные характеристики ОАД, семантический состав ассоциативных полей ОАД.

Под структурой мы понимаем совокупность отношений между системными элементами. При ее описании сначала определялась место элементов в структуре, значи-

мость по отношению к другим единицам, а потом их наиболее существенные (устойчивые) связи в системе. Эта группа параметров устанавливает силу связей оценочной ассоциативной доминанты, а также тип, направление и ориентацию их связей.

Динамика содержания оценочных ассоциативных доминант рассматривалась на материале ассоциативных баз САНРЯ [Леонтьев 1977], РАС [Русский ассоциативный словарь 2002] и ЕВРАС [Черкасова, Уфимцева 2014], в которых представлены данные трех временных периодов: 1) 1968-1972 гг.; 2) 1988-1997 гг.; 3) 2008-2011 гг.

Обсуждение.

Для описания динамики содержания оценочных ассоциативных доминант необходимо определить критерии их выделения из совокупности ядерных единиц. Выберем из первых десяти ядерных единиц русского языкового сознания [Уфимцева 2017б: 47] оценочные единицы – это слова *плохо* (ранг 29) и *хорошо* (ранг 32,5). Эти элементы ядра будем считать оценочными ассоциативными доминантами русского языкового сознания.

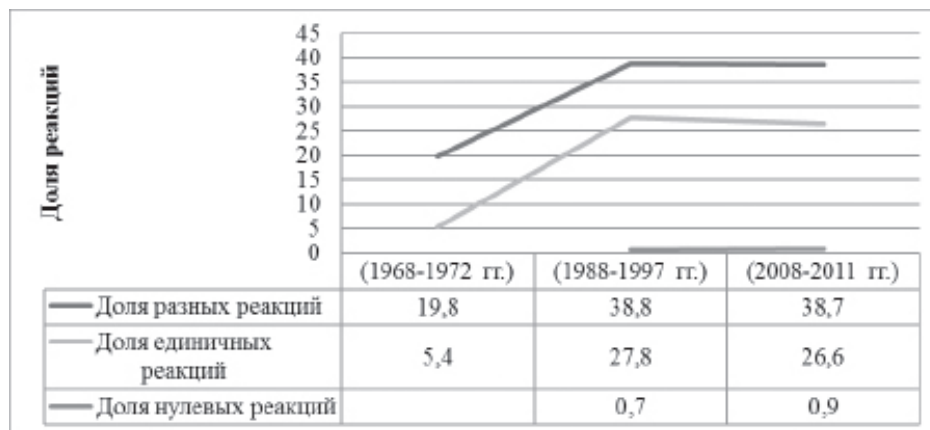
Опишем изменения, происходящие в содержании оценочных ассоциативных доминант, на протяжении трех временных отрезков: 1) 1968-1972 гг.; 2) 1988-1997 гг.; 3) 2008-2011 гг.

При анализе состава ассоциативного поля (АП) оценочной ассоциативной доминанты русского языкового сознания рассматривались следующие параметры: общее число реакций в АП, доля разных реакций в АП, доля единичных реакций в АП, доля нулевых реакций в АП (или отказов испытуемых), а также количество зон в семантическом гештальте и их доля.

Если рассматривать изменения количественных параметров ассоциативной доминанты *хорошо*, то мы видим, их положительную динамику. В каждый временной период числовые значения параметров последовательно увеличиваются. Увеличение доли разных реакций в АП *хорошо* свидетельствует об увеличении с течением времени количества узлов в АВС, с которыми связана данная оценочная единица (см. график 1).

График 1

Динамика количественных параметров состава ассоциативного поля оценочной ассоциативной доминанты *хорошо* (%)

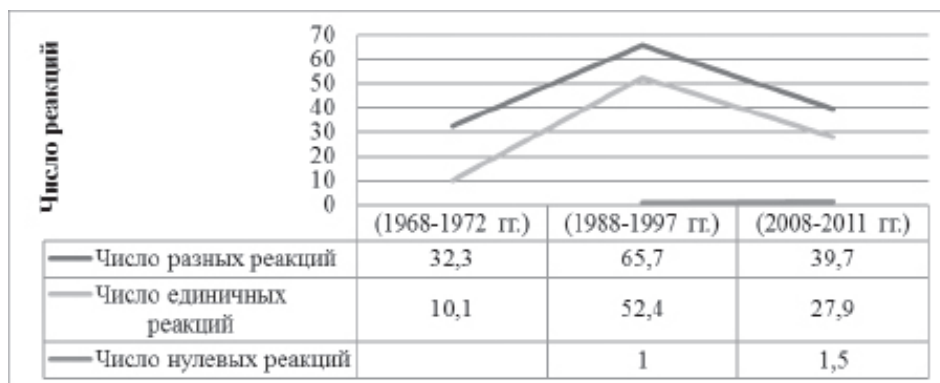

Теоретические и экспериментальные исследования

Динамика количественных параметров ассоциативной доминанты *плохо* имеет разнонаправленный характер: от меньшего количества (последняя треть XX в.) к большему на рубеже XX и XXI вв. и вновь к меньшему в 2014-15 гг. (см. график 2).

График 2

Динамика количественных параметров состава ассоциативного поля оценочной ассоциативной доминанты *плохо* (%)

Фактор «время» также влияет на семантический состав оценочных ассоциативных доминант русского языкового сознания (см. таблицу 1).

Таблица 1

Степень выраженности параметров семантического состава оценочных ассоциативных доминант

		САНРЯ (1968-1972 гг.)	РАС (1988-1997 гг.)	ЕВРАС (2008-2011 гг.)
хорошо	Количество зон	4	8	8
	Доля зоны «Кто»	3,4 %	1,2 %	1,6 %
	Доля зоны «Что»	11,3 %	10,9 %	24,4 %
	Доля зоны «Какой»	2,5 %	2,3 %	3,5 %
	Доля зоны «Делать»	82,8 %	79,2 %	58,5 %
	Доля зоны «Как»	0,0 %	3,2 %	8,7 %
	Доля зоны «Где»	0,0 %	2,1 %	1,3 %
	Доля зоны «Когда»	0,0 %	0,9 %	1,6 %
Доля зоны «Сколько»	0,0 %	0,3 %	0,3 %	

плохо	Количество семантических зон	3	5	7
	Доля зоны «Кто»	3,7 %	1,3 %	2,9%
	Доля зоны «Что»	7,4 %	10,1 %	34,6 %
	Доля зоны «Какой»	0,0 %	0,0 %	1,8 %
	Доля зоны «Делать»	84,3 %	79,7 %	50,7 %
	Доля зоны «Как»	0,0 %	7,6 %	8,8 %
	Доля зоны «Где»	0,0 %	0,0 %	0,6 %
	Доля зоны «Когда»	0,0 %	1,3 %	0,0 %
	Доля зоны «Сколько»	0,0 %	0,0 %	0,6 %

Примечание: ассоциативные данные по словам *хорошо*, *плохо* в графе «САНРЯ» приводятся по обратному словарю.

Представляется возможным вычислить индекс сходства (ИС) состава семантического гештальта оценочной ассоциативной доминанты в разные временные периоды, который определяется как отношение удвоенного числа одинаковых семантических зон к сумме семантических зон в гештальтах оценочной единицы в двух исследуемых периодах времени.

ИС числа семантических зон слова *хорошо* в АВС-САНРЯ и АВС-РАС = $(4*2)/12 = 66,7\%$ (близкое соответствие).

ИС числа семантических зон слова *хорошо* в АВС-ЕВРАС и АВС-РАС = $(8*2)/16 = 100,0\%$ (полное соответствие).

ИС числа семантических зон слова *плохо* в АВС-САНРЯ и АВС-РАС = $(4*2)/12 = 37,5\%$ (дальнее соответствие).

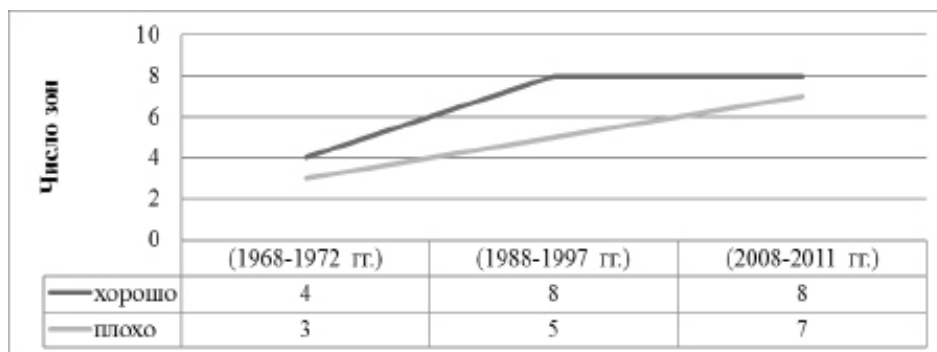
ИС числа семантических зон слова *плохо* в АВС-ЕВРАС и АВС-РАС = $(4*2)/12 = 66,7,0\%$ (близкое соответствие).

Состав семантического гештальта у ядерной единицы *хорошо* имеет большее сходство в разные временные отрезки. Тем самым, содержание ассоциативной доминанты *хорошо* имеет более устойчивый характер по сравнению с содержанием *плохо*.

Количественный анализ семантического состава оценочных ассоциативных доминант русского языкового сознания показал, что в семантическом гештальте доминант *хорошо*, *плохо* увеличивается количество семантических зон в период от 70-х годов XX века к началу XXI века. Можно считать, что в исследуемый временной отрезок увеличивается количество объектов (их свойств, состояний), при взаимодействии с которыми носители языка дают оценку. Это позволяет предположить, что слова *хорошо*, *плохо* являются наиболее динамичными ассоциативными доминантами в русском языковом сознании (см. график 3).

График 3

Динамика количественного состава семантического гештальта оценочных ассоциативных доминант русского языкового сознания (абсолютные числа)

Для семантического гештальта оценочных наречий *хорошо*, *плохо* характерен большой объем семантической зоны «Делать». При чем, динамика количественного состава данной зоны у обеих ядерных единиц отрицательная.

Можно предположить, что при увеличении количественного состава семантических зон в гештальтах ядерных единиц *хорошо*, *плохо* на фоне уменьшения объема самой значительной по количеству реакций семантической зоны «Делать», происходит повышение разнообразия семантических связей слов *хорошо*, *плохо* в АВС носителей русского языка с конца XX века к началу XXI века.

Качественный анализ содержания семантической зоны «Делать» ядерных единиц *хорошо* и *плохо*, который предполагал выделение самых частотных ассоциаций из данной зоны, позволяет говорить о большем сходстве содержания зоны «Делать» у испытуемых, участвующих в эксперименте в конце XX – в начале XXI веков, нежели в 70-е годы XX века (см. таблицу 2).

Таблица 2

Высокочастотные реакции семантической зоны «Делать» оценочных ассоциативных доминант *хорошо*, *плохо*

	САНРЯ (1968-1972 гг.)	РАС (1988-1997 гг.)	ЕВРАС (2008-2011 гг.)
хорошо	учиться 46 петь 24 ответить 23	жить 61 учиться 23 сидим 21	жить 35 учиться 13 знать, отдохнуть 7
плохо	поступать 20 видеть 9 учиться 8	жить 8 спать 5 делать, думать, учиться 3	учиться 13 жить 9 видеть 7

Примечания: 1) цифра после ассоциата обозначает количество испытуемых, давших данную реакцию; 2) в таблицу включены первые три ассоциата из ранжированного списка семантической зоны «Делать».

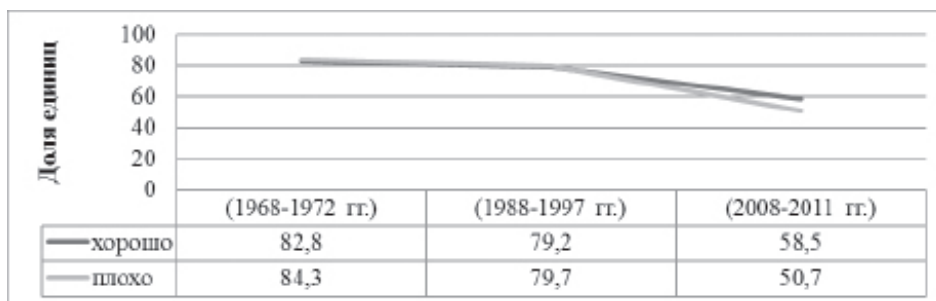
Как видим, одной из самых частотных реакций, входящей в семантическую зону «Делать» оценочной единицы *хорошо* (по материалам трех ассоциативных баз), является слово *учиться*. В семантической зоне «Делать» оценочной единицы *плохо* такой совпадающей по трем ассоциативным базам ассоциации нет.

Совпадений оценочных ассоциаций по материалам РАС и ЕВРАС в семантической зоне «Делать» больше, чем по трем исследуемым базам. В ассоциативных полях *хорошо* и *плохо* – это ассоциаты *жить, учиться*.

Необходимо отметить, что общий объем семантической зоны «Делать» хоть и является наибольшим в семантическом гештальте слов *хорошо, плохо*, вместе с тем, он изменяется в связи с временным фактором. На графике 4 мы видим отрицательную динамику количественного состава данной семантической зоны.

График 4

Динамика количественного состава семантической зоны «Делать» в семантическом гештальте оценочных ассоциативных доминант *хорошо, плохо* (%)

Анализ динамики структуры оценочных доминант *хорошо, плохо*, заключался в изучении силы, направления и ориентации их оценочных ассоциативных связей в АВС.

В ходе изучения оценочных связей оценочных ассоциативных доминант нами использовалась процедура и параметры их выявления, разработанная А. В. Кленовой [Кленова 2007]. Для исследования данных параметров из ассоциативных полей оценочных доминант были выделены реакции, имеющие с доминантой оценочные связи. Например, *хорошо* – *жить, учиться* и другие [РАС 2004, 1 том: 711], *плохо* – *учиться, болезнь* и другие [ЕВРАС 2011, 1 том: 163]. Это позволило вывить оценочную зону ассоциативных полей каждой оценочной доминанты и определить ее долю во всем семантическом гештальте (см. таблицу 3).

Таблица 3

Доля оценочных связей в ассоциативном поле оценочных ассоциативных доминант (%)

	САНРЯ (1968-1972 гг.)	РАС (1988-1997 гг.)	ЕВРАС (2008-2011 гг.)
хорошо	99,4*	63,6	57,8
плохо	97,3*	75,2	62,7

Примечание: звездочкой обозначены данные, полученные по обратному ассоциативному словарю.

Теоретические и экспериментальные исследования

Количественный анализ ассоциативных полей ассоциативных доминант *хорошо*, *плохо* показывает отрицательную динамику доли оценочных связей в их структуре.

Изучение силы оценочных связей в структуре оценочных ассоциативных доминант предполагало выявление постоянных и вероятностных оценочных связей оценочной доминанты в АВС. Под постоянными связями мы понимаем те связи между стимулом и реакцией, которые составляют 5 и более процентов в ассоциативном поле. (О постоянных и вероятностных реакциях в ассоциативном поле и принципах их выделения см. [Черкасова 2005]). Например, в ассоциативном поле *хорошо* (по материалам РАС) всего 536 реакций (ассоциативное поле данной единицы см. в приложении 6). Из них только две реакции имеют частотность, превышающую 5 % – это ассоциат *плохо* 95 и ассоциат *жить* 61. Ассоциация *плохо* не имеет со словом-стимулом *хорошо* оценочной связи, значит, оценочная связь регистрируется только в ассоциативной паре *хорошо* → *жить* (см. таблицы 4, 5).

Таблица 4

Доля постоянных оценочных связей в структуре АП оценочных доминант (%)

	САНРЯ (1968-1972 гг.)	РАС (1988-1997 гг.)	ЕВРАС (2008-2011 гг.)
хорошо	37,2*	30,8	11,3
плохо	55,0*	16,5	0,0

Примечание: под звездочкой приводятся данные по обратному словарю.

Таблица 5

Доля вероятностных оценочных связей в структуре АП оценочных доминант (%)

	САНРЯ (1968-1972 гг.)	РАС (1988-1997 гг.)	ЕВРАС (2008-2011 гг.)
хорошо	62,8*	69,2	88,7
плохо	44,4*	83,5	100,0

Примечание: под звездочкой приводятся данные по обратному словарю.

Динамика долей постоянных оценочных связей в ассоциативной структуре ядерной единицы *хорошо* отрицательная, а динамика долей вероятностных оценочных связей соответственно положительная. Похожие изменения наблюдаются и в ассоциативной структуре доминанты *плохо*.

При анализе структуры оценочных ассоциативных доминант важным представляется изучение не только силы оценочных связей (частотности), но и их направления. Описание структуры оценочных ассоциативных доминант в аспекте направления их оценочных связей является промежуточным звеном в процессе выявления ассоциативных моделей оценки русского языкового сознания. Именно регистрация симметричных входящих и исходящих дуг между вершинами АВС (см. таблицу 6), (а в нашем случае – между оценочной доминантой и другими элементами АВС), их квантификация позволяют выявить оценочные модели языкового сознания.

Таблица 6

Исходящие и входящие оценочные связи оценочных ассоциативных доминант русского языкового сознания: квантитативный аспект (абсолютные значения)

	Количество исходящих оценочных связей			Количество входящих оценочных связей		
	САНРЯ	РАС	ЕВРАС	САНРЯ	РАС	ЕВРАС
хорошо	-	341	311	355	1558	1097
плохо	-	79	341	108	1272	1292

Как мы уже отмечали, основанием для выделения ассоциативных моделей оценки является пересечение ассоциативных полей оценочной доминанты с ассоциативными полями других единиц АВС. На основе анализа направлений оценочных связей и симметричности исходящих и входящих дуг нами были выделены модели оценки. Учитывались только постоянные симметричные оценочные связи. В САНРЯ для слов *хорошо*, *плохо* ассоциативные данные в прямом словаре отсутствуют. По материалам РАС и ЕВРАС постоянные симметричные оценочные связи образует только слово *хорошо*. Соответственно в РАС и ЕВРАС нами была выделена только одна ассоциативная модель: *хорошо – жить*.

В психолингвистических исследованиях ассоциативной структуры единиц АВС традиционно анализируется ориентация их связей. Различают синтагматические и парадигматические отношения в структуре ассоциативного поля той или иной единицы (см. таблицы 7 и 8).

Таблица 7

Доля парадигматических оценочных связей ассоциативных доминант русского языкового сознания (%)

	САНРЯ (1968-1972 гг.)	РАС (1988-1997 гг.)	ЕВРАС (2008-2011 гг.)
хорошо	0,0*	3,2	8,7
плохо	0,0*	7,6	8,8

Примечание: под звездочкой приводятся данные по обратному словарю.

Таблица 8

Доля синтагматических оценочных связей ассоциативных доминант русского языкового сознания (%)

	САНРЯ (1968-1972 гг.)	РАС (1988-1997 гг.)	ЕВРАС (2008-2011 гг.)
хорошо	100,0*	96,8	91,3
плохо	100,0*	92,4	91,2

Примечание: под звездочкой приводятся данные по обратному словарю.

Как видим, оценочные ассоциативные доминанты русского языкового сознания в своей структуре имеют в основном горизонтальные (синтагматические) связи, которые меняются в зависимости от фактора «время».

Выводы

Анализ динамики содержания оценочных ассоциативных доминант русского языкового сознания:

– в состав оценочной зоны ядра русского языкового сознания на протяжении последних 40 лет входят слова *хорошо, хороший, плохо, плохой, умный, красивый*. Особой активностью в АВС носителей русского языка обладают обще-оценочные слова *хорошо, плохо*. В ранжированном списке, составленном на основе подсчета входящих связей, они занимают одни из первых позиций;

– в семантическом гештальте доминант *хорошо, плохо* увеличивается количество семантических зон в период от 70-х годов XX века к началу XXI века. Это позволяет предположить, что слова *хорошо, плохо* являются наиболее динамичными оценочными ассоциативными доминантами в русском языковом сознании;

– при увеличении количественного состава семантических зон в гештальтах ядерных единиц *хорошо, плохо* на фоне уменьшения объема самой значительной по количеству реакций семантической зоны «Делать», происходит повышение разнообразия семантических связей слов *хорошо плохо* в АВС носителей русского языка с конца XX века к началу XXI века;

– динамика долей постоянных оценочных связей в ассоциативной структуре ядерной единицы *хорошо* отрицательная, а динамика долей вероятностных оценочных связей соответственно положительная. Похожие изменения наблюдаются и в ассоциативной структуре доминанты *плохо*;

– динамика постоянных симметричных связей ассоциативных доминант ярко не проявляется. По материалам РАС и ЕВРАС нами выделена одна ассоциативная модель: *хорошо – жить*;

– наблюдается динамика параметров «Доля синтагматических/парадигматических связей»: увеличивается доля парадигматических связей у наречий *хорошо, плохо*.

Литература

Баландина Е.С. Динамика образа семьи в языковом сознании носителей разных культур: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2013. 234 с.

Белова Н.В. Гендерные стереотипы языкового сознания // Вестник Московского государственного гуманитарного университета. 2009. № 1. С. 34-38.

Береснева Н.И. Ассоциации детей от шести до десяти лет: (Ассоц. значение слова в онтогенезе) / Н. И. Береснева, Л. А. Дубровская, И. Г. Овчинникова. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995. 254 с.

Боргоякова А.П. Национально-культурная специфика языкового сознания хакасов, русских и англичан: на материале ядра языкового сознания: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 181 с.

Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002. 336 с.

Гарбар И.Л. Специфика языкового сознания носителей русского языка разных поколений: на материале ядра языкового сознания: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 278 с.

Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. Проект «Ассоциативный словарь школьников: стабильность и динамика» // Вопросы психолингвистики. 2017. № 4 (34). С. 174-187.

Горошко Е.И. Языковое сознание: Ассоциативная парадигма: дис. ... докт. филол. наук. М., 2001. 287 с.

Горошко Е.И. Языковое сознание: гендерная парадигма. М.-Харьков: Институт языкознания РАН и ИД ИНЖЭК, 2003. 450 с.

Гришук Е.И. Абстрактная лексика в языковом сознании: Экспериментальное исследование языкового сознания старшеклассников: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002. 248 с.

Гуц Е.Н. Репрезентация образов сознания подростка некодифицированными языковыми знаками: психолингвистический аспект: дис. ... докт. филол. наук. Омск, 2005. 486 с.

Дзюба Е.В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2015. 286 с.

Жалсанова Ж.Б. Этническая составляющая гендерного стереотипа в языковом сознании русских и бурят: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 220 с.

Иванова Л.П. Кавказ в русском языковом сознании XIX-XX столетий. Киев: Изд. дом Дмитрия Бураго, 2004. 105 с.

Калентьева Т.Л. Языковое сознание и когнитивное сознание в контексте деятельностного подхода. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1998. 176 с.

Киселёва М.П. Языковое сознание как проблема отечественной когнитивистики: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 166 с.

Кленова А.В. Оценочные смыслы в ассоциативном словаре (на материале ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007. 23 с.

Лемякина Н.А. Речевые жанры в языковом сознании младшего школьника. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2015. 171 с.

Леонтьев А.А. Словарь ассоциативных норм русского языка. 1997. [Электронный ресурс]. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm> (дата обращения: 20.09.2017).

Маховиков Д.В., Степанова А.А. Ассоциативный ономастикон русского языка в динамическом аспекте // Challenges of Information Society and Applied Psycholinguistics. М.: РУДН – ИЯз РАН – МИЛ, 2013. С. 231-232.

Незговорова С.Г. Ядро языкового сознания русских и англичан: Содержание и структура: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 223 с.

Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 187 с.

Ощепкова Е.С. К вопросу исследования устойчивости ассоциативных связей в долговременной и кратковременной перспективе // Язык и сознание: психолингвистические аспекты. М., Калуга, 2009. С. 200-208.

Привалова И.В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность: теоретико-экспериментальное исследование: дис. ... докт. филол. наук. М., 2006. 486 с.

Раевская М.М. Испанское языковое сознание Золотого века (XVI - XVII вв.). М.: URSS, 2006. 303 с.

Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимовлияния / под ред. Н. В. Уфимцевой. М.: РФФИ, 2017а. 236 с.

Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. Т. I. От стимула к реакции. М.: АСТ-Астрель, 2002. 784 с. Т. II. От стимула к реакции. М.: АСТ-Астрель, 2002. 992 с.

Сдобнова А.П. Лексикон школьника как динамическая система. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2015. 245 с.

Сергиева Н.С. Пространство и время жизненного пути в русском языковом. Санкт-Петербург: Наука, 2009. 314 с.

Соколова Т.В. Ассоциативный тезаурус ребенка 3-6 лет: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1999. 65 с.

Тарасов Е.Ф. Языковое сознание: онтология и гносеология // Проблемы информационного общества и прикладная психолингвистика: материалы X Международного конгресса международного общества по прикладной психолингвистике. М.: РУДН, ИЯ РАН, 2013. С. 35-38.

Уфимцева Н.В. Ядро языкового сознания. (Нео)психолингвистика (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. И.А. Бубнова, И.В. Зыкова, Н.В. Уфимцева /под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2017б. С.40-42.

Уфимцева Н.В. Археология языкового сознания: первые результаты // Язык. Сознание. Культура / под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. М.-Калуга: ИП Кошелев А.Б., «Эйдос», 2005а. С. 205-216.

Уфимцева Н.В. Методологические проблемы онтогенеза языкового сознания / Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация. Калуга: КГГУ им. К.Э. Циолковского, 2005б. С. 217-226.

Уфимцева Н.В. Предисловие. Славянский ассоциативный словарь: рус., белорус., болг., укр.. М.: Моск. гос. лингвист. ун-т, 2004а. С. 3-9.

Уфимцева Н.В. Этнические и культурные стереотипы: кросс-культурное исследование // Известия Академии наук (РАН). Серия литературы и языка. 1995. Т. 54. № 3. С. 55-62.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян. Языковое сознание и образ мира. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 207-220.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание русских в зеркале ассоциативного эксперимента // Русское слово в русском мире. М.: МГЛУ -Калуга: «Эйдос», 2004б. С. 40-45.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011. 252 с.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: психолингвистическая парадигма исследования // Методология современной психолингвистики. М.; Барнаул: ИЯ РАН; Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 162-174.

Федченко А.В. Языковое сознание русских и американских подростков: (этнокультурный аспект). М.: Флинта, Наука, 2006. 171 с.

Хуан Тяньдэ. «Свой-чужой»: языковое сознание русских и китайцев. М.: Канцлер, 2017. 195 с.

Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус. 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras> (дата обращения: 06.09. 2017).

Черкасова Г.А. Квантитативные исследования ассоциативных словарей // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация. Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005. С. 227-244.

Debrenne, M. (2011a). L'apport des dictionnaires d'associations lexicales aux études de sémantique // Syntaxe et sémantique. No. 12, 121-137.

Debrenne, M. (2011b). Le dictionnaire des associations verbales du français et ses applications // Variétés, variations et forme, Ecole Polytechnique. 355-366.

Jackendoff, R. (2007). Language, Consciousness, Culture: Essays on Mental Structure. London: The MIT Press Cambridge, Massachusetts. [Электронный ресурс]. URL: <http://avalonlibrary.net/ebooks/Ray%20Jackendoff%20-%20Language,%20Consciousness,%20Culture.pdf> (дата обращения: 17.04. 2018).

Oakes, L. (2001). Language and National Identity: Comparing France and Sweden. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. 49-50.

Uljas, S. (2013). Linguistic consciousness UCLA Encyclopaedia of Egyptology / ed. J. Stauder-Porchet, A. Stauder & W. Wendrich. Los Angeles. [Электронный ресурс]. URL: <http://escholarship.org/uc/item/0rb1k58f> (дата обращения: 19.04. 2018).

Vocate, D.R. (1991). Consciousness and Linguistic Competency: Making Interdisciplinary Choices // Issues in Integrative Studies. No. 9, 35 - 48.

Woolard, K.A. (2007). Linguistic consciousness among Adolescents in Catalonia: a Case Study from the Barcelona Urban Area in Longitudinal Perspective. [Электронный ресурс]. URL: http://www.romanistik.uni-freiburg.de/pusch/zfk/22/09_Woolard.pdf. (дата обращения: 17.04. 2018).

EVALUATIVE ASSOCIATIVE DOMINANTS OF RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS: THE DYNAMIC ASPECT

Elena B. Chernyshova

Assistant Professor

Chair of Theory and Methods of Primary Education

Borisoglebsk Branch of Voronezh State University

43 Narodnaya str., Borisoglebsk, 397160

elena-chernyshova@yandex.ru

The article deals with the actual problem of dynamics of the content of evaluative associative dominants of the Russian language consciousness. In our study we understand evaluative associative dominants as nuclear units that have the largest number of associative links with other words in the associative verbal network of a native speaker. We refer words *well* and *badly* to such units. The purpose of the work is to identify the evaluative associative dominants and to consider the change in their content with the Russian native speakers over the past 40 years. We have made conclusions on the basis of free associative experiments conducted in Russia since the 70s of the 20th century and served to create the following research databases: *SANRYA* – «Dictionary of associative norms of the Russian language A. Leontiev» (1967-73, 25 thousand units), *RAS* – «Russian associative dictionary» (1988-95, 1.3 million units), *EVRAS* – «Russian regional associative diction-

ary» (survey of respondents was made in the European part of Russia in 2008-11, 540 thousand units). The analysis of the core of the Russian language consciousness and the content of the evaluative associative dominants showed 1) in the ranked list of nuclear words, based on counting incoming links, the top positions among the evaluation units are occupied by the words *badly, well*; 2) these associative dominants demonstrate the brightest dynamics of content among other evaluation nuclear units, particularly noticeable changes are manifested in their semantic structure.

Keywords: free associative experiment, evaluative associative dominants of Russian linguistic consciousness, dynamics of composition and structure of evaluative associative dominants is *badly, well*

References

Balandina, E.S. (2003) *Dinamika obraza sem'i v yazykovom soznanii nositelej raznyh kul'tur: dis... kand. filol. nauk* [The dynamics of the Family Image in the Language Consciousness of the Speakers of Different Cultures]. Ph. D. Dissertation. Chelyabinsk. 234 P. Print. (In Russian)

Belova, N.V. (2009) *Gendernye stereotipy yazykovogo soznaniya* [Gender Stereotypes of Language Consciousness]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of Moscow State Humanitarian University] 1: 34-38. Print. (In Russian)

Beresneva, N.I. (1995) *Associacii detej ot shesti do desyati let: (Assoc. znachenie slova v ontogeneze)* [Associations of Children from Six to Ten Years Old: (Associative meaning of the word in ontogenesis)]. Perm: Perm State University Publ. 254 P. Print. (In Russian)

Borgoyakova, A.P. (2002) *Nacional'no-kul'turnaya specifika yazykovogo soznaniya hakasov, russkih i anglichan: na materiale yadra yazykovogo soznaniya: dis. ... kand. filol. nauk* [National-cultural Specificity of Language Consciousness of the Khakas, the Russians and the English: A Case Study of the Language Consciousness Core]. Ph. D. Dissertation. Moscow. 181 P. Print. (In Russian)

Vendina, T.I. (2002) *Srednevekovyj chelovek v zerkale staroslavjanskogo yazyka* [Medieval Man in the Mirror of the Old Slavonic Language]. Moscow: Indrik Publ. 336 P. Print (In Russian)

Garbar, I.L. (2010) *Specifika yazykovogo soznaniya nositelej russkogo yazyka raznyh pokolenij: na materiale yadra yazykovogo soznaniya: dis. ... kand. filol. nauk* [Specificity of the Language Consciousness of the Native Speakers of Russian of Different Generations: A Case Study of the Language Consciousness Core]. Ph. D. Dissertation. Moscow. 278 P. Print. (In Russian)

Gol'din, V.E., Sdobnova, A.P. (2017) *Proekt «Associativnyj slovar' shkol'nikov: stabil'nost' i dinamika»* [Project «Associative Dictionary of Schoolchildren: Stability and Dynamics»]. *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics] 4 (34): 174-187. Print. (In Russian)

Goroshko, E.I. (2001) *Yazykovoe soznanie: Associativnaya paradigma: dis. ... dokt. filol. nauk* [Language Consciousness (associative paradigm)]. Doct. Diss. Moscow. 287 P. Print. (In Russian)

Goroshko, E.I. (2003) *Jazykovoe soznanie: gendernaja paradigma* [Language Consciousness: Gender Paradigm]. Moscow-Kharkov: ID INZHJEK Publ. 450 P. Print. (In Russian)

Grishchuk, E.I. (2002) *Abstraktnaya leksika v yazykovom soznanii: Ekhspierimental'noe issledovanie yazykovogo soznaniya starsheklassnikov: dis. ... kand. filol. nauk* [Abstract Vocabulary in Language Consciousness: An Experimental Research of Language Consciousness of High School Students]. Ph. D. Dissertation. Voronezh. 248 P. Print. (In Russian)

Guc, E.N. (2005) *Reprezentaciya obrazov soznaniya podrostka nekodificirovannymi yazykovymi znakami: psiholingvisticheskiy aspekt: dis. ... dokt. filol. nauk* [Representation of Images of the Adolescent's Consciousness with Uncodified Linguistic Signs: The Psycholinguistic Aspect]. Doct. Diss. Omsk. 486 P. Print. (In Russian)

Dzyuba, E.V. (2015) *Lingvokognitivnaya kategorizaciya v rusском yazykovom soznanii* [Linguo-cognitive Categorization in the Russian Language Consciousness]. Ekaterinburg: Ural state ped. un-t. Publ. 286 P. Print. (In Russian)

Zhalsanova, Zh.B. (2008) *Ehtnicheskaya sostavlyayushchaya gendernogo stereotipa v yazykovom soznanii russkih i buryat: dis. ... kand. filol. nauk* [Ethnic Component of the Gender Stereotype in the Language Consciousness of Russians and Buryats]. Ph.D. Dissertation. Moscow. 220 P. Print. (In Russian)

Ivanova, L.P. (2004) *Kavkaz v rusском yazykovom soznanii XIX-XX stoletij* [The Caucasus in the Russian Language Consciousness of the XIX-XX Centuries]. Kiev: Izd. dom Dmitriya Burago. Publ. 105 P. Print. (In Russian)

Kalent'eva, T.L. (1998) *Yazykovoe soznanie i kognitivnoe soznanie v kontekste deyatel'nostnogo podhoda* [Language Consciousness and Cognitive Consciousness in the Context of the Activity Approach]. Irkutsk: Irkut. University. Publ. 176 P. Print. (In Russian)

Kiseleva, M.P. (2009) *Yazykovoe soznanie kak problema otechestvennoj kognitivistiki: dis. ... kand. filol. nauk* [Language Consciousness as a Problem of Domestic Cognitive Linguistics]. Ph. D. Dissertation. Rostov-on-Don. 166 P. Print. (In Russian)

Klenova, A.V. (2007) *Ochenochnye smysly v associativnom slovare (na materiale associativnogo slovarya shkol'nikov Saratova i Saratovskoj oblasti): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Evaluation of Associative Meanings in the Dictionary (A Case Study of Associative Thesaurus of Schoolchildren of Saratov and the Saratov region)]. Ph. D. Dissertation. Saratov. 23 P. Print. (In Russian)

Lemyaskina, N.A. (2015) *Rechevye zhanry v yazykovom soznanii mladshego shkol'nika* [Speech Genres in the Linguistic Consciousness of Junior students]. Voronezh: Izdatel'skiy dom VGU. Publ. 171 P. Print. (In Russian)

Leont'ev, A.A. (1977) *SANRYA: Slovar' associativnyh norm rusского yazyka* [A Dictionary of the Associative Norms of the Russian Language]. Web. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm> (retrieval date: 21.10.2017).

Mahovikov, D.V., Stepanova, A.A. (2013) *Associativnyj onomastikon rusского yazyka v dinamicheskom aspekte* [Associative Onomasticon of the Russian Language in Dynamics. Challenges of Information Society and Applied Psycholinguistics]: 231-232. Moscow. RUDN – IyAz RAN – MIL. Publ. Print. (In Russian)

Nezgovorova, S.G. (2004) Yadro yazykovogo soznaniya russkih i anglichan: sodержanie i struktura: dis. ... kand. filol. nauk [The Core of the Language Consciousness of Russians and English: Content and Structure]. Ph. D. Dissertation. Moscow. 223 P. Print. (In Russian)

Nikitina, S.E. (1993) Ustnaya narodnaya kul'tura i yazykovoe soznanie [Oral Folk Culture and Language Consciousness]. Moscow: Nauka. Publ. 187 P. Print. (In Russian)

Oshchepkova, E.S. (2009) K voprosu issledovaniya ustojchivosti associativnyh svyazey v dolgovremennoj i kratkovremennoj perspektive [On the Study of Associative Connections Stability in the Long-term and Short-term Perspective]. Yazyk i soznanie: psiholingvisticheskie aspekty [Language and Consciousness: Psycholinguistic Aspects]: 200-208. Moscow-Kaluga: IP Koshelev A.B. (Izdatel'stvo «EHjdos»). Publ. Print. (In Russian)

Privalova, I.V. (2006) Yazykovoe soznanie: ehtnokul'turnaya markirovannost': teoretiko-ehksperimental'noe issledovanie [Language Consciousness: Ethno-cultural Marking: Theoretical and Experimental Research]. Doct. Diss. Moscow. 486 P. Print. (In Russian)

Raevskaya, M.M. (2006) Ispanское yazykovoe soznanie Zolotogo veka (XVI - XVII vv.) [Spanish Language Consciousness of the Golden Age (XVI - XVII Centuries)]. Moscow: URSS. Publ. 303 P. Print. (In Russian)

Regional'noe yazykovoe soznanie komi, russkih, tatar: problemy vzaimovliyaniya (2017a) [Regional Language Consciousness of the Komi, the Russians, the Tatars: Problems of Mutual Influence]. Pod red. N. V. Ufimcevoj [ed. N.V. Ufimtseva]. Moscow: RFFI, Publ. 236 P. Print. (In Russian)

Russkij associativnyj slovar' (2002) [Russian Associative Dictionary. In 2 vols.] J.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimtseva, Y.A. Sorokin, E.F. Tarasov. T. 1. Ot stimula k reakcii [Vol. 1. From Stimulus to Response]. Moscow: AST-Astrel Publ. 2002. 784 p. T. 2. Ot reakcii k stimulu [Vol. 2. From Stimulus to Response] Moscow: AST-Astrel Publ. 992 P. Print. (In Russian)

Sdobnova, A.P. (2015) Leksikon shkol'nika kak dinamicheskaya sistema [The Thesaurus of the Student as a Dynamic System]. Saratov: Saratov state University Publ. 248 P. Print. (in Russian)

Sergieva, N.S. (2009) Prostranstvo i vremya zhiznennogo puti v rusском yazykovom [Space and Time of Life in the Russian Language Consciousness]. St. Petersburg: Nauka. Publ. 314 P. Print. (in Russian)

Sokolova, T.V. (1999) Associativnyj tezaurus rebenka 3-6 let: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Associative Thesaurus of the Child from 3 to 6 years: the author's abstract of the dissertation of Doctor of Philology]. Moscow. 65 P. Print. (In Russian)

Tarasov, E.F. (2013) Yazykovoe soznanie: ontologiya i gnoseologiya [Language Consciousness: Ontology and Gnoseology]. Problemy informacionnogo obshchestva i prikladnaya psiholingvistika [Challenges of Information Society and Applied Psycholinguistics]: 35-38. Moscow: RUDN – IyAz RAN – MIL. Publ. 2013. Print. (In Russian)

Ufimtseva, N.V. (2017) Yadro yazykovogo soznaniya [The Core of Language Consciousness]. (Neo)psiholingvistika (psikho)lingvokul'turologiya: novye nauki o che-loveke govoryashchem [(Neo)psycholinguistics (Psycho) Linguoculturology: New Sciences about the Speaking Person. Ed. by V. V. Krasnyk] 40-42. Moscow: Gnozis. Publ. Print. (in Russian)

Ufimceva, N.V. (2005a) Arheologiya yazykovogo soznaniya: pervye rezul'taty [Archeology of Language Consciousness: The First Results]. Yazyk. Soznanie. Kul'tura pod red. N.V. Ufimcevoj, T.N. Ushakovoj [Language. Consciousness. Culture. Ed. N.V. Ufimtseva, T.N. Ushakova]: 205-216. Moscow-Kaluga: IP Koshelev A.B., «Ehjdos». Publ. Print. (In Russian)

Ufimceva, N.V. (2005b) Metodologicheskie problemy ontogeneza yazykovogo soznaniya [Methodological Problems of Ontogenesis of Language Consciousness]. Obshchenie. Yazykovoe soznanie. Mezukul'turnaya kommunikaciya [Communication. Language Consciousness. Cross-cultural Communication]: 217-226. Kaluga: KGGU im. K.E. Ciolkovskogo. Publ. Print. (in Russian)

Ufimtseva, N.V. (2004) Predislovie. Slavyanskii assotsiativnyi slovar': rus., belorus., bolg., ukr. [Preface. Slavic Associative Dictionary: Rus., Bel., Bolg., Ukr]: 3-9. Moscow: Mosc. state linguist. Univ. Publ. Print. (in Russian)

Ufimtseva, N.V. (2000) Etnicheskie i kul'turnye stereotipy: kross-kul'turnoe issledovanie [Ethnic and Cultural Stereotypes: A Cross-cultural Study] 54 (3): 55-62. Izvestiya Akademii nauk (RAN). Seriya literatury i yazyka. Print. (in Russian)

Ufimceva, N.V. (2000) Yazykovoe soznanie i obraz mira slavyan [Language Consciousness and the Picture of the World of the Slavs]. Yazykovoe soznanie i obraz mira [Language Consciousness and the Picture of the World]: 207-220. Moscow: IYA RAN. Publ. Print. (in Russian)

Ufimceva, N.V. (2004b) Yazykovoe soznanie russkih v zerkale associativnogo ehksperimenta [Language Consciousness of Russians in the Mirror of Associative Experiment]. Russkoe slovo v russkom mire [A Russian Word in the Russian World]: 40-45. Moscow: MGLU; Kaluga: «Ehjdos». Publ. Print. (in Russian)

Ufimceva, N.V. (2011) Yazykovoe soznanie: dinamika i variativnost' [Language Consciousness: Dynamics and Variability]. Moscow: IYA RAN. Publ. 252 P. Print. (in Russian)

Ufimceva, N.V. (2003) Yazykovoe soznanie: psiholingvisticheskaya paradigma issledovaniya [Language Consciousness: A Psycholinguistic Paradigm of Research]. Metodologiya sovremennoj psiholingvistiki [Methodology of Modern Psycholinguistics]: 162-174. Moscow; Barnaul: IYA RAN; Izd-vo Alt. un-ta. Publ. Print. (in Russian)

Fedchenko, A.V. (2006) Yazykovoe soznanie russkih i amerikanskih podrostkov: (ehtnokul'turnyj aspekt) [Language Consciousness of Russian and American Teenagers: (An Ethno-cultural Aspect)]. Moscow: Flinta, Nauka. Publ. 171 P. Print. (in Russian)

Huan, Tyan'deh (2017) «Svoj-chuzhoj»: yazykovoe soznanie russkih i kitajcev [«Own –Alien»: The Language Consciousness of Russians and Chinese]. Moscow: Kancle. Publ. 2017. 195 P. Print. (in Russian)

Cherkasova, G.A. Ufimceva, N.V. (2014) EVRAS: Russkij regional'nyj associativnyj slovar'-tezaurus EVRAS [Russian Associative Dictionary-Thesaurus EVRAS]. Web. URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras> (retrieval date: 06.09.2017).

Cherkasova, G.A. (2005) Kvantitativnye issledovaniya associativnyh slovarej [Quantitative Studies of Associative Dictionaries]. Obshchenie. Yazykovoe soznanie. Mezukul'turnaya kommunikaciya [Communication. Language Consciousness. Cross-cultural Communication]: 227-244. Kaluga: KGGU im. K.E. Ciolkovskogo. Publ. 2005. Print. (in Russian)

Debrenne, M. (2011a). L'apport des dictionnaires d'associations lexicales aux études de sémantique // *Syntaxe et sémantique*. No. 12, 121-137.

Debrenne, M. (2011b). Le dictionnaire des associations verbales du français et ses applications // *Variétés, variations et forme*, Ecole Polytechnique. 355-366.

Jackendoff, R. (2007). *Language, Consciousness, Culture: Essays on Mental Structure*. London: The MIT Press Cambridge, Massachusetts. URL: <http://avalonlibrary.net/ebooks/Ray%20Jackendoff%20-%20Language.%20Consciousness.%20Culture.pdf> (retrieval date 17.04.18). Web.

Oakes, L. (2001). *Language and National Identity: Comparing France and Sweden*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. 49-50.

Uljas, S. (2013). Linguistic consciousness UCLA Encyclopaedia of Egyptology / ed. J. Stauder-Porchet, A. Stauder & W. Wendrich. Los Angeles. URL: <http://escholarship.org/uc/item/0rb1k58f> (retrieval date 19.04.18). Web.

Vocate, D.R. (1991). Consciousness and Linguistic Competency: Making Interdisciplinary Choices // *Issues in Integrative Studies*. No. 9, 35 - 48.

Woolard, K.A. (2007). Linguistic consciousness among Adolescents in Catalonia: a Case Study from the Barcelona Urban Area in Longitudinal Perspective. URL: http://www.romanistik.uni-freiburg.de/pusch/zfk/22/09_Woolard.pdf. (retrieval date 19.04.18). Web.

Информация

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт языкознания Российской академии наук
и Российский университет дружбы народов

06–08 июня 2019 г.

проводят

**XIX международный симпозиум по психолингвистике
и теории коммуникации
«ТЕОРИЯ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ»**

Основная проблематика:

- Методология и теория речевой деятельности.
- Проблемы анализа сознания.
Языковое сознание: онтология и гносеология.
Русское языковое сознание: динамика и вариативность (конец XX–начало XXI вв.).
Аксиологическое языковое сознание: проблемы анализа.
- Межкультурное общение.
Межкультурное общение: контакты и конфликты.
Би-, поли-, транслингвизм: теоретический анализ и практика.
Психолингвистические проблемы перевода
- Новые методы анализа речевых практик: цифровая реальность.
Мультимодальность современной коммуникации.
Медиатекст в новой информационной среде.
Современные технологии анализа текста.
Психолингвистический анализ больших данных.
Новые медиа как источники психолингвистического анализа.
- Ассоциативные базы данных.
Ассоциативные базы данных: обработка и анализ.
Слово как средство доступа к информационной базе человека.
Ассоциативная лексикография.
- Онтогенез языка.
Овладение языком в онтогенезе.
Речевые патологии как инструмент анализа речевых практик.
-Проблема анализа гипертекста: производство и восприятие.
- Экология языкового сознания и родного языка.
- Психолингвистические аспекты преподавания русского языка.
- Право в языковом сознании.
Право в обыденном языковом сознании.
Особенности правосознания носителей разных языков/культур.
Закон и его восприятие в обыденном языковом сознании: региональный аспект.

До **1 ноября 2019 г.** принимаются заявки на проведение круглых столов, мастер-классов и дополнительных секций.

Условия участия в симпозиуме

До **1 марта 2019 г.** в Оргкомитет необходимо предоставить:

1. заявку на участие в симпозиуме (см. форму участника);
2. материалы для публикации (тезисы) по адресу zhizn-jazyka@yandex.ru.

Убедительная просьба посылать заявку и тезисы ДВУМЯ отдельными файлами в **ОДНОМ** письме (Иванов_заявка, Иванов_тезисы), указав в теме сообщения свою фамилию «Иванов».

Оргвзнос просьба посылать только после подтверждения о принятии тезисов к публикации.

Тел. для справок: +7(495) 690–14–64 (отдел психолингвистики). Сборник материалов планируется издать к началу симпозиума. **Рассылка печатной версии сборника не предусматривается: заочные участники получают pdf-версию по электронной почте после проведения симпозиума.**

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ

УДК 81'33 DOI: 10.30982/2077-5911-2-146-167

ПРОЕКТ «РЕГИОНАЛЬНОЕ ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ: ВОЗРАСТНОЙ АСПЕКТ»¹

Бутакова Лариса Олеговна
доктор филологических наук, профессор
Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского
larisabut@rambler.ru

Гуц Елена Николаевна
доктор филологических наук, профессор
Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского
egoots@yandex.ru

Орлова Наталья Васильевна
доктор филологических наук, профессор
Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского,
nvorl@rambler.ru

В статье рассматривается исследование языкового сознания, языковой способности и речевой компетенции жителей невзрослого возраста отдельного региона, а также характер дискурсивного пространства как формирующей среды указанных феноменов в психолингвистических работах омских лингвистов. Показаны направления исследований, сформулирована основная концепция актуального проекта – решение междисциплинарной (онто-, психо-, социолингвистической, дискурсоориентированной) проблемы влияния коммуникативной среды на языковую личность в возрасте от 5 до 14 лет. В исследовании акцентируется региональный аспект: дискурсивный материал относится к одному региону (Омская область), участники коммуникаций дифференцируются по социолингвистическому признаку «место проживания» (областной центр / сельские районы области).

Особенность концепции данного проекта состоит в том, что психолингвистика выступает как ведущий метод анализа и описания значения дискурсоориентированных слов, включая т.н. актуальную лексику, с одной стороны, как экспериментальная составляющая мониторинга ценностей (коммуникативных, социальных, моральных, материальных), транслируемых и прививаемых доступной детям информационной средой: в ходе опросов и анкетирования социо-психолингвистического характера, а также психолингвистических экспериментов, направленных на реконструкцию языкового сознания, с другой; как метод, дающий дополнительные и верификационные результаты для когнитивно-дискурсивных и дискурсивных методик, с третьей.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 15-04-00325 «Детство в дискурсивном пространстве региона: комплексный анализ институциональных и персональных коммуникаций с участием ребенка».

Возрастной диапазон участников исследуемого дискурсивного пространства ограничен периодом 5-14 лет, соответствующим в своей верхней границе началу «эпохи двухтысячных» (наряду с детством, в зону внимания попадает подростковый возраст, а для выявления динамики языкового сознания привлекаются данные по более старшим возрастным группам (15-16 лет)).

Ключевые слова: значение, языковое сознание, значение как достояние индивида, экспериментальные методы, языковая способность, речевая компетенция

Данный проект объединяет теоретические и экспериментальные исследования языкового сознания подростков, детей разного школьного возраста, направлен на установление уровня развития языковой способности и речевой компетенции как достояния незрелых носителей языка с помощью сопоставления ассоциативных, семантических, рецептивных, цветовых данных, а также текстов сочинений и эссе на свободные и заданные темы в режиме однократной, повторяющейся и лонгитюдной фиксации.

В проекте осуществляется совершенствование методик психолингвистических экспериментов (применение к одной аудитории и одному стимульному материалу разных типов ассоциативных и семантических методик) с целью получения сопоставимых баз данных и сведений о способах актуализации определенных участков ассоциативно-вербальной сети (АВС) с помощью создания разных режимов речевой деятельности; применение разных способов анализа ассоциативных и семантических полей (построение моделей концепта, семантического гештальта, когнитивной структуры ассоциативного поля, модели психологического значения как структуры семантического поля; моделирование эмотивно-чувственного и цветового значения слова).

Начальным этапом проекта явилось исследование психолингвистических проблем структурирования языкового сознания подростка [Гуц 2005а, 2005б]. В работе не только применены базовые психолингвистические категории «языковое сознание», «ядро языкового сознания», интерпретированные в аспекте моделирования феноменов по известным методикам построения структуры ядра языкового сознания, но и доказано наличие в структуре ядра языкового сознания (ЯС) подростка образов сознания, связанных с некодифицированными лексическими элементами [Гуц 2005а: 59-120]. Работа имеет принципиальное значение по ряду причин: установлен уровень валидности, репрезентативности выборки информантов, создана алгоритмизированная схема анализа, показан путь создания нескольких моделей на одном и том же ассоциативном материале с использованием многоступенчатого применения одного вида эксперимента (ядро языкового сознания конструировалось на базе результатов трех этапов свободного ассоциативного эксперимента (САЭ), пилотажного и контрольного экспериментов; фрагменты АВС языковой личности подростка, связанные с некодифицированной лексикой, моделировались на этом же материале в виде системы пересекающихся реакций, для ядра языкового сознания подростка построен семантический гештальт; в качестве инструмента анализа семантики использовано понятие «психологическое значение» в духе понимания его А.Н. Леонтьевым – как образующей сознания, «момента сознания» [Леонтьев А.Н. 2005: 100]). Важно то, что данное понятие применено как динамическая категория в

рамках интегративного подхода к исследованию языка как психического феномена [Гуц 2005б: 25].

Вышеперечисленное многообразие процедур при наличии единого подхода дало возможность представить пути создания психолингвистических моделей, направленных на выявление разных компонентов языкового сознания, характера и величины связей единиц АВС, способов верификации и классифицирования экспериментальной базы, возможностей программной обработки результатов и т.п. Было показано, что психолингвистическое описание языкового сознания можно представить в виде многомерного конструкта, состоящего из объемных и плоскостных моделей разного уровня [Гуц 2005б: 25-26].

Практическим дополнением к работе стал «Ассоциативный словарь подростка» [Гуц 2004], включающий ассоциативные поля традиционного типа (от стимула к реакции, от наиболее частотных реакций к единичным).

Всё это, как и категории психологического значения, языкового сознания, было использовано в дальнейших исследованиях. В полной мере выработанные Е.Н. Гуц методики проведения ассоциативного эксперимента (АЭ) и обработки его результатов были применены в ходе выполнения гранта «Языковое сознание жителя сибирского города в онтогенезе (от 7 до 25 лет) (Проект РГНФ № 09-04-00185а 2009-2010 г.г.), который ознаменовал собой **второй этап проекта**.

Авторский коллектив в составе: Л.О. Бутакова (руководитель), Н.В. Орлова, Е.Н. Гуц, О.В. Коротун решал проблему описания динамических процессов в структуре языкового сознания жителей одного города, используя в качестве базовой психолингвистическую категорию «языковое сознание», содержание которой в традициях московской школы предстает как система «образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов 2000: 26]. Категория интерпретировалась в виде своеобразного моделирующего устройства, с помощью которого можно реконструировать знания, мнения, впечатления говорящих об определенных фрагментах действительности, сформированные в виде когнитивных структур, а также описывать семантику слов как достояния индивида [Бутакова 2010: 10].

На данном этапе для описания языкового сознания, реконструированного по результатам регионально ограниченного эксперимента, было введено понятие «региональное языковое сознание» – система образов сознания жителей определенного региона, «формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей», реконструированных в результате разнонаправленных психолингвистических и лингвистических мероприятий [там же].

Содержание языкового сознания молодых жителей г. Омска диагностировалось с позиции теории речевой деятельности с помощью серии психолингвистических экспериментов (ассоциативных, семантических (дефиниционных), семантических (рецептивных) с одним и тем же стимульным списком) и когнитивно-дискурсивного анализа текстов сочинений на темы, актуализирующие те же составляющие сознания, что и слова, входящие в стимульные списки экспериментов. Были поставлены задачи исследовать динамику этической, эстетической, эмоционально-оценочной

составляющих языкового сознания жителей города Омска с акцентированием возрастной, гендерной, социальной дифференциации информантов.

В результате были получены выводы, касающиеся языкового сознания, языковой способности и речевой компетенции незрелых жителей г. Омска и Омской области.

Установлена зависимость объема, сложности структурной организации семантического поля от возраста, социального и речевого опыта носителя языка.

Как и в диссертации Е.Н. Гуц, был применен принцип «горизонтального» и «вертикального» анализа полученного материала. С его помощью «по вертикали» оценивалось состояние *языковой способности* на основе сопоставления интеллектуального и речевого уровня развития и получен вывод о связи интеллектуального и коммуникативного развития. Наблюдения за одними и теми же учащимися 6-8 классов выявили следующую закономерность: если интеллектуальный показатель соответствует норме или превышает ее, то и речевой показатель высокий. Ряд учащихся в шестом классе показывал невысокие результаты как интеллектуального, так и речевого развития, зато к восьмому классу их речевое и интеллектуальное развитие достигло нормы либо превысило ее. Другие школьники отличаются неизменностью речевого показателя и снижением интеллектуального (по результатам эксперимента). Аналогичная ситуация проявилась в ходе анализа письменных работ. У учащихся с развитым интеллектом, хорошо сформированной языковой способностью, превышающей по некоторым параметрам возрастную норму, отмечается разветвленная концептуальная система, в которой присутствуют ценностные и оценочные компоненты ряда концептов, объемные ментальный и языковой лексиконы. Средняя длина текста для шестого класса составляет 45 предложений, длина предложения – 9,2 слов; средняя длина текста для восьмого класса составила 16 предложений, средняя длина предложения – 12,4 слова. Был замечен рост интеллектуального и речевого развития некоторых школьников, что соответствует представлениям о структурах языка как результате отражения основных отношений объективной действительности и способов общения, носителями которых для ребенка являются взрослые.

Третьим этапом проекта явилось разноаспектное описание устной и письменной речи школьников 1-х – 11-х классов (Н.В. Орлова) и исследование ценностных концептов студентов (Л.О. Бутакова, Е.Н. Гуц).

Исследование подтвердило квалификацию речи учащихся младшего и среднего школьного возраста как позднего этапа онтогенеза, на котором продолжают действовать «правила детской грамматики». Записи бесед, устные и письменные ответы на вопросы, сочинения разного объема и разных жанров рассматривались как гуманитарный учебный дискурс, в котором анализировались стратегии речевого поведения, манера письма, метатекстовая деятельность, концепты и ценности школьника конца первого десятилетия XX века. Сопоставление полученных данных с аналогичным материалом рубежа веков (1998-2003) позволило обозначить следующую динамику языкового сознания школьника.

Младший школьный возраст – более полутора тысяч единиц анализа: записанные на диктофон устные ответы на вопросы: Хороший человек – какой?, Плохой человек – какой?, Что вас огорчает?, Чему вы радуетесь?; За что тебя хвалит мама?

За что тебя хвалит папа?; письменные ответы на вопросы: Чему учит твоя сказка? Какие в ней мудрые мысли, мораль? (после сочинения детьми сказок); За что тебя хвалит мама? За что тебя хвалит папа? Родители ответили на вопросы: *За что Вы хвалите своего ребенка? Ругаете ли Вы своего ребенка? Если да, то за что*; письменные задания: «Напиши прилагательные, которые называют хорошие качества человека / плохие (отрицательные) качества человека»; «Если бы у тебя была волшебная палочка... Загадай и напиши три желания»; «Закончи предложения “Больше всего на свете я радуюсь, когда...”; “Больше всего на свете я огорчаюсь, когда...”»; мини-сочинения: «Бабочка и одуванчик», «Снежинка и подснежник», «Как я путешествовал этим летом», «Цветущий луг», «Что случилось бы, если бы дети стали взрослыми, а взрослые детьми?», «Школа моей мечты», «Письмо Маленькому принцу»; «Я глазами одноклассников».

Средний и старший школьный возраст – около 1200 единиц анализа: сочинения «Что такое честь?» / «Как я понимаю честь?»; «Око за око, зуб за зуб? (Как я понимаю справедливость)»; «Никому на свете не завидуй»; «О ком говорят “Ни стыда ни совести”?»; «Что значит жить по-человечески?»; «Зачем мы учим русский язык?»; сочинения ЕГЭ по русскому языку, написанные по фрагменту романа А.И. Куприна «Юнкера»; 2) письменные ответы на вопросы учителя по стихотворениям «Мужество» А. Ахматовой; «Соловьи» А. Фатьянова; вопросы шестиклассников лица по произведению А.С. Пушкина «Дубровский». Формулировки задания: «Что вас удивило в этом тексте? О чем вы хотите спросить одноклассников? На какие вопросы вы не смогли сами себе ответить?»; Сочинения на тему «Дубровский – положительный или отрицательный герой?», которые завершали изучение произведения Пушкина [Орлова 2010]. К массиву собранных письменных и устных текстов был применен когнитивно-дискурсивный анализ.

Исследование ассоциативных полей концептов и их структуры с помощью АЭ и РЭ экспериментально подтвердило гипотезу о возрастной специфике формирования ядерных фрагментов ЯС, включая оформление этических концептов в младший школьный период развития ребёнка, доказало необходимость разных экспериментов. Построение психолингвистической модели концептов выпукло представило их содержание. Массив полученных ассоциатов, состав АП проявил отсутствие выраженной целостности, структурности, константности образов сознания школьника.

В процессе исследования этических, ценностных, эстетических концептуальных фрагментов в языковом сознании студентов г. Омска была произведена экспериментальная реконструкция концептов *любовь, сердце, верность, страсть, ревность, секс, соблазн, счастье и кайф*, установлено их пересечение с помощью смысловых полей, связанных со сферой любовных отношений, имеющих схожие черты в разных гендерных группах. При этом большая телесность фиксируется в группе студентов-мужчин.

Зафиксированы следующие особенности: смысловое содержание указанных концептов традиционно в картине мира русского человека пересечено со сферой любовных отношений; лексемы, репрезентирующие концепты, активно вступают друг с другом в отношения стимул-реакция; все концепты объединены смысловым полем «чувства, эмоции» (большинство стимулов подводится под родо-видовые отношения посредством этих лексем); все концепты включают смысл «отноше-

ния между людьми»; в составе ассоциативных полей всех концептов присутствует смысловое поле «объект и субъект любовных отношений»; все концепты включают смысловое поле «ощущения, испытываемые в любовных отношениях»; в структуре концептов есть смысловое поле «обстановка и атрибутика эмоциональной ситуации»; в большинстве концептов присутствует смысловая группа «части тела»; в ассоциативных полях данных концептов присутствуют реакции-символы (символическое определение стимула), ряд из которых является общим для нескольких концептов; в пределах ассоциативных полей данных концептов фиксируется совмещение смыслового поля духовных отношений с семантикой телесности; в структурах ассоциативных полей концептов есть множественные атрибутивные реакции развертывания, представляющие объемно сформированный эмоционально-оценочный компонент; в структуре данных концептов обнаруживается неактуальность предметного действия (в силу высокой степени абстрактности).

Эти выводы были подтверждены экспериментальным исследованием вербальных репрезентаций системы жизненных ценностей в языковом сознании студентов и школьников. Была обнаружена тесная связь концептов *семья, любовь, дружба, деньги, работа, карьера* с различными аспектами человеческой деятельности: мотивами, потребностями и др., хотя сама эта связь информантами не осознавалась. Семья константно обладает ценностью для школьников и студентов именно в области человеческого наполнения (дом, дети), любовь прочно связана с дружбой у всех возрастных категорий респондентов, но статус в ядре концептуального пространства разный: у студентов вперед выдвигается телесная оценка стимула; дружба ценна также человеческими отношениями (высок ранг реакций, обозначающих субъектов отношений); значительно возросла ценность стимула *деньги* (это видно по результатам всех проведенных экспериментах): рост позитивной оценки, тенденции «предметизации» денег были зафиксированы в разных возрастных и гендерных группах реципиентов.

Первые три этапа проекта завершились подготовкой ряда словарей (см. ниже список основных публикаций проекта). Словарь Е.Н. Гуц обобщил длительные наблюдения автора (скрытое и включенное наблюдение, ассоциативный эксперимент, письменные работы школьников, анкетирование за 25 лет) за жаргонно-просторечной лексикой информантов определенного возраста. Словарь относится к словарям тезаурусного типа. Словарные статьи включали только некодифицированную лексику, распределенную по семантическим полям на основе частотности семантических множителей (структура словаря и принципы отбора материалы подробно описаны в Предисловии [Гуц 2010: 3-11]). Поскольку семантика человека оказалась доминирующей в массиве ответов информантов, то вокруг лексики группы «Человек» выстроен весь словарь. Пример словарной статьи:

1.1.1 Семантическое поле «Женский»

1. Ребенок женского пола	ДЕВОЧКА
Брызгалка, зажигалка, коза, козочка козюлька, малая, малявка, папетка, пипетка, пацанка, соска, стремачка, сямка, шмакодявка, шпока, шавка, кнючиха	
«я ключи этой шпонке из седьмой квартиры оставил»	

<p>2. Лицо, противоположное по полу мужчине; лицо женского пола, достигшее физической зрелости, но не состоявшее в браке</p>	<p>ЖЕНЩИНА, ДЕВУШКА</p>
<p>Бикса, брошка, клюшка, кляча, кобыла, кобылка, кожа, короста, коза, кошелка, метелка, морковка, мочалка, овца, соска, тачила, телка фикса, чика, чикса, чувиха</p>	
<p>«В загоне такие биксы навороченные»</p>	

Словарь О.В. Коротун основан на экспериментальных данных, собранных с 2001-2009 гг. Он содержит два раздела: национальности; профессии. В каждом разделе реакции распределены дифференцированно: реакции всех информантов, реакции информантов без высшего / с высшим образованием, реакции информантов женщин / мужчин. В первом разделе 19 АП (стимульный список слов-этнонимов составлен на основе опроса информантов – учащихся старших классов школ и студентов вузов г. Омска. Второй раздел включает 20 АП, полученных на стимулы – наименования профессий [Коротун 2010: 3-5]. Словарь дает возможности дальнейшего психолингвистического анализа ассоциативного поля по социальному и гендерному направлениям.

«Материалы к ассоциативно семантическому словарю жителей города Омска» Л.О. Бутаковой представляют результаты экспериментов, проведенных с одними и теми же реципиентами и единым стимульным списком. Такой тип словаря «решает задачи психолингвистического моделирования в нескольких плоскостях, отражая картину языкового сознания в “трехмерном пространстве”» [Бутакова 2012: 5]. Словарная статья содержит ассоциативные, семантические поля, эмотивно-чувственное значение каждого слова-стимула школьников и студентов. Ассоциативная и семантическая информация о слове-стимуле получена в разнонаправленных экспериментах – свободном ассоциативном, двух семантических – на толкование значения и перцептивного на определение эмоционально-чувственного компонента семантики. АП сконструировано традиционным образом. Из развернутых предикаций, явившихся результатом дефиниционного семантического эксперимента (ответы давались по схеме «X – это...»), были сформированы семантические поля. Указанный словарь относится к комплексным психолингвистическим словарям. Принципиальным является отсутствие лингвистических обобщений в семантическом поле каждого стимула: семантические множители и конкретизаторы даны «в оригинал» – так, как сформулировали предикацию информанты.

Первым в словарной статье дано ассоциативное поле (АП) стимула – от стимула к реакции с фиксацией сначала ядра (наиболее частотных реакций), потом – периферии АП (малочастотных и единичных). Этот же принцип лежит в основе идентификации и толкования значения слов. Основными единицами семантической модели стали «семантические множители»: «полнозначные слова, использованные в правой части толкового словаря», в нашем случае – в толкованиях (дефинициях), полученных от испытуемых в семантическом эксперименте. Кроме этого, в словарной статье содержатся *конкретизаторы* – слова, словосочетания, отдельные сег-

менты высказываний и целые высказывания. Индексы шкалирования, полученные по методике семантического дифференциала, даются в виде таблицы в конце словарной статьи последними. Они показывают эмотивно-чувственное значение слов-стимулов с нагрузкой по четырем факторам» [там же: 6-7].

Стимульный список – сорок общелитературных слов (имена существительные и прилагательные), маркирующие базовые этические, эстетические, ценностные концепты: *дом, жизнь, красота, любовь, деньги, воля, надежда, прощение, грех, ложь, слава, страсть, разочарование, сострадание, вина, щедрость, верность* и т.п. Кроме этого, в списке были 10 слов, использованных в ассоциативных экспериментах Е.Н. Гуц в 1980-2000 г.г. и входящих в ядро языкового сознания подростка, – *кайф, лох, плохо, зло, друг, секс* и т.п.

Пример словарной статьи:

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ ШКОЛЬНИКОВ

ВЕРНОСТЬ – дружба (78); собака (69); любовь (33); преданность (27); доверие (22); хорошо (18); привязанность (17); друг (15); вера (14); верить; надёжность (12); верность (9); правда (6); дружба до гроба (4); друга (3); в жизнь; деньги (2); баня; баскетболу; брак и дружба; верить и надеяться; верить хомута; добродушная; искренность; кач; квадрат; клятва; к человеку; мама; муж, и жена, и друг; не доверие; отлично; парень; перед другом; пёсик; подруге; положение; помощь; поцелуй; предание; предательство; прикольно; противоположность; собака такая!!!!; собачка; судьба; счастье; у близких; храбрость; честность; я не знаю; 100% раб; 100% хорошо (1)

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ СТУДЕНТОВ

ВЕРНОСТЬ – доверие (84); любовь (78); преданность (54); собака (18); друг (16); честность (15); брак; семья (13); надёжность; ответственность (10); вера; правда; уверенность (8); однолюб; хранить (7); верная; партнёр; чистота (6); верить; всё жизнь; в любви (4); быть верным; вместе и навсегда; доброта (3); друзей; друзья (2); без предательства; белый голубь; Божья Матерь; боль; до гроба; духовная и физическая; есть; жена; жёлтый цвет; измена; искренность; клёво; кольцо; лебеди; лебедь; лебединая; любимый человек; любить; муж; навсегда; надежда; надо доверять друг другу; настоящая; не изменять; не обманывать; не предать; откровенность; открытость; отлично; парень; парню; пёс; покой; праведность; привязанность; проверка; радость; редкость; самоверие; светлое; связь, основанная на взаимном доверии; секс; слову; собаки; Соня; супруг; трепет; тупость; уважение; хранить; целомудренность; ценность; цепь; чего порой не хватает; чувства; это любовь; это хорошо (1)

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ШКОЛЬНИКОВ

Преданность (108)

человеку (12); в любви (7); чему-либо, кому-либо (5); одному любимому (2); кому-то от чистого сердца (1)

Измена (35)

отсутствие измен (19); нет измен (11); без измен (6)

Честность (30)

к людям (9)

Доверие (26)

к человеку (21)

Не предавать (24)

кого-либо (11); человека (7)

Качество (19)

хорошее (16); любимое в моей собаке (1); отражающее привязанность людей к кому-либо, чему-либо (1); характеризующее степень уверенности в человеке (1);

Любовь (16)

одному (7); то же, что (2)

Не изменять (15)

своему парню (2)

Чувство (14)

преданности другому человеку (6); одно из лучших чувств в человеке (5); приверженности чему-либо (3)

Быть всегда рядом (13)

не врать чувствами, полностью делиться своими мыслями (1); с каким-то человеком (1)

Когда (9)

человек верен одному человеку и больше никому (5); любишь одного, верна только ему (3); 2 через 2 (1)

К человеку (7)

близкому тебе (2)

Приверженность (6)

человеку (4) идее, себе (1)

Желание (2)

быть с ней другим человеком (1); прийти на помощь в любую минуту (1)

Антипредательство; быть честной с человеком, которого любишь, важна; во всём верить ему; маме, папе!; веришь кому-то; верность; второе определение любви; говорить правду; должна быть между людьми; к любимому; какому-то человеку; мне нравится это слово; начало предательства; не обманывать; неизменение взглядов; нет верности в нашей стране; ну верить; оставаться верной одному человеку; отстаивание одной и той же позиции в изменяющихся условиях; понятие несуществующее; постоянство; привязанность; свадьба; следование высшим идеалам; способность подчинить свою волю другому; «служение»; устойчивость воли; хорошие отношения (1)

Отказ (98)

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ СТУДЕНТОВ

Доверие (96)

в любви (7)

Преданность (79)

человека (11) к человеку (5)

одному человеку (4); до самого конца (1); другому (1)

Когда (53)

верен (42) одному человеку (24); своему слову (13)

не можешь (7) совершить подлость (6); не можешь переступить барьер (1)
один человек не изменит, не предаст другого (2); нет желания изменить, предать (1); что-то одно важнее, чем всё остальное (1)

Чувство (46)

преданности (21) кому-либо (11); к чему-нибудь одному (5); кому-либо осознанное (1)

к человеку (17), когда любишь человека. полностью отдаёшься ему, верен (1); привязанности (1) привязанности к человеку, стране и др. (1); испытываемое к своим родным и близким, и никак иначе (1)

Любовь (24)

к кому-либо (11)

Уважение (19)

к близкому человеку (2)

Качество (17)

не отступает от своих обещаний (1); отличительное, увы, не всех людей (1); при котором человек предан другому человеку (1); того, кто ценит других (1)

Способность (14)

сохранять чувства к одному человеку (7); оставаться с избранным человеком до конца (4); следовать убеждениям, не поддаваться влияниям (3)

Быть (13)

преданным чему-либо (7); честным (6)

Понимание (11)

ответственности (10) за силы человека отвержение силы человека (1)

Не предательство (9)

Состояние (6)

когда не хочется врать человеку, совершать поступки, которые ему не понравятся (1); что ничего плохого по отношению между людьми (1)

Неизмена (5)

Подразумевает заботу (4)

Умение (2)

воздерживаться от соблазна (1); понимать (1)

Довериться; друг; душевное родство; жадность собственника: многое бы мы охотно бросили, если б не боязнь, что кто-нибудь другой это поднимет; желание быть преданным одному человеку; за что себя не жалко; искренность людей; надёжность; не встречал таких людей; недопустимость для себя изменить чему-либо, кому-либо; неизменность в своих решениях; неизменчивость; непозволение думать о чём-то, ком-то другом; осознание того, что ты будешь рядом с человеком, которому ты верен, что бы ни произошло; ответственность; (в человеческих отношениях) отказ от разнообразных связей для придания большей ценности главной связи; очень ответственное дело, которое не тяготит; ощущение своей принадлежности к человеку; правда; правдивость к человеку; преданное отношение; сила человека; соблюдение установленных правил между людьми; стойкость в своих убеждениях; стремление быть рядом; так называемые рамки для человека, которые возникают

между людьми; уверенность в людях; хорошо; хранить верность кому-либо; часть дружбы; честное исполнение своих действий; честность (1)

Отказ (24)

ЭМОТИВНО-ЧУВСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Студенты	Индекс Ж	Индекс М	Школьники	Индекс
Весёлый / грустный	1,083	1,25	Весёлый / грустный	1,230
Хороший / плохой	2,642	2,3333	Хороший / плохой	2,66667
Полный / пустой	1,928	2	Полный / пустой	2
Светлый / темный	2,166667	2	Светлый / темный	2,23076

Состав словарных статей оказался удобен для дальнейших сопоставительных описаний как в направлении сравнения с ранними и поздними региональными результатами (с базой «Ассоциативного словаря подростка», например), так и с ассоциативными базами других регионов (в частности, с «Ассоциативным словарем школьников г. Саратова» [Бутакова 2015: 201-211].

Основные результаты первых трех этапов проекта

Введено понятие «региональное языковое сознание» – система образов сознания жителей определенного региона, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей, реконструированных в результате разнонаправленных психолингвистических и лингвистических мероприятий.

Разработан метод комплексного описания, включающий лингвистические (текстовые, речевые, дискурсивные) и психолингвистические методики исследования дискурсивного пространства г. Омска и Омской области в аспектах институциональных и персональных коммуникаций с участием детей и направленных на них.

Доказано наличие в структуре ядра ЯС подростка образов сознания, связанных с некодифицированными лексическими элементами.

Установлен уровень валидности, репрезентативности выборки информантов: 500 анкет на каждый стимул, соотношение всех типов информантов по возрасту, месту учебы (школы, колледжи, учебные заведения инновационного типа, вузы и факультеты технического, гуманитарного, естественного профиля в пропорции 4:1:1).

Показано, что психолингвистическое описание языкового сознания можно представить в виде многомерного конструкта, состоящего из объемных и плоскостных моделей разного уровня.

Установлена зависимость объема, сложности структурной организации семантического поля от возраста, социального и речевого опыта носителя языка. Оказалось, что ядра семантического поля этически и эмоционально значимых лексем образуются сходным образом у индивидов 10-12 лет и 19-22 лет.

Возрастное развитие значения слов состоит в изменении рангов когнитивных категорий, составляющих ядро семантического поля, расширении объема и изменении качества конкретизаторов, изменении образов сознания в них, отражающих личный опыт носителей языка, и дефиниционных стратегий. Состав и структуры полученных семантических полей выявили следующие тенденции: чем абстракт-

тнее семантика слова, тем больше социального опыта и рефлексии требуется индивиду для образования обширной, сложно оформленной области значения; чем социально значимее явление обозначено словом, тем больше компонент рефлексии над миром и над собой представлен в составе его семантического поля у носителей языка взрослого возраста, тем меньше объем поля, размытее его состав, незначительнее рефлексийный слой у невзрослых информантов.

Оценка представленности в ЯС моральных ценностей показала стабильность состава ценностных концептов за 10 лет. Для младших школьников «Быть хорошим» – значит быть прежде всего *«душевным, добрым и веселым»*. В этом перечне актуальных ценностей наблюдаются константы русской ментальности. Выявлена *устойчивость стереотипа* следующего содержания: хороший человек уступает место старушке, переводит ее через дорогу, несет ее тяжелые сумки. Плохой, соответственно, ведет себя противоположным образом. Этот образ не уходит из группового сознания младшего школьника на всех зафиксированных срезах (1998-2001, 2003, 2005, 2007, 2008, 2010 гг.). Подтверждается сделанное ранее наблюдение об образе пути как символе выбора, в том числе нравственного выбора. Для школьников среднего и старшего возраста и студентов «хорошо» – *когда всё нормально, отлично, круто, благополучно, в семье гладко*.

Динамика ценностей отмечается в изменившейся значимости семьи и дружбы: ценность семьи растет, значимость дружбы, напротив, несколько снижается. Из высказываний о семье «уходят» упоминания о бабушках и дедушках, зато появляется компьютер. Как «импортируемая» ценность отмечается концептуализация в речи детей смысла «успешный человек». Ценностью, прививаемой в семье, является успешное завершение труда (а не процесс), что не согласуется с положением о том, что для русских старание важнее, чем результат.

Исследование ассоциативных полей концептов и их структуры с помощью АЭ и РЭ экспериментально подтвердило гипотезу о возрастной специфике формирования ядерных фрагментов ЯС, доказало необходимость разных экспериментов, подтвердило вывод о формировании этических концептов в младший школьный период развития ребенка.

В письменной речи (сочинениях) проявилась тенденция актуализировать понятийные, эмотивные и оценочные компоненты концептов, заданных в высказывании-формулировке темы, на фоне совокупности компонентов разных концептов, которые относятся к доминантным смысловым областям лишь косвенно. Средства вербализации (лексические и синтаксические) слабо вариативны. С целью повысить убедительность позиций пишущие широко использовали стратегию прецедентности, выраженную через привлечение прецедентных имен, высказываний, текстов и пр. Рефлексийный компонент языкового сознания в письменной речи проявился незначительно, имеет опору в жизненном опыте членом семьи, соседей, друзей [Бутакова 2010: 100-133].

Результаты, полученные на первых трех этапах проекта, позволили выстроить направление следующего (продолжающегося в настоящее время), **четвертого этапа** исследования, посвященного комплексному анализу институциональных и персональных коммуникаций с участием ребенка на основе реконструкции дискурсивного пространства региона».

Данный этап направлен также на решение междисциплинарной проблемы влияния коммуникативной среды на языковую личность в возрасте от 5 до 14 лет. Исследование регионально ориентировано: экспериментальный и дискурсивный материал относится к одному региону (Омская область), участники коммуникаций дифференцируются по социолингвистическому признаку «место проживания» (областной центр / сельские районы области). Психолингвистические методы применяются в указанном проекте комплексно, как и ранее. Они соотнесены с коммуникативным и когнитивно-дискурсивным подходами к описанию устной и письменной речи детей, детских журналов, книг, учебников для младшей школы.

Ассоциативный эксперимент осуществлен в двух видах – свободный АЭ и по методу достраивания высказываний; семантический эксперимент представлен семантическим дифференциалом, он был применен для исследования восприятия популярных мультсериалов в детской и студенческой аудитории; восприятия произведений, изучаемых по программе литературы в среде детей разных школьных возрастов; восприятия школьных программ и учебников в профессионально ориентированной среде учителей школ, восприятия рекламных поликодовых текстов детского питания и товаров для детей в среде взрослых. Кроме того, тексты сочинений школьников средних классов анализировались с учетом принципов коммуникативной, когнитивной, структурной организации, предложенных психологом Н.И. Жинкиным [1998: 188-192] и дополненных нами [Бутакова 2016: 101-111].

Дети включаются в дискурсивное пространство региона как потенциальные (моделируемые взрослыми) и реальные участники коммуникаций.

Мониторинг ценностей (коммуникативных, социальных, моральных, материальных), транслируемых и прививаемых доступной детям информационной средой, осуществляется в проекте в ходе бесед, опросов и анкет социолингвистического характера, а также психолингвистических экспериментов, направленных на реконструкцию языкового сознания, характера перцепции рекламных и иных текстов.

Основные вопросы, решаемые авторским коллективом проекта (Л.О. Бутаковой – руководитель, Е.Н. Гуц, Н.В. Орлова и др. – исполнители):

- Какие ценности транслируются и воспринимаются в контакте с дискурсивной средой места проживания (город – районы сельской местности)?
- Каково смысловое пространство наиболее популярной в детской и подростковой среде теле- и кинопродукции, книг, журналов, сайтов?
- Какие основания дифференцируют типы языковых личностей в детском и подростковом возрасте?
- Какие семантические изменения произошли в смысловых полях ценностно и коммуникативно ориентированной лексики?
- Каково состояние языковой способности и речевой компетенции носителей русского языка 5-7, 7-12, 13-14, 15-16 лет? Какие типичные речевые и коммуникативные нарушения фиксируются в письменных текстах и устных высказываниях учащихся школ и гимназий? Являются ли они следствием влияния особенностей новой информационной среды?

По результатам двух лет работы над проектом могут быть сделаны следующие выводы.

В области анализа языковой способности, речевой деятельности школьников разного возраста установлены формальное соответствие объема текстов сочинений возрастной норме развития языковой способности при невысокой либо формальной вариативности лексических, грамматических средств на уровне высказывания и текста; актуализация стереотипных когнитивных, коммуникативных, семантических стратегий под влиянием опыта создания типового письменного текста в формате ЕГЭ; ограниченность состава концептов и их компонентов, выраженных с помощью устойчивых, незначительно варьирующихся вербальных наборов; наличие рекламных речевых стратегий; эгоцентрическая направленность письменной речи; объемность и взаимная направленность фрагментов языкового сознания «техника», «информация», «семья», «друзья»; «компьютер», «ВКонтакте», «разговор», «друзья». Продуктивной для установления динамики и качества изменений в структуре АП оказалась методика построения когнитивной структуры поля, предложенная Н.И. Кургановой [2012].

Проведены также *экспериментальный анализ восприятия школьниками произведений русской литературы* (установлено, что оптимально для исследования последовательное применение методов собственно семантического дифференциала и постэкспериментального анкетирования); анкетирование верифицировало результаты эксперимента (84% учащихся старших классов признали актуальными анализируемые произведения, 5,7% респондентов сочли их неактуальными, 8,6% респондентов оставило вопрос без ответа); *анализ восприятия дискурсивного пространства полимодальных анимационных текстов популярных мультипликационных фильмов* (установлено, что полимодальный формат передачи информации привычен для реципиентов всех возрастов; школьники и студенты реагировали на полимодальные тексты как на единые системы с заданным распределением смыслового вклада: репрезентантами доминантных смыслов и эмоций выступали определенные компоненты «формы» и «содержания»); *анализ дискурсивного пространства сайтов развлекательных организаций, устраивающих детский отдых и досуг* (выявлено, что общие ценности, прививаемые детям разных возрастов сценариями праздников, на сегодняшний день не претерпели значительных изменений, но значительные содержательные трансформации произошли в сценариях Дня рождения; прототекстовые основы сценариев переместились от русских народных сказок в область поздней детской литературной и видео-классики, активным является влияние современных реалий (мобильные телефоны, НЛЮ, инопланетяне); появляются новые жанры праздника – квесты «Космическое приключение», «Дом с привидениями»; инокультурные праздники День Святого Валентина и Хэллоуин стали частью русского досугового дискурсивного пространства, круг традиционных героев расширен за счет новых персонажей (фея Винкс, Гарри Поттер, «Смешарики», «Фиксики»).

Моделирование общения ребенка в рамках обиходно-разговорного персонального дискурса доказало возможность применения к разговорному дискурсу с участием ребенка методик, объединяющих цели и задачи конверсационного анализа с исследовательскими процедурами, нацеленными на выявление личностно значимых смыслов и ценностей представителей детской субкультуры. Первый подход сориентирован на исследование структурных особенностей дискурса, второй – на его семантику.

Перспективы проекта связаны с обобщением полученных результатов и реконструкцией социально-коммуникативных характеристик пожилого человека, репрезентируемых в коммуникациях и языковом сознании русскоговорящих.

Наиболее значимые публикации в рамках проекта

Монографии

Бутакова Л.О. Значение как достояние индивида (экспериментальное исследование) // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 4. Коллективная монография / Отв. ред Н.Д. Голев. Кемерово: КемГУ, 2013. С. 12-36.

Бутакова Л.О. Динамика развития языковой способности и речевой компетенции носителей русского языка: Региональное экспериментальное исследование. Омск: Омск. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, Вариант-Омск, 2010. 160 с.

Гуц Е.Н. Психолингвистическое исследование языкового сознания подростка. Омск: ОмГУ, Вариант-Омск, 2005. 260 с.

Орлова Н.В. Речь школьника на уроках словесности: онтолингвистический и дискурсивный подходы. Омск: Вариант-Омск, 2010. 97 с.

Орлова Н.В. Метаязыковое сознание выпускника школы (по данным сочинений ЕГЭ) // Обыденное метаязыковое сознание. Часть II. Коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Голев. Кемерово: КемГУ, 2009. 457 с.

Словари

Бутакова Л.О. Материалы к ассоциативно-семантическому словарю жителей города Омска. Омск: ОмГУ, Вариант-Омск, 2012. 128 с

Гуц Е.Н. Ассоциативный словарь подростка. Омск: ОмГУ, Вариант-Сибирь, 2004. 156 с.

Гуц Е.Н. Идеографический словарь жаргонно-просторечной лексики: 1985-2010. Омск: ОмГУ, Вариант-Омск, 2010. 64 с.

Коротун О.В. Ассоциативный словарь внешнего человека. Омск: ОмГУ, Вариант-Омск, 2010. 376 с.

Кузина О.А. Русско-англо-немецкий ассоциативный словарь туризма. Engelsdorfer Verlag, 2008. 196 с.

Статьи

Бутакова Л.О. Языковая способность и речевая компетенция школьников: анализ сформированности когнитивных механизмов // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. ВолГУ, Волгоград, 2016, № 4 (15), с. 40-52. Режим доступа: <https://volsu.ru/struct/generalservices/publish/vestniki/>.

Бутакова Л.О. Языковое пространство сибирского города как основа для экспериментального моделирования языкового сознания носителя: к постановке проблемы // Русистика: прошлое и настоящее национального языка. Сб. ст., посвященный 70-летию проф. Б.И Осипова / под ред. М.А. Харламовой. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2009. С. 234-244.

Бутакова Л.О. Дискурсивное пространство текстов, регламентирующих обучение литературе в школе (на материале рецепции учебных программ) // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. Волгоград, 2016, № 1 (30). 53-63. Режим доступа: jvolsu.com.

Бутакова Л.О. Значение слова как достояние индивида (на примере этически значимых лексем правда / ложь) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. №4 (52) Т. 1. С. 198-205.

Бутакова Л.О. Коммуникативная специфика рекламного дискурса компании как проявление регулятивной природы коммуникации (на примере компании «Columbia» в России) // Филология и человек: научный журнал. Вып. № 2. Барнаул, 2010. С. 35-46.

Бутакова Л.О. Методология изучения динамики языкового сознания жителей города // Изменяющийся славянский мир: новое в лингвистике: сборник статей; отв. ред. М.В. Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. 654 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 2). С. 219-226.

Бутакова Л.О. Образ автора – стиль – субъект – говорящий vs сознание – авторское сознание – смысл как категории художественного сознания // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Материалы Международной школы-семинара (VI Березинские чтения). Вып. 16. М.: ИНИОН РАН, АСОУ, 2010. С. 24-38.

Бутакова Л.О. Семантическое пространство мультимодального текста как эмотивно-ценностный феномен (на материале восприятия русских и американских мультфильмов) // Филология и человек, АлтГУ, Барнаул, 2016, № 2, с. 21-31.

Бутакова Л.О. Ценностные составляющие сознания как регулятор восприятия текста (на материале рецепции мультипликационных фильмов) // Деятельный ум: от гуманитарной методологии к гуманитарным практикам. Материалы 18 Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Теория речевой деятельности: практика и эксперимент». 24-26 мая 2016, Канцлер, Москва, 2016, Ч. 1, с. 128-130.

Бутакова Л.О. Этнический компонент регионального языкового сознания: лингвистические модели // Концептуальные исследования в современной лингвистике. – Вып. 12. – Санкт-Петербург, Горловка, 2010. – С. 18-27. – на рус. яз.

Бутакова Л.О. Этнос, сознание, язык, культура: лингвистическое моделирование с региональным уклоном // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Материалы Международной школы-семинара (VI Березинские чтения). – Вып. 17. – М.: ИНИОН РАН, АСОУ, 2010. – С. 8-33.

Бутакова Л.О. Язык и речь города в современной лингвистической парадигме // Речевая коммуникация в современной России: материалы 1 Международной научной конференции (Омск, 27-29 апреля 2009) / Под ред. О.С. Иссерс, Н.А. Кузьминой. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2009. 440 с. С. 53-61.

Бутакова Л.О. Языковая способность, речевая компетенция в формате не/естественной письменной речи (на материале сочинений школьников) // Вестник КемГУ. № 3 (2016). С. 101-110.

Бутакова Л.О. Языковая способность, речевая компетенция в формате не/естественной письменной речи (на материале сочинений школьников) // Вестник Кемеровского государственного университета, Кемеровский гос. ун-т, Кемерово, 2016, № 3, с. 101-110. Режим доступа: <http://vestnik.kemsu.ru/jour>.

Бутакова Л.О. Языковое сознание жителей города: возможности психолингвистического описания // Вопросы психолингвистики, 2009. № 10. С. 100-109.

Бутакова Л.О. Языковое сознание как описательная модель языка жителей города // Горизонты психолингвистики. Материалы Международной научно-практической конф., посвященной 80-летию проф. А.А. Залевской (Тверь, 23-24 октября 2009г.). Отв. ред. Е.М. Масленникова. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. 324 с. С. 54-60.

Бутакова Л.О., Гуц Е.Н. Возрастные особенности ассоциативной семантики // Значение как феномен актуального языкового сознания носителей языка. Тезисы второй Всероссийской научной конференции, Истоки, Воронеж, 2016, с. 17-19.

Бутакова Л.О. Когнитивная природа восприятия полимодального текста и его психолингвистическое моделирование (на материале рецепции русских и американских мультсериалов) // Вопросы когнитивной лингвистики, ИЯ РАН, Тамбовский госун-т им. Г.Р. Державина, Тамбов, 2016, № 4, с. 21-32. Режим доступа: <http://vcl.ralk.info/>.

Бутакова Л.О., Козловская Е.А. Воздействующий потенциал и особенности восприятия рекламы детских товаров как части дискурсивного пространства для детей и взрослых // Наука о человеке. № 1(27) 31 марта 2017. С. 71-81. Режим доступа: http://journal.omg.su/files/nauka_o_cheloveke_27.pdf.

Гуц Е.Н. Языковое сознание: экспериментальная парадигма (трендовое исследование) // Вестник Новосибирского государственного университета, Т 12. Выпуск 2. Серия: История, филология. Новосибирск, 2013. С.32-37.

Гуц Е.Н. Восприятие художественного текста учащимися средней школы: психолингвистический подход // Вестник ВолГУ, Волгоград, 2017, №2 (16), с. 93-98. Режим доступа: <http://l.jvolsu.com/index.php/ru/archive-ru/435-science-journal-of-volsu-linguistics-2017-vol-16-no-2>.

Гуц Е.Н. Диалектное слово в языковом сознании городского подростка: опыт трендового исследования // IV Международные Бодуэновские чтения (Казань, 25-28 сентября 2009 г.). Труды и материалы. Т. 2.

Гуц Е.Н. Динамика ассоциативных полей слов, входящих в ядро языкового сознания подростка // Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы. XVI международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 15-17 июня 2009 г. / Ред. коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв. редактор), О.В. Балясникова, Е.С. Ощепкова, Н.В. Уфимцева. М.: Эйдос, 2009. С.205-206.

Гуц Е.Н. К проблеме лексикографической обработки результатов семантического эксперимента // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Материалы Международной школы-семинара (VI Березинские чтения). Вып. 16. М.: ИНИОН РАН, АСОУ, 2010. С. 49-54.

Гуц Е.Н. Комплексный ассоциативно-идеографический словарь некодифицированной лексики: проблемы и перспективы // Вестник Омского университета, 2010. №1. С. 104-108.

Гуц Е.Н., Леонтьева О.А. Восприятие школьниками текстов популярных песен // Теория и практика языковой коммуникации // Материалы IX Международной научно-методической конференции / Под ред. Т.М. Рогожниковой. Уфа: РИК УГАТАУ, 2017. С. 63 – 69.

Гуц Е.Н. Предисловие к «Идеографическому словарю некодифицированной лексики (1985-1995 гг.) // Русистика: прошлое и настоящее национального языка.

Сб. ст., посвященный 70-летию проф. Б.И. Осипова / под ред. М.А. Харламовой. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2009. 280 с. С.244-252.

Гуц Е.Н., Бутакова Л.О. Ассоциативно-семантический словарь как основа для моделирования ценностных фрагментов языкового сознания носителей языка // Вопросы психолингвистики. № (2) 18, М., ИЯ РАН, 2013. С. 158-174.

Гуц Е.Н., Швайцер П.В. Использование метода семантического дифференциала в изучении восприятия художественного текста респондентами-школьниками. Деятельный ум: от гуманитарной методологии к гуманитарным практикам. Материалы XVIII Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, Канцлер, Москва, 2016, Ч. 1, 236-237.

Орлова Н.В. Художественный текст в восприятии и представлении школьников // Славянские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Под ред. Т.П. Рогожниковой. Омск: «Вариант-Омск». Вып. XIII. Языки и культуры. С. 255-262.

Орлова Н.В. Дети о компьютерных коммуникациях: дискурс-анализ сочинений // Наука о человеке, Омская гуманитарная академия, Омск, 2016, №1, С. 53-59. Режим доступа: <http://journal.omga.su/>.

Орлова Н.В. Особенности художественной коммуникации в условиях школьного урока // IV Международные Бодуэновские чтения (Казань, 25-28 сентября 2009 г.). Труды и материалы. Т. 2. С. 211-213.

Орлова Н.В. Письменная речь младших школьников в свете правил детской грамматики // Русская грамматика 4.0. Сборник тезисов Международного научного симпозиума (Москва, 13-15 апреля 2016 г.), Москва: ФГБОУ ВО «Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина», Москва, 2016, 474-477.

Орлова Н.В. Речевое произведение школьника в контексте русской культуры // Вестник Омского университета. 2009. № 3. С. 152-156.

Орлова Н.В., Богомолова О.Е. Что смешного? сопоставительный взгляд на юмористические интенции учебника и ученика // Вестник Кемеровского государственного университета, Кемеровского госун-та, Кемерово, 2016, № 3 (67), с. 63-69. Режим доступа: <http://vestnik.kemsu.ru/jour>.

Диссертации, защищенные в рамках проекта

Алфёрова Ю.И. Профессионально маркированные компоненты языкового сознания, репрезентированные единицами родного и изучаемого языков: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2005.

Борейко Т.С. Ситуация тактильного восприятия: специфика представления в системе русского языка и в языковом сознании индивида: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2006.

Винникова Т.А. Моделирование механизмов понимания кинотекста: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2010.

Гуц Е.Н. Репрезентация образов сознания подростка неcodифицированными языковыми знаками: психолингвистический аспект: дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 2005.

Кузина О.А. Семантические и ассоциативные поля туризма как отражение фрагментов языкового сознания и картин мира русских, немцев и американцев: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006.

Леонтьева О.А. Ортологический аспект языковой личности старшеклассника (на материале сочинений в формате ЕГЭ): дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2010.

Лецинская О.Г. Представление модальностей сенсорного восприятия в языке города Омска: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2007.

Попова О.В. Восприятие научно-учебного текста в аспекте проблем адаптации научного текста к учебной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2012.

Шадрин А.А. Структура значения слова в учебном триязычии: психолингвистическое исследование: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015.

Литература

Бутакова Л.О. Ассоциативное портретирование ценностных составляющих языкового сознания школьников (на материале слов *друг, дружба*) // Язык в пространстве речевых культур. К 80-летию В.Е. Гольдина. Отв. ред. О.В. Крючкова, Л.П. Крысин. М.: Саратов: Амирит, 2015. С. 201-211.

Бутакова Л.О. Динамика развития языковой способности и речевой компетенции носителей русского языка: Региональное экспериментальное исследование. Омск: Омск. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, Вариант-Омск, 2010. 160 с.

Бутакова Л.О. Материалы к ассоциативно-семантическому словарю жителей города Омска. Омск: ОмГУ, Вариант-Омск, 2012. 128 с.

Бутакова Л.О. Языковая способность, речевая компетенция в формате не/естественной письменной речи (на материале сочинений школьников) // Вестник КемГУ. 2016. № 3. С. 101-110.

Гуц Е.Н. Репрезентация образов сознания подростка некодифицированными языковыми знаками (психолингвистический аспект): дисс. ... д-ра филол. наук. Омск, 2005а, 554 с.

Гуц Е.Н. Идеографический словарь жаргонно-просторечной лексики: 1985–2010. Омск: ОмГУ, Вариант-Омск, 2010. 64 с.

Гуц Е.Н. Психолингвистическое исследование языкового сознания подростка. Омск: ОмГУ, Вариант-Омск, 2005б. 260 с.

Жинкин Н.И. Развитие письменной речи учащихся III–VIII классов // Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество. М.: Лабиринт, 1998. С. 183-319.

Коротун О.В. Ассоциативный словарь внешнего человека. Омск: ОмГУ, Вариант-Омск, 2010. 376 с.

Курганова Н.И. Роль и место смыслового поля при моделировании структурных и операциональных параметров значения слова: дисс. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2012. 401 с.

Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2005. 509 с.

Орлова Н.В. Речь школьника на уроках словесности: онтолингвистический и дискурсивный подходы. Омск: ОмГУ, Вариант-Омск, 2010. 97 с.

Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта, 2006. 239 с.

Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. М., 2000. С. 24-32.

THE PROJECT
«REGIONAL LANGUAGE CONSCIOUSNESS: THE AGE ASPECT»

Larisa O. Butakova

Doctor of Philology, Professor
Omsk Dostoevsky State University
Pr. Mira 55a, 644077 Omsk, Russia
larisabut@rambler.ru

Elena N. Guts

Doctor of Philology, Professor
Omsk Dostoevsky State University
Pr. Mira 55a, 644077 Omsk, Russia
egoots@yandex.ru

Natalia V. Orlova

Doctor of Philology, Professor
Omsk Dostoevsky State University,
Pr. Mira 55a, 644077 Omsk, Russia
nvorl@rambler.ru,

Studies of language consciousness, language ability and speech competence of residents of one region of non-adult age, the nature of the discursive space as a formative environment of these phenomena in the psycholinguistic works of Omsk linguists are considered. The research directions are shown, the main concept of the current project is formulated - the solution of the interdisciplinary (onto-, psycho-, sociolinguistic, discourse-oriented) problem of the influence of the communicative environment on the linguistic personality at the age of 5 to 14 years. The regional aspect is emphasized in the study: the discursive material refers to one region (Omsk region), the participants in communications differentiate according to the sociolinguistic trait «place of residence» (oblast center / rural areas of the region).

Psycholinguistics acts as the leading method for analyzing and describing the meaning of discourse-oriented words, including the so-called actual vocabulary, on the one hand. In addition, it manifests itself as an experimental component of the monitoring of values (communicative, social, moral, material) that are broadcast and instilled into the information environment accessible to children (in interviews and questionnaires of a socio-psycholinguistic nature, as well as psycholinguistic experiments aimed at reconstructing linguistic consciousness). Finally, as a method that gives additional and verification results for cognitive-discursive and discursive techniques, with the third. This is the conceptual feature of the project.

The age range of the participants of the discursive space under study is limited to the period of 5-14 years corresponding to the beginning of the «two thousand-year» period (along with childhood, the adolescent age falls into the attention zone, and data on older age groups (15-16 years).

Keywords: meaning, language consciousness, value as an individual's inheritance, experimental methods, language ability, speech competence

References

Butakova L.O. (2015) Assotsiativnoye portretirovaniye tsennostnykh sostavlyayushchikh yazykovogo soznaniya shkol'nikov (na materiale slov drug, druzhba) [Associative Portraying of the Value Components of the Language Consciousness of Schoolchildren (based on the words friend, friendship)] // *Yazyk v prostranstve rechevykh kul'tur. K 80-letiyu V.Ye. Gol'dina. Otv. Red. O.V. Kryuchkova, L.P. Krysin.* [Language in the Space of Speech Cultures. Ed. by O.V. Kryuchkova, L.P. Krysin]: 201-211. Moscow: Saratov: Amirit. Print. (In Russian).

Butakova L.O. (2010) Dinamika razvitiya yazykovoy sposobnosti i rechevoy kompetentsii nositeley russkogo yazyka: Regional'noye eksperimental'noye issledovaniye [Dynamics of Development of Language Ability and Speech Competence of Native Speakers: Regional Experimental Research]. Omsk: Omsk. gos. un-t im. F.M. Dostoyevskogo: «Variant-Omsk». 160 P. Print. (In Russian).

Butakova L.O. (2012) Materialy k assotsiativno-semanticheskomu slovaryu zhitel'ey goroda Omska. Omsk [Materials to the Associative-Semantic Dictionary of the Omsk Inhabitants]. OmGU: «Variant-Omsk». 128 P. Print. (In Russian).

Butakova L.O. (2016) Yazykovaya sposobnost', rechevaya kompetentsiya v formate ne-/yestestvennoy pis'mennoy rechi (na materiale sochineniy shkol'nikov) [Language Ability, Speech Competence in the Format of Non- / Natural Written Speech (based on the materials of schoolchildren's writings)] // *Vestnik KemGU [KemGU Bulletin] 3: 101-110.* Print. (In Russian).

Guts Ye.N. (2005a) Representatsiya obrazov soznaniya podrostka nekodifitsirovannymi yazykovymi znakami: psikholingvisticheskiy aspekt [Representation of Images of the Adolescent's Consciousness with Uncodified Language Signs: the psycholinguistic aspect]. Diss. ... dokt. filol. n., Omsk. 554 P. Print. (In Russian).

Guts Ye.N. (2010) Ideograficheskiy slovar' zhargonno-prostorechnoy leksiki: 1985 – 2010 [The Ideographic Dictionary of Slang and Colloquialisms: 1985 - 2010]. Omsk: OmGU: «Variant-Omsk». 64 P. Print. (In Russian).

Guts Ye.N. (2005b) Psikholingvisticheskoye issledovaniye yazykovogo soznaniya podrostka [A Psycholinguistic Study of the Language Consciousness of a Teenager]. Omsk, OmGU: «Variant – Omsk». 260 P. Print. (In Russian).

Zhinkin N.I. (1998) Razvitiye pis'mennoy rechi uchashchikhsya III – VIII klassov [The Development of Written Speech of Pupils of III - VIII Classes] // *Yazyk. Rech'. Tvorchestvo.* [Language. Speech. Creativity]: 183-319. Moscow: Labirint. Print. (In Russian).

Korotun O.V. (2010) Assotsiativnyy slovar' vneshnego cheloveka [The Associative Dictionary of the External Person]. Omsk: OmGU: «Variant-Omsk». 376 P. Print. (In Russian).

Kurganova N.I. (2012) Rol' i mesto smyslovogo polya pri modelirovaniy struktury i operatsional'nykh parametrov znacheniya slova [The Role and Place of the Semantic Field in the Modeling of Structural and Operational Parameters of the Word Meaning]: diss... dok. fil. n. Tver'. 401 P. Print. (In Russian).

Leont'yev A.N. (2005) Lektzii po obshchey psikhologii [Lectures on General Psychology]. Moscow: Smysl. 509 P. Print. (In Russian).

Orlova N.V. (2010) Rech' shkol'nika na urokakh slovesnosti: ontolingvisticheskiy i diskursivnyy podkhody [Speech of a Schoolboy in the Lessons of Literature: Onto-linguistic and Discursive Approaches]. Omsk, OmGU: «Variant-Omsk». 97 P. Print. (In Russian).

Prokhorov YU. Ye., Sternin I.A. (2006) Russkiye: kommunikativnoye povedeniye [Russians: Communicative Behavior]. Moscow, «Flinta». 239 P. Print. (In Russian).

Tarasov E.F. (2000) Aktual'nyye problemy analiza yazykovogo soznaniya [Actual Problems of Language Consciousness Analysis]. Yazykovoye soznaniye i obraz mira [Language Consciousness and Picture of the World]: 24-32. Moscow. Print. (In Russian).

УДК 81'23 DOI: 10.30982/2077-5911-2-168-181

**ПРОЕКТ «ПСИХОЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА. ТЕКСТ И ЕГО
СМЫСЛ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РУСЛЕ ШКОЛЫ
А.И. НОВИКОВА»**

Пешкова Наталья Петровна

доктор филологических наук, профессор
заведующая кафедрой иностранных языков естественных факультетов
Башкирского государственного университета
450076, Уфа, ул. Заки Валиди, 32
peshkovanp@rambler.ru

*Посвящается 80-летию со дня рождения А.И. Новикова
(1938-2003)*

В статье рассматривается уфимский региональный проект, реализуемый в русле московской «Школы А.И. Новикова», основы которой закладывались с 80-х гг. прошлого века до начала 2000-х. Анатолий Иванович Новиков создал новое направление исследований семантики текста, одним из научных достижений которого стал метод денотативного анализа текста и графической экспликации глубинных семантических структур его содержания в форме денотатного графа. В последние годы жизни А.И. Новиков занимался разработкой теории текста и смысла, названной самим автором «психолингвистикой текста».

В работах представителей уфимского направления «Школы А.И. Новикова» получили воплощение как метод денотативного анализа текста, позволивший получить результаты в области изучения механизмов формирования содержания и смысла, действующих в процессах восприятия информации, так и метод «встречного текста», способствующий разработке общей и частных интерактивных моделей понимания текстов различных типов. Некоторые результаты этих исследований, полученные представителями уфимского направления, работающими в русле «психолингвистики текста», обсуждаются в настоящей статье.

Ключевые слова: семантика текста, психолингвистика текста, метод денотативного анализа текста, денотатный граф, метод «встречного текста»/контр-текста, модель понимания текста

Вводные замечания

Направление, в русле которого на протяжении более двух десятков лет осуществляются два больших региональных проекта – пермский и уфимский – берет свое начало в 80-х гг. прошлого века. Основоположник направления, Анатолий Иванович Новиков, ученик Николая Ивановича Жинкина, талантливый теоретик и «прикладник», с 1977 года начал свою научную деятельность в Институте языкознания АН СССР, пройдя путь от старшего научного сотрудника сектора структурной прикладной математической лингвистики до заведующего отделом прикладного языкознания с 1994 до 2003 г. По свидетельству современников и коллег Анатолия Ивановича, ему удалось создать, прежде всего, «новое направление ис-

следования семантики текста» [Васильева 2004: 7]. Одним из научных достижений этих исследований стал метод денотативного анализа текста и графической экспликации глубинных семантических структур его содержания в форме денотатного графа, воплощенный затем в трудах его учеников и последователей, составивших «Новиковскую школу» в Уфе и Перми [Там же].

Оценивая значимость направления междисциплинарных исследований А.И. Новикова, нельзя не вспомнить его первую монографию «Семантика текста и ее формализация», опубликованную в 1983 г. и ставшую почти мгновенно научным бестселлером [Новиков 1983]. Книга не просто заложила основы нового направления, названного позднее самим же автором «психоллингвистикой текста» [Новиков 2007: 17], и не только на протяжении трех десятилетий оставалась теоретической базой и источником новых прикладных исследований, воплотившихся в теоретико-экспериментальных диссертационных работах его учеников и последователей в Москве, Перми и Уфе. Принципы денотативного анализа содержательно-смысловой структуры текста, выдвинутые А.И. Новиковым в 80-х гг. прошлого века, обрели новую жизнь в современных компьютерных технологиях нового века, разрабатываемых группой пермских программистов в содружестве с пермскими лингвистами «школы А.И. Новикова».

Главным предметом научного интереса А.И. Новикова в последние годы его жизни стала проблема смысла. По мнению ученого, с обращением исследователей к тексту и дискурсу смысл неизбежно становится одной из фундаментальных категорий не только теории текста, но и всей науки о языке. Основы новой «текстовой» теории смысла, разрабатываемой исследователем на рубеже веков, с 1997 по 2003 гг., были заложены в ряде его статей и в незавершенной монографии «Текст и его смысловые доминанты», опубликованной в 2007 г. под редакцией Н.В. Васильевой, Н.М. Нестеровой и Н.П. Пешковой [Новиков 2007].

В последних трудах А.И. Новикова получила глубокое освещение проблема онтологии смысла; исследовались закономерности и механизмы смыслообразования, отличные от механизмов формирования содержания, действующих в процессах восприятия и понимания текста; был разработан метод «встречного текста», основанный на принципах теории смысла. См.: [Новиков 1999а, 1999б, 2001, 2002, 2003, 2007].

Целый ряд идей, связанных с разработкой психоллингвистики текста и теории смысла, был лишь намечен ученым, но, к сожалению, не успел получить дальнейшего развития при его жизни. Эти идеи научного наследия, оставленного непосредственным ученикам, а теперь переходящие и к следующему поколению молодых ученых, продолжают свое развитие благодаря тому, что Анатолий Иванович сумел объединить нас в русле своего направления «психоллингвистики текста», известного как «Школа А.И. Новикова».

В настоящей статье освещение получит один их региональных проектов, реализуемых в новых условиях развития психоллингвистики текста, а именно уфимский проект.

Уфимский региональный проект в русле «Школы А.И. Новикова»

Следует отметить, что уфимское направление «Школы А.И. Новикова» ведет свою историю с конца 80-х гг. XX в. За тридцатилетний период его представители

осуществили более двадцати разработок в русле психолингвистики текста, воплотившихся в успешно защищенных пятнадцати диссертациях, пяти опубликованных монографиях, десятках учебных пособий и не в одной сотне научных статей.

В 1987 году под руководством А.И. Новикова в Институте языкознания АН СССР защищает кандидатскую диссертацию первый представитель Уфы Н.П. Пешкова. Теоретической основой исследования становится метод денотативного анализа текста, а денотатный граф используется как практический инструмент экспликации внутренних психолингвистических характеристик различных типов текста, принадлежащих структуре его содержания.

Типологические исследования текста, начавшиеся с разработки классификационной схемы, основанной на лингвистических характеристиках и внутренних свойствах текста, составляющих его содержательно-смысловую организацию, завершились в 2002 г. опубликованием монографии «Типология научного текста: психолингвистический аспект» [Пешкова 2002а] и защитой докторской диссертации «Психолингвистические аспекты типологии научного текста» [Пешкова 2002б], научным консультантом которой оставался А.И. Новиков.

Предложенная автором типологическая система, основанная на моделях корреляции лингвистических и психолингвистических характеристик текста, прошла апробацию с использованием специальной компьютерной программы в Институте языкознания (Москва). И затем была подвергнута проверке в ходе психолингвистического эксперимента, включающего этапы порождения и понимания письменного сообщения с участием более двух тысяч испытуемых – потребителей различных видов научных, научно-популярных и технических текстов (Уфа) [Пешкова 2002а, 2015].

Теоретическая значимость текстовых характеристик, выявленных в исследовании и составивших типологические модели корреляции, экспериментально подтвердилась их валидностью на всех уровнях «жизненного цикла» текста, представленного автором в виде схемы: порождение – текст – понимание, или замысел – текст – смысл [Пешкова 2002а].

Практическим вкладом уфимских исследователей в теорию текста и его смысла А.И. Новикова стала кандидатская диссертация Н.Л. Сунцовой «Лингвистическая модель порождения вторичного текста» [Сунцова 1995], выполненная под руководством А.И. Новикова в 1995 г. Денотативный метод также составляет теоретическую базу этого исследования. И денотатный граф остается инструментом изучения порождения вторичного текста с целью построения модели данного процесса, в очередной раз на практике подтверждая свою эффективность как технология проникновения в глубинные психолингвистические структуры внутренней организации семантики целого речевого произведения.

В конце 90-х еще один представитель уфимской «ветви» уже сложившейся к тому времени «Школы А.И. Новикова» И.В. Богословская начинает разрабатывать проблему понимания на материале научно-популярного текста. В 2001 г. в Институте языкознания РАН она защищает кандидатскую диссертацию «Научно-популярный текст: сложность понимания» [Богословская 2001]. Совместно со своим научным руководителем, опираясь на предложенный им алгоритм сложности понимания информации, И.В. Богословская делает попытку построения модели понимания с использованием эксплицитной и имплицитной информации текста.

С конца 90-х и вплоть до своего ухода из жизни в 2003 г. Анатолий Иванович занимался «поисками смысла» текста, в шутку называя себя «смысловиком». Он не просто обсуждал проблемы со своими учениками, но и делился с нами своим новыми идеями со всей присущей ему щедростью и бескорытием. Сегодня можно с сожалением констатировать, что многим из них не суждено было осуществиться в полной мере при его жизни. Тем не менее, научное наследие талантливого ученого перешло к следующей генерации молодых исследователей, экспериментальные работы которых реализовали ряд идей, высказанных А.И. Новиковым ранее, как сейчас видится, с опережением своего времени.

С начала 2000-х гг. в Уфе ведутся новые разработки ученых следующего научного поколения под руководством Н.П. Пешковой. В 2004 г. в Башкирском государственном университете защищаются две кандидатские диссертации. Работа Г.Х. Даутовой «Когнитивная модель типологического анализа текста делового письма (на материале русского и английского языков)» стала реализацией принципов текстотипологической модели Н.П. Пешковой с опорой на теорию текста А.И. Новикова [Даутова 2004].

Последовательным продолжением и развитием идей психолингвистики текста А.И. Новикова, связанных с изучением механизмов формирования содержания и смысла текста как принципиально различных явлений, стала диссертационная работа Н.В. Матвеевой «Механизмы формирования смысла и содержания текста в процессе его понимания (на материале анализа вторичных письменных текстов школьников 12-16 лет)» [Матвеева 2004].

Экспериментальный материал в форме вторичных текстов-пересказов участников эксперимента свидетельствует о том, что при понимании письменного текста механизмы формирования его содержания реализуются в использованных испытуемыми вербальных стратегиях, основанных на применении так называемой «эндо-лексики» (по терминологии А.И. Новикова). Эта лексика извлекается реципиентами непосредственно из текста-оригинала и служит инструментом построения вторичного текста как результата понимания прочитанного. Важным является тот факт, что при этом во внутренней форме вторичного текста полностью сохраняется иерархия единиц структуры содержания, заданная автором произведения (на уровне подтем, субподтем, микротем).

Что касается механизмов смыслообразования, вербальные стратегии их реализации проявляются в употреблении испытуемыми «экзо-лексики», характеризующейся большей или меньшей отстраненностью по отношению к тексту-оригиналу. Одновременно происходит перестройка иерархии внутренней структуры, присущей исходному тексту, на уровне не только субподтем, но и подтем, что со всей очевидностью демонстрирует денотатный граф, используемый исследователем в качестве инструмента экспликации и последующего сравнения содержательной структуры текста-оригинала, представленной контрольным графом, и содержательных смысловых структур вторичных текстов, порождаемых испытуемыми [Там же].

Таким образом, денотатный граф эксплицирует действие различных стратегий «извлечения» содержания и «приписывания» смысла в процессах понимания текста, что становится экспериментальным подтверждением одного из главных положений теории смысла А.И. Новикова.

Два исследования выполнены в русле уфимского направления «Школы А.И. Новикова» на материале нескольких языков и имеют сравнительно-сопоставительный характер. Одно из них – диссертационная работа Г.В. Вахитовой «Способы передачи внутренней экспрессивности текста (на материале юридической литературы на русском и английском языках)». В диссертации исследователь успешно сочетает использование метода денотативного анализа текста с методом ассоциативного эксперимента [Вахитова 2007].

Г.В. Вахитовой исследуется также специфика понимания специального юридического текста профессиональными юристами и неподготовленным читателем. По мнению исследователя, она проявляется в степени эмоционально смыслового восприятия содержания текста тем или иным типом адресата, независимо от степени лингвистической экспрессивности самого текста, тем самым подтверждается еще один из тезисов А.И. Новикова об особенностях функционирования смысла как обширной, недифференцированной области сферы мышления [Новиков 1999-2003].

Особенности понимания иноязычного текста в русле психолингвистики текста А.И. Новикова исследуются и в диссертации А.А. Авакян (Шияповой) «Механизмы и стратегии понимания и перевода иноязычного текста (на материале анализа вариантов перевода научно-популярного текста на английском языке)» [Авакян 2008]. Автор исследует механизмы перехода с одного уровня обработки информации на другой в условиях необходимости использования чужого языка, анализируя промежуточные варианты перевода от «чернового» к «беловому».

Представляет интерес гипотеза о механизмах «расширения», «сужения» и «перечеркивания» авторского смысла текста, действующих в процессе осмысления иноязычного сообщения, разработанная А.А. Авакян в сотрудничестве с Н.П. Пешковой и получившая экспериментальное подтверждение в диссертации.

На протяжении последних десяти лет уфимская группа молодых исследователей, возглавляемая Н.П. Пешковой, занимается разработкой интерактивной модели понимания текстов различных типов на основе метода «встречного текста» А.И. Новикова. Метод был предложен, как известно, в последнем теоретико-экспериментальном труде ученого, опубликованном в конце 2003 г. в журнале «Вопросы психолингвистики» [Новиков 2003]. В июне 2003-го г. А.И. Новиков предложил уфимской группе исследователей начать совместную работу с использованием своего нового метода на материале различных типов речевых произведений. К сожалению, это было последнее совместное обсуждение возможных направлений и перспектив исследований с использованием метода «встречного текста» с его автором.

Сегодня можно сказать, что начало новому уфимскому проекту было положено в 2007 г. с появлением первых результатов, представленных в диссертационном исследовании И.В. Кирсановой «Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания» [Кирсанова 2007].

Напомним коротко процедуру экспериментальной методики, в основе которой лежит метод «встречного текста». Она заключается в том, что участники эксперимента, читая текст, последовательно записывают «всё, что приходит им в голову» в момент прочтения каждого предложения, не забегая вперед. Это могут быть вербальные ассоциации, мнения, оценки, суждения, воспоминания, ожидания и т.п.

Адресат сам регистрирует свои вербальные реакции на информацию, представленную в каждом предложении текста.

Продуцируемый в процессе чтения «встречный текст» (по терминологии А.И. Новикова), состоящий из множества вербальных реакций, можно рассматривать в качестве материализации процесса понимания средствами языка. «Встречные тексты» характеризуются большим разбросом реакций по каждому испытуемому, что, по мнению А.И. Новикова, свидетельствует о многообразии индивидуальных стратегий, используемых ими для решения «задачи на понимание». При одинаковых видах реакций, возникающих в процессе понимания, экспериментатор получает различные варианты их комбинаций, присущие разным реципиентам. Такие варианты комбинаций можно отнести к проявлению индивидуальных стратегий, используемых испытуемыми. Однако анализ экспериментального материала позволяет наблюдать не только индивидуальные стратегии обработки информации, но и выявить некоторые инвариантные комбинации реакций, присущие подавляющему большинству реципиентов при восприятии того или иного типа текста. В таких инвариантах выделяются наиболее частотные ядерные реакции, менее частотные периферийные и малоупотребительные виды реакций.

Сравнительный анализ результатов, полученных И.В. Кирсановой на материале научно-популярного текста, а также данных, приведенных в работах А.И. Новикова с использованием художественного текста [Новиков 2003] и Н.П. Пешковой с привлечением текста научного [Пешкова 2006], позволил высказать предположения относительно разработки общей и частных интерактивных моделей понимания текстов различных типов.

Мы пришли к выводу о том, что общая модель понимания текста любого типа представляет собой достаточно устойчивую комбинацию реакций смыслового и содержательного типа, входящих в ядро и периферийную часть общего поля реакций «встречных текстов» реципиентов.

Что касается частных моделей понимания текстов конкретного типа (художественного, научного, научно-популярного, Библейского и др.), они входят в общую модель, отличаясь друг от друга, прежде всего, составом ядра, включающего доминирующие виды реакций, а также компонентами периферийной части, сопровождающей ядро [Пешкова, Авакян, Кирсанова, Рыбка 2010].

Наше предположение подтвердили дальнейшие экспериментальные работы исследователей уфимской группы, осуществленные на материале различных типов текстов, выступающих в качестве объекта понимания. Среди них разнообразные научно-популярные статьи [Анохина 2010], фрагменты Библии [Давлетова 2012], статьи глянцевого журнала [Моисеева 2017], интернет-тексты [Титлова 2018].

По нашим данным, модель понимания научно-популярного текста отличается тем, что среди ядерных реакций в ней доминирует «ассоциация» (18,7%), «оценка» (16,1%), «мнение» (15%) и «ориентировка» (9,8%). Реакции ядра все вместе достигают 59,6% от общего числа реакций.

Периферийные виды реакций включают «перефразирование» (5,9%), «перевод» (5,4%), «констатацию» (5,6%) и «вывод» (4,9%). Они составляют 21,8%, а вместе с ядром модели достигают 81,4%. На малоупотребительные виды приходится оставшиеся 18,7%. Среди них «предположение» (4,3%), «прогноз» (4%), «генерализа-

ция» (3,9%), «свободный ответ» (3,6%), «визуализация» (1,1%), «компликативная» (1,1%), «инфиксация» (0, 5%), «интертекст» (0,2%) [Пешкова, Авакян, Кирсанова, Рыбка 2010: 73-80].

Для ядра модели понимания текста Библии характерно преобладание реакций «оценки» (18,6%), «мнения» (17,1%), «генерализации» (11,8%), «констатации» (11,3%) и «компликативной» реакции (11,1%).

Периферийные реакции в процентном отношении значительно отрываются от ядерных. К ним относятся: «вывод» (4,5%), «ориентировка» (4,2%), «визуализация» (3,9%), «перефразирование» (3,7%), «перевод» (3,1%) [Давлетова 2012].

В диссертационном исследовании А.В. Моисеевой, осуществленном на материале глянцевого журналов, доминирующими видами реакций, составляющих ядро модели понимания вербальных и поликодовых текстов соответственно, оказались следующие: «оценочные реакции» (31,1% и 29,8%); «перефразирование» (12,4% и 16,6%); «ассоциация» (12,8%; только для вербальных); «перевод» (14,9%; только для поликодовых).

Количественный анализ реакций по двум сериям эксперимента выявил значительное превосходство релятивных, т.е. смысловых, типов над содержательными при восприятии глянцевого текста как без иллюстраций, так и с иллюстрациями. При понимании вербального текста это соотношение составляет 86% смысловых реакций к 14% содержательных видов. При понимании поликодового текста – 87% релятивных реакций к 13% содержательных [Моисеева 2017].

Анализ экспериментальных данных с целью построения модели понимания включал как количественный этап, позволивший выявить наиболее частотные виды реакций, составившие ядро модели, так и качественный. Одним из аспектов качественного анализа было выявление содержательных и релятивных, или смысловых, видов реакций согласно принципам оригинальной методики.

По данным исследования И.В. Кирсановой, при понимании научно-популярного текста 40% используемых испытуемыми стратегий составляют стратегии с равным соотношением содержательных и смысловых (релятивных) реакций, т.е. характеризующиеся их равновесием. Другие 40% приходятся на стратегии с преобладанием содержательных видов реакций. Смысловые виды реакций доминируют в 20% стратегий [Пешкова, Авакян, Кирсанова, Рыбка 2010: 110].

Особенности понимания текста Библии проявляются в явном преобладании во «встречных текстах» реципиентов, и соответственно в их стратегиях понимания, реакций смыслового типа, в том числе оценочного характера (более 50%) [Давлетова 2012].

Таким образом, сравнительный количественный и качественный анализ позволил увидеть, что процесс понимания научно-популярного текста сопровождается равновесием содержательных и смысловых реакций, составляющих стратегии, лежащие в основе модели понимания текстов данного типа. В отношении понимания научного текста можно говорить об относительном преобладании содержательных реакций, по данным самого А.И. Новикова [2003] и по нашим результатам [Пешкова 2015].

Это еще раз подтверждает наше предположение о том, что тип текста играет далеко не последнюю роль в выборе стратегий его понимания, и что общая модель

понимания должна строиться на локальных моделях, связанных с различными типами речевых произведений. В денотатных структурах научного и научно-популярного типов текстов содержательный аспект либо доминирует, либо находится в отношениях равновесия со смысловым аспектом, и это может влиять на соотношение реакций «встречного текста» испытуемых.

Текст Библии, как известно, относится к типу речевых произведений без жестких смысловых направляющих, регулирующих процесс понимания, что создает большой интерпретационный потенциал подобных типов текстов и побуждает реципиента к проявлению различных смысловых реакций.

Модель понимания текстов глянецовых журналов, предложенная в исследовании А.В. Моисеевой, демонстрирует эту тенденцию в еще большей степени. Как мы упоминали выше, на смысловые реакции в модели приходится 86%-87% [Моисеева 2017].

Одно из последних исследований в рамках обсуждаемого проекта на сегодня – диссертационное исследование А.С. Титловой – посвящено изучению особенностей восприятия интернет-текстов с целью разработки локальной модели понимания, функционирующей в интернет-коммуникации [Титлова 2018]. Это единственное исследование в русле уфимского направления, в котором не проводился эксперимент как таковой. Материалом для изучения в данной работе стали комментарии пользователей микроблогов, представляющие собой «встречные тексты», порождаемые не по правилам эксперимента, а в условиях естественной интернет-коммуникации. При этом, как показал анализ, все они представляют собой те же самые виды реакций, выявленные и описанные в оригинальной методике А.И. Новикова.

Количественный и качественный анализ данных в соответствии с методом «встречного текста» позволил исследователю построить модель понимания, в которой общее число смысловых реакций достигает 92,6% [Титлова 2018]. Это, безусловно, отличает модель понимания интернет-текста от всех предыдущих, однако и данной модели присущи общие закономерности, выявленные ранее на материале упоминаемых выше других типов текстов.

Нужно отметить, что свой вклад в построение интерактивной модели понимания письменного текста внесли еще две диссертационные работы, одна из которых была посвящена экспериментальному изучению соотношения эксплицитной и имплицитной информации в процессе понимания [Анохина 2010]; а другая – исследовала вторичность как онтологическую характеристику текста на материале учебного дискурса [Яхибаева 2009].

Сегодня мы можем констатировать, что проект уфимского направления «Школы А.И. Новикова» достиг определенных результатов и продолжает свое развитие в русле исследований различных аспектов понимания текста. Можно считать законченными разработки локальных моделей понимания на материале научного и научно-популярного текстов, Библии и глянецовых журналов, интернет-текстов.

Однако построение полной интерактивной модели понимания текстов различных типов на сегодня не завершено, по мере продолжения работы в нее вносятся и, вероятно, будут вноситься дополнения и изменения. Так, в 2017 г. И.Х. Мигранова защитила диссертацию, посвященную изучению гендерных особенностей восприятия текста и имеющую междисциплинарный характер. Исследование осуществля-

лось на методологической базе теории текста и его смысла А.И. Новикова с привлечением достижений современной гендерной лингвистики.

Условия и задачи организации эксперимента в данном исследовании ориентировали испытуемых на проявление гендерных ожиданий, присущих их языковому сознанию, посредством вербальных реакций «встречного текста» – это смысловые реакции оценки, мнения, прогнозирования, ассоциации. Нужно сказать, что сам метод в полной оригинальной форме в работе не использовался.

Следуя теории А.И. Новикова, под смыслом в диссертации понимается проекция языкового сознания реципиента на содержание текста. И.Х. Мигранова убедительно показывает, что действующий в процессах понимания гендерный компонент, безусловно, относится к смыслу, а гендерные ожидания реципиентов представляют собой смысловую проекцию гендерно-ориентированного сознания реципиента на понимание информации.

Автор диссертации приходит к выводу о том, что имеются все основания говорить о необходимости включения гендерного компонента в модель понимания текста, разрабатываемую на основе метода «встречного текста». Через смысловые реакции оценки, мнения, прогнозирования, ассоциирования, отражающие «вмешательство» гендерных ожиданий адресата в общий процесс понимания, реализуются гендерные механизмы восприятия, что должно найти отражение и в общей модели понимания текста [Мигранова 2017].

Таким образом, интерактивная модель понимания, основанная на методе «встречного текста», представляется нам открытой системой и, как можно предположить, имеет перспективы дальнейшей жизни.

Последнее монографическое исследование коллектива уфимской группы экспериментаторов посвящено изучению воздействующего потенциала текстов различных типов. Теоретическую базу исследования составляют принципы психолингвистики текста, отражающие различия в содержательной и смысловой организации речевых произведений, обуславливающие степень вербального воздействия их конкретных типов на адресата информации [Пешкова, Давлетова, Моисеева, Титлова 2017].

В заключение отметим тот факт, что метод «встречного текста» и денотативный метод анализа содержания текста А.И. Новикова могут дополнять друг друга как в исследовании содержательно-смысловых особенностей речевых произведений различных типов, так и в изучении механизмов и законов понимания текста любого типа. Одновременно в одном исследовании эти два метода пока «не встречались», и их возможная «встреча», на наш взгляд, намечает новые перспективы и новые проекты в русле направления «Школы А.И. Новикова», в том числе с привлечением современных компьютерных технологий для изучения содержательных и смысловых структур организации текста.

Литература

Авакян А.А. Механизмы и стратегии понимания и перевода иноязычного текста (на материале анализа вариантов перевода научно-популярного текста на английском языке): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2008. 26 с.

Анохина Н.В. Имплицитность как компонент структуры содержания текста и составляющая процессов его понимания: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2010. 23 с.

Богословская И.В. Научно-популярный текст: сложность понимания: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001. 18 с.

Васильева Н.В. Предисловие к сборнику «Проблемы прикладной лингвистики-2» // Проблемы прикладной лингвистики-2. Выпуск 2. М.: Институт языкознания РАН, 2004. С. 3-7.

Вахитова Г.В. Способы передачи внутренней экспрессивности текста (на материале юридической литературы на русском и английском языках): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007. 30 с.

Давлетова Я.А. Психолингвистическое исследование особенностей понимания библейских текстов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2012. 19 с.

Даутова Г.Х. Когнитивная модель типологического анализа текста делового письма (на материале русского и английского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004. 24 с.

Кирсанова И.В. Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007. 21 с.

Матвеева Н.В. Механизмы формирования смысла и содержания текста в процессе его понимания (на материале анализа вторичных письменных текстов школьников 12-16 лет): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004. 22 с.

Мигранова И.Х. Исследование гендерных особенностей восприятия текста (на материале научной литературы): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2017. 23 с.

Моисеева А.В. Исследование психолингвистических особенностей восприятия и понимания текста глянцевого журнала: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2017. 24 с.

Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация: монография. М.: Наука, 1983. 216 с.

Новиков А.И. Текст, смысл и проблемная ситуация // Вопросы филологии. 1999а. № 3. С. 43-48.

Новиков А.И. Смысл: семь дихотомических признаков // Теория и практика речевых исследований. М.: МГУ, 1999б. С. 132-144.

Новиков А.И., Зотова А.К. Смысловая составляющая проекции текста: опыт экспериментального исследования // Проблемы психолингвистики: теория и эксперимент. М.: Институт языкознания РАН, 2001. С. 234-247.

Новиков А.И. Доминантность и транспозиция в процессе осмысления текста // Проблемы прикладной лингвистики. Вып. 1. М.: Институт языкознания РАН, 2002. С. 155-180.

Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 64-76.

Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты: монография / Под ред. Н.В. Васильевой, Н.М. Нестеровой, Н.П. Пешковой. М.: Институт языкознания РАН, 2007. 224 с.

Пешкова Н.П. Лингвистические характеристики текстов как основания для их классификации (на материале научных технических, учебных текстов): дисс. ... канд. филол. наук. М., 1987. 216 с.

Пешкова Н.П. Типология научного текста: психолингвистический аспект. Уфа: Изд-во УГАТУ, 2002а. 261 с.

Пешкова Н.П. Психолингвистические аспекты типологии научного текста: дисс. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2002б. 353 с.

Пешкова Н.П. Смысл текста и его многозначность // С любовью к тексту: коллективная монография, посвященная памяти А.И. Новикова / Под ред. Н.П. Пешковой, Н.Л. Сунцовой и др. Уфа: Восточный университет, 2006. С. 39-51.

Пешкова Н.П., Авакян А.А., Кирсанова И.В., Рыбка И.Н. Текст и его понимание: теоретико-экспериментальное исследование в русле интегративного подхода: монография / Под ред. Н.П. Пешковой. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. 268 с.

Пешкова Н.П. Типология научного текста: психолингвистический аспект (на материале научных, научно-популярных и технических текстов): монография. 2-е изд., доп. и перераб. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. 292 с.

Пешкова Н.П., Давлетова Я.А., Моисеева А.В., Титлова А.С. Текст как инструмент вербального воздействия: психолингвистическое исследование на материале текстов различных типов: монография / Под ред. Н.П. Пешковой. Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. 327 с.

Сунцова Н.Л. Лингвистическая модель порождения вторичного текста: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1995. 22 с.

Титлова А.С. Микроблог как вид интернет-текста: аспект понимания: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2018. 25 с.

Яхиббаева Л.М. Вторичность как онтологическая характеристика учебного текста и дискурса: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2009. 26 с.

THE PROJECT: "TEXT PSYCHOLINGUISTICS. TEXT AND ITS SENSE: REGIONAL INVESTIGATIONS OF THE A.I. NOVIKOV SCHOOL"

In Memoriam A.I. Novikov (1938-2003)

Natalia P. Peshkova

Doctor of Philology, Professor

Head of Foreign Languages Department for Natural Science Faculties

Bashkir State University

32, Zaki Validi Str, Ufa, 450076

peshkovanp@rambler.ru

The present paper considers the Ufa regional project implemented within the Moscow "A.I. Novikov School" which has been founded since the 80-ies of the last century till the early 2000-s. A.I. Novikov has developed a new approach in text semantics studies, one of its achievements being the method of denotative text analysis and the denotation graph as an instrument of revealing internal semantic structures of the text content.

During the last years of his life A.I. Novikov has been developing his theory of text and its sense named by the author himself as “text psycholinguistics”.

The studies of the Ufa branch researchers from the “A.I. Novikov School” have implemented both the method of denotative text analysis providing some achievements in investigating the mechanisms of constructing text content and text sense functioning in the processes of information perception, and the “internal/counter text” method contributing to the development of the general and local interactive models of different text-types comprehension. Some results of these investigations obtained by the representatives of the Ufa approach working within the “text psycholinguistics” are discussed in the present paper.

Keywords: text semantics, text psycholinguistics, denotative method of text analysis, denotation graph, “internal/counter text” method, text comprehension model

References

Avakyan A.A. (2008) Mekhanizmy i strategii ponimaniya i perevoda inoyazychnogo teksta (na materiale analiza variantov perevoda nauchno-populyarnogo teksta na agliijskom yazyke) [Mechanisms and Strategies of Foreign Text Comprehension and Translation (based on the analysis of variants of the English scientific-popular texts translation)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ufa. 26 P. Print. (In Russian).

Anokhina N.V. (2010) Implitsitnost' kak komponent struktury sodержaniya teksta i sostavlyayush'aya protsessov yego ponimaniya [Implicitness as a Component of Text Content Structure and a Constituent of its Comprehension Processes]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ufa. 23 P. Print. (In Russian).

Bogoslovskaya I.V. (2001) Nauchno-populyarnyj tekst: slozhnost' ponimaniya [Scientific-Popular Text: Complexity of Comprehension]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 18 P. Print. (In Russian).

Vasil'yeva N.V. (2007) Predisloviye k sborniku “Problemy prikladnoy lingvistiki-2”. [Introduction to the Proceedings “Problems of Applied Linguistics-2”]. Problemy prikladnoy lingvistiki-2 [Problems of Applied Linguistics. Issue 2]: 3-7. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. Print. (In Russian).

Vakhitova G.V. (2007) Sposoby peredachi vnutrennej ekspressivnosti teksta (na materiale yuridicheskoy literatury na russkom i agliijskom yazykah) [Ways of Rendering Text Internal Expressiveness (based on the English and Russian Law literature)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ufa. 30 P. Print. (In Russian).

Davletova Ya.A. (2012) Psikhologicheskoye issledovanie osobennostej ponimaniya bibleiskikh tekstov [Psycholinguistic Investigation of Comprehension of the Bible Texts]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2012, 19 p. Print. (In Russian).

Dautova G.H. (2004) Kognitivnaya model' tipologicheskogo analiza teksta delovogo pis'ma (na materiale russkogo i agliijskogo yazykov) [Cognitive Model for Typological Analysis of the Business Letter Text (based on the Russian and English Languages)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ufa. 24 P. Print. (In Russian).

Kirsanova I.V. (2007) Mnogoznachnost' semantiki teksta kak realizatsiya individualnykh strategiy ponimaniya [Multi-meaning of Text Semantics as Implementation of Individual Comprehension Strategies]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ufa. 21 P. Print. (In Russian).

Matveyeva N.V. (2004) *Mekhanizmy formirovaniya smysla i sodержaniya teksta v protsesse yego ponimaniya (na materiale analiza vtorichnykh pis'mennykh tekstov shkol'nikov 12-16 let)* [Mechanisms of Text Sense and Text Content Generating in the Process of Its Comprehension (based on the analysis of written texts produced by schoolchildren of 12-16 years old)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ufa. 25 P. Print. (In Russian).

Migranova I.H. (2017) *Issledovaniye gendernykh osobennostey vospriyatiya teksta (na materiale nauchnoy literatury)* [Investigation of the Gender Peculiarities of Text Comprehension (based on scientific literature)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2017, 23 P. Print. (In Russian).

Moiseyeva A.V. (2017) *Issledovaniye psikholingvistikicheskikh osobennostey vospriyatiya i ponimaniya teksta glyantzevogo zhurnala* [Investigation of Psycholinguistic Peculiarities of Glamour Journal Texts Perception and Comprehension]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ufa. 24 P. Print. (In Russian).

Novikov A.I. (1983) *Semantika teksta i yego formalizatsiya* [Text Semantics and its Formalisation]. Moscow: Nauka. 216 p. Print. (In Russian).

Novikov A.I. (1999a) *Tekst, smysl i problemnaya situatsiya* [Text, Sense, and Problematic Situation], *Voprosy Filologii* [Journal of Philology] 3: 43-48. Print. (In Russian).

Novikov A.I. (1999b) *Smysl: sem' dikhotomicheskikh priznakov* [Sense: Seven Dichotomy Characteristics] // *Teoriya i praktika rechevykh issledovaniy* [Theory and Practice Of Speech Investigations: Collected Articles]: 132-144. Moscow. Print. (In Russian).

Novikov A.I., Zotova A.K. (2001) *Smyslovaya sostavlyayush'aya proyektseyi teksta: opyt eksperimental'nogo issledovaniya* [Sense Constituent of Text Projection: the Experience of the Experimental Research] *Problemy psikholingvistiki: teoriya i eksperiment* [Problems of Psycholinguistics: Theory and Experiment]: 155-180. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. Print. (In Russian).

Novikov A.I. (2002) *Dominantnost' i transpozitsiya v protsesse osmysleniya teksta* [Dominant and Transposition in the Process of Text Comprehension] *Problemy Prikladnoy Lingvistiki* [Problems of Applied Linguistics. No.1]: 155-180. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. Print. (In Russian).

Novikov A.I. (2003) *Tekst i "kontr-tekst": dve storony protzessa ponimaniya* [Text and "Counter-text": Two Aspects of Comprehension Process] *Voprosy Psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics, No3]: 64-76. Print. (In Russian).

Novikov A.I. (2007) *Tekst i yego smyslovyye dominanty* [Text and its Sense Dominants]. Ed. by N.V. Vasilyeva, N.M. Nesterova and N.P. Peshkova. Moscow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. 224 P. Print. (In Russian).

Peshkova N.P. (1987) *Lingvisticheskiye kharakteristiki tekstov kak osnovaniya dlya ikh klassifikatsii (na materiale nauchnykh, tekhnicheskikh tekstov i uchebnykh tekstov)* [Linguistic Characteristics of the Texts as the Basis for their Classification (based on scientific, technical texts and text-books). Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 216 P. Print. (In Russian).

Peshkova N.P. (2002a) *Tipologiya nauchnogo teksta: psikholingvistikicheskij aspekt* [Scientific Text Typology: Psycholinguistic Aspect], Ufa: Ufa State Aviation Technical University. 261 P. Print. (In Russian).

Peshkova N.P. (2002b) Psicholinvisticheskiye aspekty tipologii nauchnogo teksta [Psycholinguistic Aspects of Scientific Text Typology]. Dis. ... d-ra. filol. nauk. Ufa. 353 P. Print. (In Russian).

Peshkova N.P. (2006) Smysl teksta i yego mnogoznachnost'. S lyubov'yu k tekstu [Text Sense and Its Multi-Meaning. To the Text with Love. Monograph in Memoriam Professor A.I. Novikov. Ed. by N.P. Peshkova, N.L. Suntzova et.al.]: 39-51. Ufa: Vostochnyj Universitet. Print. (In Russian).

Peshkova N.P. Avakyan, A.A., Kirsanova I.V., Rybka I.N. (2010) Tekst i yego ponimaniye: teoretiko-eksperimental'noye issledovaniye v rusle integrativnogo podkhoda [Text and its Comprehension: Theoretical and Experimental Research within the Integrative Approach]. Ufa: Bashkir State University. 268 P. Print. (In Russian).

Peshkova N.P. (2015) Tipologiya nauchnogo teksta: psicholinvisticheskij aspekt (na materiale nauchnykh, nauchno-populyarnykh i tekhnicheskikh tekstov) [Scientific Text Typology: Psycholinguistic Aspect (based on scientific, scientific-popular and technical texts)]. 2-nd edition. Ufa: Bashkir State University. 292 P. Print. (In Russian).

Peshkova N.P., Davletova Ya.A., Moiseyeva A.V., Titlova A.S. (2017) Tekst kak instrument verbal'nogo vozdeystviya: psicholinvisticheskoye issledovaniye na materiale tekstov razlichnykh tipov [Text as an Instrument of Verbal Impact: psycholinguistic investigation based on different text-types]. Edited by N.P. Peshkova. Ufa: Bashkir State University. 327 P. Print. (In Russian).

Suntzova N.L. (1995) Lingvisticheskaya model' porozhdeniya vtorichnogo teksta [Linguistic Model of the Secondary Text Productio]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 22 P. Print. (In Russian).

Titlova A.S. (2018) Mikroblog kak vid internet-teksta: aspekt ponimaniya. [Microblog as a Type of Internet-Text: Comprehension Aspect]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ufa. 25 P. Print. (In Russian).

Yakhibbayeva L.M. (2009) Vtorichnost' kak ontologicheskaya kharakteristika uchebnogo teksta i diskursa [Secondness as the Ontological Characteristic of the Educational Text and Discourse]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ufa. 26 P. Print. (In Russian).

Иоанесян Евгения Рафаэлевна

ведущий научный сотрудник

Институт языкознания РАН

Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр.1

ioanevg@mail.ru

Данная работа посвящена описанию способов номинации разочарования в нескольких языках, которые прослеживаются во внутренней форме слов и синхронной полисемии. В работе автор опирается на понятие семантического перехода в том его виде, в каком он используется авторами «Каталога семантических переходов», разрабатываемого в настоящее время лингвистами Института языкознания Российской академии наук, а именно как о совмещении в пределах одного слова двух разных значений – в форме либо синхронной полисемии, либо диахронической семантической эволюции». Материалом для исследования послужили предикаты, обозначающие разочарование в разных языках – русском, латинском, французском, испанском, итальянском, немецком и польском. Автор показывает, что семантические переходы, отражающие пути семантической эволюции рассматриваемых предикатов, опираются на компоненты прототипического сценария эмоции разочарования. Представленные в статье модели семантической деривации дают материал для выявления как универсальных, так и специфических черт картины мира конкретного языка. Исследование опирается на большой корпус толковых и этимологических словарей. Актуальность исследования обусловлена тем, что оно выполнено в русле таких направлений, как построение объяснительных моделей языка, семантической типологии, изучения языковой картины мира.

Ключевые слова: семантические переходы, семантическая типология, внутренняя форма слова, полисемия, языковая картина мира

Введение

Статья продолжает серию наших исследований, посвященных способам номинации разных эмоций в языке (см., [Иоанесян 2015, 2017]). В данном случае объектом нашего рассмотрения является разочарование. Материалом для исследования послужили предикаты, обозначающие эту эмоцию в русском, латинском, французском, испанском, итальянском, немецком и польском языках. Как и в предыдущих наших работах, в качестве инструмента описания выбран аппарат семантических переходов, т.е. семантических отношений вида 'a' → 'b', с указанием конкретных лексем (как минимум двух), в которых данный семантический переход представлен – синхронно или диахронически [Зализняк 2006: 401]. Исследование опирается на большой корпус толковых и этимологических словарей.

¹ Работа подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект А-18-012-00736).

Как показало наше исследование, в основе номинации разочарования или соответствующей полисемии могут лежать компоненты прототипической ситуации разочарования, а именно – причины, вызывающие ее.

Разочарование может быть обусловлено разными причинами. Среди основных следует назвать следующие:

1. Осознание человеком, что его обманули, в частности, обманули его надежды, его ожидания: «Разочарование – неприятное переживание в связи с обнаружением в ком-л., чем-л. любимом, приятном плохих сторон или меньшего, чем ожидалось, предполагалось» [Филиппов, Романова, Летягова 2011]». Смысл ‘ожидание’ входит в качестве строевого компонента в семантику многих слов, среди которых – предикаты со значением ‘разочарование’: «На роль строевого компонента претендует компонент «ожидание», который входит в семантику большого числа самых разных слов: *спас, предотвратил* ⊃ ‘ожидалось, что будет плохое’; *удовлетворен X-ом* = ‘X соответствует ожиданиям’; *разочаровался в X-е* ⊃ ‘ожидал, что X лучше’» [Падучева 2004: 47].

2. Осознание человеком, что он совершил какую-то ошибку, «о бманулся». См., например, в [Апресян 2009: 387]: «*Обманываться* обозначает состояние, похожее на иллюзию: обнаружению ошибки обычно предшествует вера в то, что субъекта ожидает что-то хорошее для него; ср. *Я обманулся в своих лучших мечтах и надеждах*. Поэтому, когда ошибка обнаружена, субъект может испытывать чувство, близкое к разочарованию».

3. Какие-то неприятные, негативные события в жизни человека. Это могут быть, в частности, жизненные неудачи, осознание человеком, что он не достиг намеченной цели, что его поставили в затруднительное положение, что он потерпел поражение и т.п.: «Разочарование – неприятное психологическое состояние, эмоциональное переживание человека, связанное с какой-либо серьезной жизненной неудачей» [Немов 1999: 285], «Анализ эмоций как состояний, непременно имеющих в своей основе какую-то цель, представляется адекватным для таких эмоций, как разочарование или удовлетворение. Действительно, эти эмоции возникают как результат, соответственно, провала или реализации какой-то цели. А именно, разочарование может возникать, когда человек не достиг своей цели или как-то иначе обманывается в своих ожиданиях, а удовлетворение вызывается противоположным положением дел» [Апресян В. 1994: 83]².

Наш материал показывает, что перечисленные причины прототипической ситуации разочарования лежат в основе семантических переходов: ‘обман’ → (‘обманутые надежды/ожидания’) → ‘разочарование’, ‘ошибка’ → ‘разочарование’, ‘негативное событие’ → ‘разочарование’. Это подтверждает выдвинутую нами в более ранних работах гипотезу о том, что семантические переходы, отражающие пути семантической эволюции предикатов эмоционального состояния, опираются на компоненты прототипического сценария конкретной эмоции.

² Отметим, что в работе К. Изарда разочарование рассматривается и как причина, и как последствие чувства стыда [Изард 199: 352].

Семантические переходы

I. Семантический переход ‘обман’ – ‘разочарование’ представлен следующими предикатами:

1. Латинский глагол *decipere* (от *de* и *capere* ‘ловить’) имел значения ‘обманывать’, в том числе – ‘обманывать ожидания’, и ‘доставлять разочарование’: «[fig.] attraper, tromper, abuser: – *illa amphibolia, quae Cræsum decepit, vel Chrysippum potuisset fallere*, Cic. *Div. 2, 116*, cette ambiguïté où Crésus se laissa prendre eût pu tromper Chrysippe lui-même; – *decipere expectationes*, Cic. *de Or. 2, 289*, tromper les attentes <> décevoir – *sunt qui ita pronuntiant festinatam sementem saepe decipere*, Plin. *18, 204*, il y a des gens qui prétendent qu’une semence hâtive cause souvent des déceptions» [DLFG] (см. список сокращений в конце статьи). Аналогичные значения имело и существительное *deceptio*: «*déception, tromperie*. – Aug. *Civ. 22, 22*» [там же].

У французского глагола *décevoir* (от лат. *decipere*) отмечается устаревшее значение ≈ ‘обманывать, обольщать’, значение ‘обманывать’ в сочетании со словами *la confiance, l’attente, les espérances* – ‘обманывать доверие, ожидание, надежды’, и значение ‘разочаровывать’: «XIIe; lat. *decipere* «tromper». 1 ♦ Vx. Tromper, séduire par une apparence engageante, par qqch. de spécieux. 2 ♦ (XVIe) Mod. Littér. Ne pas répondre à (une attente). => *frustrer. Décevoir la confiance, l’attente, les espérances de qqn.* => *tromper*. ♦ (XIXe) Cour. Tromper (qqn) dans ses espoirs; donner une impression moins agréable que l’impression attendue. => *désappointer. Cet élève m’a déçu*» [PR]. Значение ‘разочарование’ имеет и отглагольное существительное *déception*.

Значение ‘разочарование’ и ‘разочаровывать’ имеют и испанские и португальские когнаты французских единиц. Исп. *decepción* и *decepcionar*. *Decepción*: «Del lat. tardío *deceptio, -ōnis*. 1. f. Pesar causado por un desengaño. 2. engaño (l falta de verdad)» [DRAE]. *Decepcionar*: «Desengañar, desilusionar» [DRAE]. Порт. *decepção* и *decepcionar*. *Decepção*: «[F.: Do lat. *deceptio, onis*.] Sentimento de tristeza ou frustração ante o fracasso de expectativas (decepção amorosa); DESAPONTAMENTO; DESILUSÃO» [DCA]. *Decepcionar*: «Provocar ou sofrer decepção; DESAPONTAR; DESILUDIR [td.: *Sua irresponsabilidade decepçiona os pais*]» [там же].

2. Исп. *chasco* имеет значения ‘шутка / обман’ и ‘разочарование’: «*Decepción que provoca un suceso contrario a lo esperado: nos llevamos un chasco al no recibir invitación*. Burla, engaño que se hacen a alguien» [ELM]; «(Voz onomat.) 1. m. Burla o engaño que se hace a alguien. 2. *Decepción que causa a veces un suceso contrario a lo que se esperaba. Buen chasco se ha llevado Mariano*» [DRAE].

3. Латинский глагол *deludere* выступал в значении ‘обманывать; насмехаться’ [JPC]: «se jouer de, abuser, tromper: Cic. *Agr. 2, 79*; Hor. *S. 2, 5, 56*» [DLFG]; «~ *me dolis, il me trompe avec ses ruses*, Ter. Andr. 3, 4,4» [GDL]. Данный предикат употреблялся также со словами, имеющими значение ‘надежда’, ‘ожидание’: «au fig. *Quem spes delusit, huic querela convenit, quand on est trompé dans ses espérances, on peut se plaindre, Phoedr. 5. 7. 7*» [GDL]³.

Итальянский глагол *deludere* восходит к вышеназванному латинскому глаголу:

³ В статье развиваются идеи, заложенные в наших более ранних работах (см. [Иоанесян 2016]), и мы сочли возможным повторить в расширенном виде материал о предикатах *to disappoint, disappointment, désappointer* и *deludere* из указанных сочинений.

«[dal lat. *deludĕre* «prenderi gioco», der. di *ludus* «gioco [VT]. Итальянский предикат имеет значение ‘обманывать’ [СМИ], сочетается со словами *speranza* ‘надежда’, *aspettativa* ‘ожидание’: *deludere le speranze* обмануть надежды’ [там же]. У глагола также есть значение ‘разочаровывать’: «1. *Venire meno alle aspettative e alle speranze suscitate in qualcuno: quel ragazzo mi ha deluso; non d. le mie speranze*; 2. ant., lett. *Illudere, ingannare*» [GDH]; «*Rendere vane le speranze, venire meno all’aspettativa di qualcuno: lo spettacolo mi ha profondamente deluso*» [VT]; Приведем примеры на указанные употребления глагола из художественной литературы: (а) *Опять отмалчивание и улыбки. Но он не обманул. Имеются признаки, что условия жизни у нас действительно переменятся* (Борис Пастернак. Доктор Живаго (1945-1955)). *E di nuovo silenzi e sorrisi. Ma non ci ha delusi. Vi sono segni che le nostre condizioni effettivamente cambieranno* [НКРЯ]; (б) *Он не оправдал возложенного доверия* (Борис Пастернак. Доктор Живаго (1945-1955)). *Egli tuttavia deluse la fiducia riposta* [НКРЯ]; (в) *Il re ne rimase deluso, ma cercò di nascondere il suo disappunto e applaudì cortesemente il vincitore* (Valerio Massimo Manfredi. *Aléxandros III, il confine del mondo* (1998)). Царь остался разочарован, но постарался скрыть досаду и вежливо поаплодировал победителю [НКРЯ].

4. Немецкий глагол *enttäuschen* образован от глагола *täuschen* ‘обманывать’ и используется в значении ‘обмануть, не оправдать чьи-л. ожидания, доверие, надежды’: «*jmds. Hoffnung, Vertrauen enttäuschen*» [DWDS]; «*jemandes Hoffnungen, Erwartungen nicht erfüllen, sodass er unzufrieden, niedergeschlagen, verstimmt ist*» [Duden]. Глагол выступает также в значении ‘разочаровывать’: «*das Buch hat mich sehr enttäuscht*» [DWDS]; «*das Match enttäuschte*» [Duden]. Приведем примеры на последнее значение из литературы: (а) *Motiv war aber eher enttäuschend* (Patrick Süskind. *Das Parfum: Die Geschichte eines Mörders* (1985)). Но рисунок скорее разочаровывал [НКРЯ]; (б) *Sie haben uns alle eben schrecklich enttäuscht* (Heinrich Böll. *Ansichten eines Clowns* (1963)). Дело в том, что вы нас очень сильно разочаровали [НКРЯ].

5. Французский глагол *attraper* (исходное значение – ‘поймать’) используется в значении ‘обмануть, провести кого-л.’, «*Attraper qqn. Tromper, duper*» [TR], например: (а) *Mais vous m’attrapez, monsieur, dit le Commis-Voyageur, ceci est du vin de Madère, vrai vin de Madère* (Honoré de Balzac. *L’illustre Gaudissart* (1832)). Вы меня провели, сударь, — сказал коммивояжер, ведь это мадера, настоящая мадера! [НКРЯ]; (б) *Mais nous autres Vénitiens, nous connaissons tous les jeux, et on ne nous attrape pas comme cela* (Sand, George. *Consuelo. Tome II*). Но нам, венецианцам, знакомы всякие проделки, и нас не так-то легко провести [https://www.lingvolive.com]. В разговорной речи у глагола отмечается значение ‘разочаровывать’: «(XIIIe) Fig. *Tromper par une ruse, un artifice. => abuser, duper. Il m’a bien attrapé* (cf. fam. *Il m’a eu*). => *attrape-nigaud. Elle s’y est laissé attraper. ♦ Être attrapé, bien attrapé: avoir subi une déception, une surprise désagréable (qu’on ait été trompé ou non)*» [PR].

6. Испанский глагол *defraudar*, образованный от лат. *defraudare* ‘обманывать, обманым путем обобрать’ [ЛРС], кроме значения, соответствующего значению латинского предиката, имеет значение ‘разочаровывать’: «1) отнимать; обманом лишать (чего-либо); 4) см. *decepcionar*» [ИСПС]; «1. tr. *Privar a alguien, con abuso de su confianza o con infidelidad a las obligaciones propias, de lo que le toca de derecho.*

2. Frustrar, desvanecer la confianza o la esperanza que se ponía en alguien o en algo» [DRAE]. Приведем два примера из художественной литературы: (а) *Era una el disgusto, quizás el enojo de su padre, a quien había defraudado en sus más caras esperanzas* (Juan Valera. Pepita Jiménez (1874)). Первое заключалось в том, что он мог вызвать неудовольствие, а может быть, и гнев отца, надежды которого он жестоко обманул [НКРЯ] (б) *Los conquistadores llegaron a sentirse defraudados, de ahí el mito del Dorado, que potenciaron las autoridades para quitarse encima a esos hombres hambrientos de oro* (César Cervera. «Francisco Pizarro no era un genocida: eso lo fueron los ingleses» ((www.abc.es) (2016.05.08)). Конкистадоры были и разочарованы, отсюда и миф об Эльдorado, который с удовольствием подхватил и власти для того, чтобы избавиться от этих людей, жаждущих золота [НКРЯ].

II. Семантический переход ‘ошибка’ → ‘разочарование’:

1. Исходное значение французского существительного *mécompte* – ‘ошибка’: «mesconte v. 1200; de l’a. fr. *mécompter* «se tromper», de *mé-* et *compter*. 1. ♦ Vx. Erreur dans un compte, un calcul» [PR]. В XVII в. у него зафиксировано значение ‘разочарование’: «Espérance déçue. Synon. *déception, désillusion*; anton. *espoir. Avoir; produire du mécompte, s’exposer à des mécomptes*» [TR]. Приведем примеры на оба значения слова из литературы: (а) *M. de Vendôme, qui était un des coupeurs (au lansquenet), eut dispute avec un autre sur un mécompte de sept pistoles* (Saint-Simon, Mémoires, I. XV); (б) *En quoi la Corilla peut-elle le dédommager de ses mécomptes auprès du public?* (Balzac, Honore de / Honorine). – Как может Корилла утешить его в том, что публика в нем разочаровалась? [www.lingvolive.com].

2. Английский фразовый глагол *to slip up* – ‘ошибиться, совершить ошибку’: «to make a mistake. *If you slip up in copying the data, the final result will of course be wrong*» [MWD]. В австралийском варианте английского языка он имеет также значение ‘разочаровать’ (и к тому же значение ‘обмануть’) [НБАРС].

3. У английского существительного *balk* отмечаются значения ‘ошибка’, ‘промах, упущение’: «a miss, slip, or failure: *to make a balk*» [RHD] (следует отметить, что в некоторых словарях значение ‘ошибка’ дается с пометой ‘устар.’: «Obs. a blunder; error» [WNW]). Кроме того, у слова выделяется значение ‘разочарование’: «A frustration; disappointment» [WRU 1828], «разочарование ⇨ *to have a sad balk* – горько разочароваться» [НБАРС], «a disappointment 1733» [OUD]. Значение ‘разочаровывать’ мы находим и у глагола *to balk* в [WRU 1913]: «To disappoint; to frustrate» (см. также ниже, п. IV).

III. Семантический переход ‘негативное событие’ / ‘негативная ситуация’ → ‘разочарование’.

Переход представлен в истории английского глагола *to disappoint*, заимствованного из французского языка в значении ‘лишить кого-л. должности’. Затем, в конце XV в., у него зафиксировано значение ‘разочаровать’: «disappoint early 15c., “dispossess of appointed office”, from M.Fr. *desappointer* (14c.) “undo the appointment, remove from office” from *des-* (see DIS- (Cf. dis-)) + *appointer* “appoint” (see APPOINT (Cf. *appoint*)). Modern sense of “to frustrate expectations” (late 15c.) is from secondary meaning of “fail to keep an appointment”» [OED]. См. также в [WED]: «Disappoint comes from an early French word that means “to dismiss from an appointment or job”».

Показательно, что у отглагольного существительного *disappointment* 'разочарование' выделяется также значение 'неприятность / неприятная ситуация'. Таким образом, имел место еще один переход, теперь уже обратный – от значения 'разочарование' к значению 'негативное событие': (а) *There is huge disappointment but no crisis* (The Sun (2014)) [CED]; (б) \diamond *and he kept his head, found his temper, and changed his plan before the others had had time to realize the disappointment.* \diamond *That morning, finding that I was to be involved in the horrid disappointment he had prepared for the mutineers, he had run all the way to the cave, and leaving the squire to guard the captain, had taken Gray and the maroon and started, making the diagonal across the island to be at hand beside the pine* (Robert Louis Stevenson. *Treasure Island* (1883)). \diamond однако он не потерял головы, овладел собой и успел изменить план своих будущих действий, прежде чем прочие поняли, какая беда их постигла \diamond Но в то утро, когда он увидел меня в плену у пиратов (букв. 'обнаружив, в какую страшную беду я попал'. – Е.И.), он понял, что, узнав об исчезновении сокровищ, они выместят свою злобу на мне, поэтому он оставил сквайра охранять капитана, захватил с собой Грея и Бена Ганна и направился наперерез через остров, прямо к большой сосне [НКРЯ] (для упрощения понимания этого примера мы подчеркнули в оригинале и переводе отрывки, иллюстрирующие употребление глагола в рассматриваемом значении – ЕИ).

Семантический переход 'неудача' \leftrightarrow 'разочарование' можно проиллюстрировать следующими примерами:

Французское существительное *déconvenue* (XII в.) изначально имело значение 'неудача': «insuccès» XIIe; de *dé-* et *convenu*, p.p. de *convenir*» [PR]. В XIX в. у него фиксируется значение 'разочарование': «Désappointement causé par un insuccès, une mésaventure, une erreur» [PR], «1822 «désappointement»» [TR].

Обратный переход 'разочарование' \rightarrow 'неудача' ('разочаровать' \rightarrow 'потерпеть неудачу') имел место в португальском *decepcionar* (см. выше): «Ser um fracasso; sair-se mal em algo, frustrando todas as expectativas» [DCA]; «Não ter êxito» [DA].

Переход 'разочарование' \rightarrow 'неприятности' произошел во французском глаголе *déboire* (исходное значение – 'неприятный привкус во рту (от выпитого)'): 1) 'разочарование': «Impression pénible laissée par l'issue fâcheuse d'un événement dont on avait espéré mieux. => déception, déconvenue, désillusion» [PR]; «*Amer déboire; avoir; éprouver du déboire, des déboires*» [TR]; 2. 'неприятности': «*P. méton., souvent au plur. Événement qui suscite la déception. Synon. ennui, échec, épreuve. L'amertume profonde et durable que lui laissa ce déboire* (GIDE, *Journal*, 1948, p. 328)» [TR].

Семантический переход 'затруднительное положение' \leftrightarrow 'разочарование' ('ставить в затруднительное положение' \rightarrow 'разочаровывать') представлен английским фразовым глаголом *to let down*. В одном из своих употреблений он означает \approx 'подводить кого-л.', т.е. «неожиданно ставить в затруднительное, неловкое положение. отг. разг. Навлекать на кого-либо какие-либо беды, неприятности» [Ефремова]: «If something lets you down, it is the reason you are not as successful as you could have been. *Many believe it was his shyness and insecurity which let him down*» [CCA]. Глагол используется также в значении 'разочаровывать': «disappoint: *the plot lets you down at the end; afraid of letting his father down*» [MWD]. Приведем примеры на оба значения глагола из литературы: (а) *И чутье, никогда не*

обманывающее бывшего флибустьера, не подвело его и на сей раз (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929-1940)). And his intuition, which had never yet deceived the former freebooter, did not let him down this time either [НКРЯ]; (б) *They expected the rising succession of erode scenes; when these stopped, the readers stopped, too, and felt bored and let down* (Vladimir Nabokov. On a Book Entitled Lolita (1956)). Они ждали нарастающей серии эротических сцен; когда серия прекратилась, чтение прекращалось тоже, и бедный читатель почувствовал скуку и разочарование [НКРЯ].

У английского существительного *balk*, о котором мы писали в п. II., в [НБАРС], в [OUD] и некоторых других фиксируется также значение ‘поражение’: «defeat 1660» [OUD], «редк. поражение \diamond *to meet with a balk* – потерпеть поражение» [НБАРС].

Польский глагол *zawieść – zawodzić* сочетает значения ‘подвести кого-л’, ‘обмануть’, ‘оказаться безрезультатным’, кроме того, он используется в значении ‘разочаровать’:

(1) ‘подвести кого-л.’: «*nie zrobić tego, na co ktoś liczył*» [SJP], «*Dobrze, przełożę termin spłaty, ale proszę mnie nie zawieść, bo obie będziemy miały problemy. Nie zawiodę pani.* Okay, I’ll postpone the payment, but please don’t fail me or we’re both going to have serious problems. I won’t fail you. (Sous-titres de films/séries)» [<http://context.reverso.net>]. При этом речь может идти не только о человеке – может «подвести» ум, голос и т.п., например: (а) \diamond *и мне было нехорошо, у меня срывался голос, я невпопад отвечал, бледнел* (Гайто Газданов. Вечер у Клэр (1930)). \diamond *i było mi niedobrze, zawodził mnie głos, odpowiadałem od rzeczy, bladłem* [НКРЯ]; (б) *Moje um nie służy mi więcej* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (ч. 1) (1929-1940)). *Mój umysł mnie zawodzi* [НКРЯ]; (в) *Kto????!!! W tym miejscu wyobraźnia zawiodła* (Joanna Chmielewska. *Wszyscy jesteśmy podejrzani* (1966)). *Кто????!!! В этом месте воображение меня подвело* [НКРЯ].

(2) ‘обмануть’ – обмануть ожидания, чье-н. доверие, бдительность и т.п., и (в прономинальной форме) ‘ошибиться’: (а) «*Jednocześnie nie możemy w Europie zawieść tych oczekiwań.* Aujourd’hui en Europe, nous ne pouvons pas décevoir ces attentes (Parlement européen)» [<http://context.reverso.net>]; (б) *Tak ja rozumiem miłość, takiej spodziewałam się od ciebie i dawno już wiem, że się zawiodła* (Eliza Orzeszkowa. *Nad Niemnem* (1886-1887)). Вот как я понимаю любовь, вот какой любви я ожидала от тебя, но давно уже вижу, что ошиблась» [НКРЯ]; (в) *Tam on uznał, że przedczucie jego nie obmanęło. Beда случилась. Левий был в толпе и слышал, как прокуратор объявил приговор* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (ч. 1) (1929-1940)). *W Jeruzalaim dowiedział się, że przeczucie go nie zawiodło, że stało się nieszcześnie.* *Lewita był w tłumie i słyszał ogłaszającego Wyrok prokuratora* [НКРЯ].

(3) ‘оказаться безрезультатным, безуспешным’: «*o urzędzeniach, zmysłach, organizacji czegoś itp.: okazać się nieskutecznym*» [SJP]; «*nie stawać na wysokości zadania; nie udać się*» [DOS]; *Wszystko zawiodło* (Henryk Sienkiewicz. *Quo vadis* (1895-1896)). Да, все оказалось тщетным [НКРЯ].

(4) ‘разочаровать’ и (в прономинальной форме) ‘разочароваться’: «*rozczarować*» [DOS], «*doznać zawodu; rozczarować się; zniechęcić się*» [DOS]. Примеры: (а) *Masz pani dobrą twarz, więc jako doświadczony, poradzę ci, ile razy cierpisz, zawodzi cię*

wszystko, boli cię życie – uciekaj z miasta, idź w pola, oddychaj powietrzem czystym, kąp się w słońcu, wpatruj się w niebo, myśl o nieskończoności i módl się... a zapomnisz o wszystkim (Władysław Reymont. *Komediantka* (1896)). У вас хорошее лицо, и я как человек бывалый советую, всякий раз, когда страдаешь, разочаровываешься, когда удручает жизнь – беги из города, иди в поле, дыши чистым воздухом, купайся в лучах солнца, смотри на небо, думай о вечности, молись... и забудешь обо всем [НКРЯ]; (б) *Wiele razy zawiódł się i nie chce zbyt tanich pocieszeń, które zostawiają później tym większe przygnębienie*. [Czesław Miłosz. *Zniewolony umysł* (1953)). Много раз он разочаровывался и не хочет слишком дешевых радостей, оставляющих потом еще большую удрученность [НКРЯ].

Значение 'разочарование' имеет и существительное *zawód*: «niemiłe uczucie, jakie się pojawia, kiedy nie stało się coś, na co człowiek czekał (ждать) i czego pragnął» [WSJP]. Примеры: (а) – *Nie podobało się wam... – powtórzyła przeciągle, jakby z zawodem* [Zofia Kossak. *Król trędowaty* (1937)). – Так вам не понравилось... – разочарованно протянула Сибилла [НКРЯ]; (б) *Nie miał zresztą większej nadziei, aby mógł się czegokolwiek dowiedzieć. Był przygotowany na jeszcze jeden zawód* (Jerzy Andrzejewski. *Popiół i diament* (1948)). Впрочем, он не возлагал на это посещение особых надежд и заранее приготовился к новому разочарованию [НКРЯ].

У французского глагола *échauder* словари фиксируют синкретичное значение ≈ 'причинить кому-л. вред, разочаровать (и послужить уроком)': «Échauder: Faire du mal, attraper, décevoir et servir de leçon. *Un avorton (...) que d'anciennes aventures auraient échaudé* (BLOY, *Femme pauvre*, 1897, p. 10)» [TR]; «Se faire échauder, être échaudé: être victime d'une mésaventure, éprouver un dommage, une déception» [PR].

Заключение

Мы попытались представить способы номинации разочарования в нескольких языках, которые прослеживаются во внутренней форме слов и синхронной полисемии. Представленный материал свидетельствует о том, что в основе номинации разочарования или соответствующей полисемии лежат семантические переходы, опирающиеся на один из компонентов прототипической ситуации разочарования – на причину, вызывающую эту эмоцию. Мы выделили три основных причины указанного эмоционального состояния: 1) осознание человеком, что его обманули, обманули его надежды; 2) осознание человеком, что он совершил какую-то ошибку, «обманулся»; 3) какие-то неприятные, негативные события в жизни человека (жизненные неудачи, понимание, что человек не достиг намеченной цели, что его поставили в затруднительное положение, что он потерпел поражение, что его подвели и т.п.). Как показало исследование, проведенное на материале нескольких языков, перечисленные причины прототипической ситуации разочарования лежат в основе семантических переходов: 'обман' → ('обманутые надежды / ожидания') → 'разочарование', 'ошибка' – 'разочарование', 'негативное событие' – 'разочарование'. Полученные данные могут оказаться полезными при построении объяснительных моделей языка, семантической типологии, изучения языковой картины мира.

Следует оговорить, что мы не рассматривали «тривиальные» деривации вида итальянских *ingannare* и *disingannare*. *Ingannare* означает 'вести в заблуждение, обмануть' – обмануть противника, клиента, в частности, обмануть чьи-л. ожидания,

надежды и т.п. В соответствии со значением приставки *dis-* глагол *disingannare* означает 'вывести из заблуждения', в частности, 'разочаровать'. Аналогичные пары – исп. *engañar* и *desengañar*, франц. *illusionner* и *désillusionner*, ит. *illudere* и *disilludere* и т.п. По аналогичным соображениям мы не останавливались на парах *очаровать – разочаровать*, исп. *encantar – desencantar*, ит. *incantare – disincantare* порт. *encantar – desencantar* и т.п.

Литература

Апресян В.Ю. Эмоции: современные американские исследования // Семиотика и информатика. Вып. 34. М.: Всероссийский институт научной и технической информации РАН, 1994. С. 82-97.

Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т.1: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009. 568 с.

Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3-х томах. М.: АСТ, Астрель, Харвест, Lingua, 2006 [Электронный ресурс] // URL: //http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova (дата обращения: 24.01.2018).

Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 672 с.

Изард К. Психология эмоций / Перев. с англ. СПб.: Питер, 1999. 464с. [Электронный ресурс]. URL: //http://www.libok.net/writer /3949/kniga/ 11496/izard_kerrol_e/psihologiya_emotsiy (дата обращения: 24.01.2018).

Иоанесян Е.Р. Способы номинации страха в языке // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Вып. 7, 2015. М.: Институт языкознания РАН [Электронный ресурс] URL: //http://www.iling-ran.ru /library/ sborniki /for_lang/2015_07/5.pdf. (дата обращения: 24.01.2018).

Иоанесян Е.Р. Предикат: семантическая деривация и трансформации при переводе // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Вып. 8, 2016. М.: Институт языкознания РАН [Электронный ресурс] URL: // http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2016_08/6.pdf. (дата обращения: 24.01.2018).

Иоанесян Е.Р. Предикаты эмоционального состояния: прототипический сценарий и семантическая эволюция // Ученые записки Орловского государственного университета. № 3 (72), 2016. С. 160-166.

Иоанесян Е.Р. Модели семантической деривации в классе предикатов сожаления и раскаяния // Научный диалог, № 3, 2017. С. 31-44.

Иоанесян Е.Р. Удовольствие: способы номинации в языке // Вопросы психолингвистики, № 3 (33), 2017. С. 156-169.

ИСПС: Испанско-русский словарь / Н.В. Загорская, Н.Н. Курчаткина, Б.П. Нарумов и др. Под ред. Б.П. Нарумова. М.: Русский язык, 1988. 832 с.

ЛРС: Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. Изд. 2-е, переработ. и доп. М.: Русский язык, 1976 [Электронный ресурс]. URL: //http://radugaslov.ru/latin1.htm (дата обращения: 24.01.2018).

НБАРС: Новый большой англо-русский словарь: в 3-х т. / Апресян Ю.Д., Медникова Э.М., Петрова А.В. и др. / Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. М.: Русский язык, 1993–1994.

Немов Р.С. Основы психологического консультирования. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. 394с. [Электронный ресурс] URL: https://studfiles.net/pre-view/1209824 (дата обращения: 24.01.2018).

НКРЯ: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] URL: // <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения: 24.01.2018).

Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.

СМИ: Скворцова Н. А., Майзель Б. Н. Итальянско-русский словарь. Изд. третье. М.: Русский язык, 1977. 943 с.

Филиппов А.В., Романова Н.Н., Лелягова Т.В. Тысяча состояний души. Краткий психолого-филологический словарь. М.: Флинта, Наука, 2011. 424 с. [Электронный ресурс] URL: // <http://2013lib.ru/dictionary/976/word> (дата обращения: 24.01.2018).

ССА: Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary. 4th edition [Электронный ресурс] URL: // <http://www.diclib.com> (дата обращения: 24.01.2018).

CED: Collins English Dictionary. Copyright © Harper Collins Publishers [Электронный ресурс] URL: // <http://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 24.01.2018).

DA: Dicionário Aurélio (Dicionário da Língua Portuguesa, de Aurélio Buarque de Holanda Ferreira). Brasil, 2010 [Электронный ресурс] URL: // <http://dicionariodoaurelio.com> (дата обращения: 24.01.2018).

DCA: Dicionário Contemporâneo da Língua Portuguesa, de Caldas Aulete (Dicionário Caldas Aulete) [Электронный ресурс] URL: // <http://www.aulete.com.br> (дата обращения: 24.01.2018).

DLFG: Gaffiot F. Dictionnaire latin-français. Paris, 1934. On-line: [Электронный ресурс] URL: // <http://www.lexilogos.com/latin/gaffiot.php?q=> (дата обращения: 24.01.2018).

DOS: *Dobry słownik*. Żurowski S., Czesak A., Szalkiewicz Ł.: // <https://dobryslownik.pl> [Электронный ресурс] URL: <https://dobryslownik.pl> (дата обращения: 24.01.2018).

DRAE: Real Academia Española: Diccionario de la lengua española. Madrid, 2015 [Электронный ресурс] URL: // <http://dle.rae.es> (дата обращения: 24.01.2018).

Duden: Wörterbuchzugang Duden online [Электронный ресурс] URL: // <http://www.duden.de/woerterbuch> (дата обращения: 24.01.2018).

DWDS: Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts [Electronic resource]. [Электронный ресурс] URL: // <https://www.dwds.de> (дата обращения: 24.01.2018).

ELM: EL MUNDO. © Unidad Editorial Información General S.L.U. [Электронный ресурс] URL: <http://www.elmundo.es/diccionarios> (дата обращения: 24.01.2018).

GDH: Grande Dizionario Hoepli Italiano di Aldo Gabrielli. Copyright © Hoepli 2011 [Электронный ресурс] URL: // <http://dizionari.repubblica.it> (дата обращения: 24.01.2018).

GDL: Grand dictionnaire de la langue latine par Napoléon Theil, d'après le dictionnaire de William Freund. Traduit en Français. Paris: Librairie de Firmin-Didot, 1929 [Электронный ресурс] URL: // http://www.lexilogos.com/latin_dictionnaire (дата обращения: 24.01.2018).

MWD: Merriam-Webster's Online Dictionary, 11th Edition [Электронный ресурс] URL: // <http://www.m.-w.com> (дата обращения: 24.01.2018).

OED: Douglas Harper. Online Etymology Dictionary 2011–2015 [Electronic resource] / Douglas Harper. [Электронный ресурс] URL: <http://www.etymonline.com> (дата обращения: 24.01.2018)

OD: The Oxford Universal Dictionary on historical principles. Third edition, revised with addenda. Oxford University Press, Amen House, London E.C., 1955. 2515 p.

PR: Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française par Paul Robert. Paris: Dictionnaire LE ROBERT, 1970. 1969 p.

RHD: Random House Unabridged Dictionary, Copyright © 1997, by Random House, Inc. [Электронный ресурс] URL: <http://dictionary.infoplease.com> (дата обращения: 24.01.2018).

SJP: Słownik języka polskiego, red. W. Doroszewski, Warszawa 1958–1969. t. I–XI. [Электронный ресурс] URL: <http://sjp.pwn.pl/doroszewski> (дата обращения: 24.01.2018).

The Catalogue of Semantic Shifts as a Database for Lexical Semantic Typology / Anna A. Zalizniak, M. Bulakh, D. Ganenkov, I. Gruntov, T. Maisak, M. Russo // *Linguistics*. 2012. No 3. Pp. 633–669.

TR: Le Trésor de la langue française informatisé 2000 [Электронный ресурс] URL: <http://atilf.atilf.fr> (дата обращения: 24.01.2018).

VT: Vocabolario Treccani. Istituto dell'Enciclopedia Italiana. 2013// [Электронный ресурс] URL: <http://www.treccani.it/vocabolario> (дата обращения: 24.01.2018).

WED: *The Wordsmyth* English Dictionary-Thesaurus [Электронный ресурс] URL: <http://www.wordsmyth.net> (дата обращения: 24.01.2018).

WNW: Webster's New World College Dictionary. Fourth Edition [Электронный ресурс] URL: <http://websters.yourdictionary.com> (дата обращения: 24.01.2018).

WRU 1828: *Webster's* Revised Unabridged Dictionary (1828) [Электронный ресурс] URL: <http://1828.mshaffer.com> (дата обращения: 24.01.2018).

WRU 1913: *Webster's* Revised Unabridged Dictionary (1913) [Электронный ресурс] URL: <http://www.webster-dictionary.org> (дата обращения: 24.01.2018).

WSJP – Wielki słownik języka polskiego. Instytut Języka Polskiego PAN [Электронный ресурс] URL: <http://wsjp.pl> (дата обращения: 24.01.2018).

NAMING OF DISAPPOINTMENT IN LANGUAGE

Yevgeniya R. Ioanesyan

Leading Researcher

Institute of Linguistics

Russian Academy of Sciences

1/1 Bol'shoy Kislovsky per., Moscow, 125009 Russia

ioanevg@mail.ru

Modern linguistic research is characterized by an increased interest in the semantic analysis of emotions. The paper is devoted to the study of disappointment. The data for the study are the predicates denoting the disappointment in Russian, English, French, Italian, German, Spanish, Portuguese, Polish, and Latin. The different ways of naming this

emotion reflected in the inner form of the word and synchronic polysemy are considered. The present investigation is based on the notion of the semantic shift as it is used by the authors of the “Catalogue of Semantic Shifts”, that is currently being developed by the researchers at the Institute of Linguistics (Russian Academy of Sciences). The attention is paid to the major types of semantic transitions which lie at the basis of nomination of disappointment. The author showed that it is the prototypical situation of disappointment which underlies these transitions. The models of semantic transitions proposed in the paper allow to reveal universal and specific features of the picture of the world of a language. The relevance of research derives from the fact that it makes a contribution to constructing explanatory models of language, reconstruction of particular fragments of the language picture of the world and semantic typology.

Keywords: semantic shifts; semantic typology; inner form of word; polysemy; language picture of the world

References

Apresjan, V. Yu. (1994) Emotsii: sovremennye amerikanskije issledovanija [Emotions: Modern American Investigations]. *Semiotika I informatica* [Semiotics and Informatics] 34: 82-97. Moscow, Vserossijskij institut nauchnoj I technicheskoj informatsii RAN. Print. (In Russian).

Apresjan, Yu. D. (2009) Issledovanija po semantike i lexicographii [Studies on Semantics and Lexicography]. Moscow: Yazyki slavjanskih kultur. 568 P. Print. (In Russian).

Efremova T.F. (2006) Sovremennij tolkovyj slovar' ruskogo yazyka. V 3 t. [The Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language. In 3 vol.]. Moscow: Astrel', Harvest, Lingua. Web. URL:<http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova> (retrieval date: 24.01.2018).

Zaloznjak Anna A. Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ejo predstavlenija [Polysemy and Ways of its Representation]. Moscow: Yazyki slavjanskih kultur. 672 P. Print. (In Russian).

Izard K. (1999) Psihologija jemotsij [The Psychology of Emotions. Trans. from English]. Saint-Petersburg: Piter. 464 P. Web. URL:http://www.libok.net/writer/3949/kniga/11496/izard_kerrol_e/psihologiya.emotsiy (retrieval date: 24.01.2018). (In Russian).

Ioanesyan, E.R. (2015) Sposoby nominatsii straha v yazyke [Naming of Fear in Language]. *Linguistika i metodika prepodavanija inostranyh yazykov* [Linguistics and Methods of Teaching Foreign Languages] 7. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. Web. URL:http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2015_07/5.pdf (retrieval date: 24.01.2018). (In Russian).

Ioanesyan, E.R. (2016) Predikat: semanticheskaja derivatsija I transformatsii pri perevode [Predicate: Semantic Derivation and Transformations at Translation]. *Linguistika i metodika prepodavanija inostranyh yazykov* [Linguistics and Methods of Teaching Foreign Languages] 8. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. Web. URL:http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2016_08/6.pdf (retrieval date: 24.01.2018). (In Russian).

Ioanesyan, E.R. (2016) Predikaty emotsional'nogo sostojanija: prototipicheskij stsenarij i semanticheskaja evoljutsija [Emotive Predicates: Prototypical Scenario and

Semantic Evolution]. *Uchenyje zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Orel State University] 3 (72): 160–166. Print. (In Russian).

Ioanesyan, E.R. (2017) Modeli semanticheskoy derivatsii v klasse predikatov sozhalenija I raskajanija [Models of Semantic Derivation in Class of Predicates of Regret and Remorse]. *Nauchnyj dialog* [Scientific Dialogue] 3: 31-44. Print. (In Russian).

Ioanesyan, E.R. (2017) Udovolstvije: sposoby nominatsii v yazyke [Naming of Pleasure in Language]. *Voprosy psycholinguistiki* [Journal of Psycholinguistics] 3 (33): 156-169. Print. (In Russian).

ISRS: Ispansko-russkij slovar' (1988) [Spanish-Russian Dictionary] / Zagorskaja N.V., Kurchatkina N.N., Narumov B.P. Moscow: Russkij yazyk. 832 P. Print. (In Russian).

Dvoretckij I.H. (1976) LRS: Latinsko-russkij slovar' [Latin–Russian Dictionary] Moscow: Russkij yazyk. Web. URL:[http:// radugaslov.ru/latin1.htm](http://radugaslov.ru/latin1.htm) (retrieval date: 24.01.2018). (In Russian).

NBARS: Novyj bolshoj anglo–russkij slovar' V 3 t. (1993–1994) [New English – Russian Dictionary] / Apresjan, Yu. D., Mednikova E. M., Petrova i dr. Pod obshhim ruk. Yu. D. Apresjana. Moscow: Russkij Yazyk. Print. (In Russian).

Nemov R.S. (1999) Osnovy psychologicheskogo konsul'tirovanija [Foundations of Psychological Consulting]. Moscow: Gumanit. izd. tsentr Vlados. 394 P. Web. URL:<https://studfiles.net/preview/1209824>. (retrieval date: 24.01.2018).

NKRJA: Natsionalnyj korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus] Web. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (retrieval date: 24.01.2018).

Paducheva, E.V. (2004) Dinamicheskiye modeli v semantike leksiki [Dynamic Models in the Semantics of the word] Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury. 608 P. Print. (In Russian).

SMI (1977): Skvortsova N. A., Majzel' B.N. Ital'jansko-russkij slovar' [Italian-Russian Dictionary]. Izd. tretjje. Moscow: Russkij yazyk. 943 P. Print. (In Russian).

Filippov A. V., Romanova N. N., Letjagova T. V. (2011) Tysiacha sostojanij dushi. Kratkij psihologo-philologicheskij slovar' [Thousand States of Mind. A Quick-reference Psycho-philological Book]. Moscow: Flinta, Nauka. 424 P. Web. URL:<http://2013lib.ru/dictionary/976/word> (retrieval date: 24.01.2018).

CCA: Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary. 4th edition. Web. URL:<http://www.diclib.com> (retrieval date: 24.01.2018).

CED: Collins English Dictionary. Harper Collins Publishers. Web. URL:<http://www.collinsdictionary.com> (retrieval date: 24.01.2018).

DA (2010): Dicionário Aurélio (Dicionário da Língua Portuguesa, de Aurélio Buarque de Holanda Ferreira). Brasil. Web. URL: <http://dicionariodoaurelio.com> (retrieval date: 24.01.2018).

DCA: Dicionário Contemporâneo da Língua Portuguesa, de Caldas Aulete (Dicionário Caldas Aulete) Web. URL: <http://www.aulete.com.br> (retrieval date: 24.01.2018).

DLFG (1934): Gaffiot F. Dictionnaire latin-français. Paris. Web. URL: <http://www.lexilogos.com/latin/gaffiot.php?q=> (retrieval date: 24.01.2018).

DOS: Dobry słownik. Żurowski S., Czesak A., Szalkiewicz Ł.: // [https:// dobryslownik.pl](https://dobryslownik.pl). Web. URL: <https://dobryslownik.pl> (retrieval date: 24.01.2018).

DRAE (2015): Real Academia Española: Diccionario de la lengua española. Madrid, 2015 Web. URL: <http://dle.rae.es> (retrieval date: 24.01.2018).

Duden: Wörterbuchzugang Duden online Web. URL: <http://www.duden.de/wörterbuch> (retrieval date: 24.01.2018).

DWDS: Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts [Electronic resource]. Web. URL: <https://www.dwds.de> (retrieval date: 24.01.2018).

ELM: EL MUNDO. Unidad Editorial Información General S.L.U. Web. URL: <http://www.elmundo.es/diccionarios> (retrieval date: 24.01.2018).

GDH (2011): Grande Dizionario Hoepli Italiano di Aldo Gabrielli. Hoepli. Web. URL: <http://dizionari.repubblica.it> (retrieval date: 24.01.2018).

GDL (1929): Grand dictionnaire de la langue latine par Napoléon Theil, d'après le dictionnaire de William Freund. Traduit en Français. Paris: Librairie de Firmin-Didot. Web. URL: http://www.lexilogos.com/latin_dictionnaire (retrieval date: 24.01.2018).

MWD: Merriam-Webster's Online Dictionary, 11th Edition Web. URL: <http://www.m-w.com> (retrieval date: 24.01.2018).

OED: Douglas Harper. Online Etymology Dictionary 2011–2015 Douglas Harper. Web. URL: <http://www.etymonline.com> (retrieval date: 24.01.2018)

OD (1955): The Oxford Universal Dictionary on historical principles. Third edition, revised with addenda. Oxford University Press, Amen House, London E.C. 2515 P. Print.

PR: Le Petit Robert (1970) Dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française par Paul Robert. Paris: Dictionnaire LE ROBERT. 1969 P. Print.

RHD (1997): Random House Unabridged Dictionary, by Random House, Inc. Web. URL: <http://dictionary.infoplease.com> (retrieval date: 24.01.2018).

SJP: Słownik języka polskiego, red. W. Doroszewski, Warszawa 1958–1969. t. I–XI. Web. URL: <http://sjp.pwn.pl/doroszewski> (retrieval date: 24.01.2018).

The Catalogue of Semantic Shifts as a Database for Lexical Semantic Typology (2012) by Anna A. Zalizniak, M. Bulakh, D. Ganenkov, I. Gruntov, T. Maisak, Moscow. Russo // Linguistics 3: 633–669. Print.

TR: Le Trésor de la langue française informatisé (2000) Web. URL: <http://atilf.atilf.fr> (retrieval date: 24.01.2018).

VT: Vocabolario Treccani. Istituto dell'Enciclopedia Italiana (2013) Web. URL: <http://www.treccani.it/vocabolario> (retrieval date: 24.01.2018).

WED: The Wordsmyth English Dictionary-Thesaurus. Web. URL: <http://www.wordsmyth.net> (retrieval date: 24.01.2018).

WNW: Webster's New World College Dictionary. Fourth Edition Web. URL: <http://websters.yourdictionary.com> (retrieval date: 24.01.2018).

WRU 1828: Webster's Revised Unabridged Dictionary (1828) Web. URL: <http://1828.mshaffer.com> (retrieval date: 24.01.2018).

WRU (1913): Webster's Revised Unabridged Dictionary. Web. URL: <http://www.webster-dictionary.org> (retrieval date: 24.01.2018).

WSJP – Wielki słownik języka polskiego. Instytut Języka Polskiego PAN web. URL: <http://wsjp.pl> (retrieval date: 24.01.2018).

Трибуна молодых ученых

УДК 81'23; 811.161.1 + 81'27 DOI: 10.30982/2077-5911-2-196-208

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЕДИНИЦЫ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНЫХ БАЗ ДАННЫХ РАС, ЕВРАС И СИБАС)

Бентя Евгения Викторовна

Аспирант Новосибирского государственного университета
г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1
yevgentya@gmail.com

В статье рассматриваются реакции на латинице в трех ассоциативных базах данных – РАС, ЕВРАС И СИБАС. Анализ реакций показал, что наиболее актуальным иностранным языком для современного русского языкового сознания является английский. При сравнении вербальных ассоциаций в базах данных, относящихся к разным периодам времени, отмечается рост количества реакций на английском языке и снижение количества реакций на немецком и латинском языках. Автор выявляет четыре группы исследуемых иноязычных реакций: переводные ассоциации, имена собственные, ассоциации по смыслу и прочее. В группе ассоциаций по смыслу особое место занимают псевдо-синтагмы, которые наиболее ярко отражают современную тенденцию носителей русского языка к использованию иноязычных вкраплений. Было обнаружено, что иноязычных реакций-фраз больше в ассоциативно-вербальной сети ЕВРАС, чем в СИБАС, что объясняется большим количеством контактов реципиентов из европейской части России с представителями англоговорящей культуры. Результатом таких контактов является более глубокое проникновение иностранных единиц в русское языковое сознание в виде иноязычных вкраплений и заимствований. Все приведенные в статье данные свидетельствуют об особом статусе английского языка в речи и жизни молодого поколения россиян XXI века.

Ключевые слова: иноязычные вкрапления в ассоциативно-вербальной сети, русское языковое сознание, региональные ассоциативные базы данных

Введение

В истории русского языка выделяется несколько периодов иноязычного влияния. Один из них относят к концу XX и началу XXI века. Однако этот период отличается от предыдущих способом проникновения иностранного языка в русскоговорящее общество. В современных условиях иностранный язык имеет «прямой доступ» к любой социальной общности, любому классу через телевидение и Интернет, или СМИ вообще. Проникнув на эти площадки, иностранный язык входит в буквальном смысле напрямую в дома людей. Язык телеведущих, журналистов, блогеров часто подвергается критике со стороны защитников русского языка. Критика направлена на использование английской интонации [Карабулатова 2011], плохой перевод и большое количество заимствований. Так, Кронгауз пишет: «лень или самоуверенность журналистов становится фактически “ленью языка”, который

почти утрачивает внутренние механизмы перевода» [Кронгауз 2009: 69]. Однако чаще всего такое использование языка рассматривается как способ демонстрации принадлежности к западному миру, т.е. демонстрации престижности. Кронгауз также отмечает, что вслед за языком сами модели поведения становятся максимально приближенными к «усредненной западной культуре» [Кронгауз 2009: 117]. Такая «усредненность» касается и печатных текстов. На разных языках в разных культурных пространствах (странах) создаются однотипные «поп-тексты» в журналах и газетах. То же самое можно сказать и о переводах книг современных популярных писателей (что продиктовано вышеупомянутой «утратой внутренних механизмов перевода»). «Сорокалетний русский еще отличает оригинальный русский текст от нерусского, чувствует его «идентичность», российские же подростки в большинстве своем – нет» [Елистратов 2006: 25].

Определение понятия «иноязычное вкрапление»

Л.П. Крысин выделяет следующие причины заимствования иноязычной лексики: 1) налаженный контакт народов – носителей разных языков. Чем больше сфер контакта (культура, политика, экономика), тем больше будет заимствований; 2) заимствование иностранного слова для специализации понятия, что ведет к появлению термина; 3) дифференциация существующего в принимающем языке понятия; 4) замена многословного наименования однословным; 5) если в принимающем языке уже существует ряд заимствований, объединенных семантической или морфологической общностью, то слова такого же типа будут заимствоваться быстрее; 6) престижность иностранного слова выше своего [Крысин 2007: 115-117].

На современном этапе развития русского языка последняя, шестая, причина часто играет ключевую роль.

Заимствованная иноязычная лексика по своей роли в принимающем языке делится на три группы: заимствованные слова (освоенные), интернационализмы, экзотизмы и иноязычные вкрапления [Крысин 2007: 124-126]. Объектом рассмотрения данной статьи являются иноязычные вкрапления в ассоциативных базах данных.

По Крысину, иноязычные вкрапления – это слова и словосочетания слов, передаваемые на письме и в устной речи принимающего языка графическими и фонетическими средствами языка-источника [Крысин 2007: 126].

Явление иноязычных вкраплений все чаще отмечается в речи современных носителей русского языка [Меркулова 2015], в подавляющем большинстве это англицизмы. Иноязычные единицы, однако, не все остаются в языке, а те, которые остаются, переходят из разряда иноязычных вкраплений в класс заимствованных слов и ассимилируются в той или иной степени. С одной стороны стоит заимствованная лексика, а с другой – иноязычные вкрапления, которые все чаще выступают в роли дублетной ксенолексики [Меркулова 2015].

Количественный и качественный анализ ассоциативных баз данных позволяет понять, какое место занимает иноязычная лексика в языковом сознании носителей русского языка. Более того, частотные показатели реакций, представляющих иноязычные лексемы, говорят еще и об актуальности той или иной единицы в речевой практике.

Группа переводных ассоциаций

Выборка эмпирических материалов проводилась нами в трех базах русских вербальных ассоциаций: РАС (период сбора данных 1988-1997), ЕВРАС (2008-2013) и СИБАС (2008-2013). Нами были выделены все реакции на латинице (или содержащие латиницу частично). Отобранный материал был распределен по четырем основным группам ассоциатов (по убывающей частоте): переводные ассоциации, имена собственные, ассоциации по смыслу и прочее (не классифицируемая лексика). В данной статье подробно рассматриваются первая и третья группы, так как имена собственные были нами рассмотрены ранее [Бентя 2016, 2017]. Переводные ассоциации – это пары стимул-реакция, где реакция выступает переводом стимула, например: next ← **следующий** 29; stop ← **остановиться** 9; the end ← **конец** 8. Ассоциации по смыслу – это группа реакций, которые являются результатом субъективного опыта реципиента. Они мотивированы сходством, контрастом, смежностью либо причинно-следственными связями со стимулом в языковом сознании испытуемого, например: The end ← **все** 2; super ← **лучший, нравится** 1; WOW ← **непредсказуемый, нравится, партия** 1.

Обратимся к Таблице 1, в которой представлены сравнительные количественные данные по всем выделенным нами группам ассоциатов.

Таблица 1

Классификация реакций, данных на латинице

	РАС		ЕВРАС		СИБАС	
	числ.	%	числ.	%	числ.	%
переводные ассоциации	169	21,6	316	32,5	322	34,5
имена собственные	267	34,2	226	23,2	291	31,2
ассоциации по смыслу	240	30,7	243	24,9	192	20,5
прочее	105	13,5	189	19,4	129	13,8
ВСЕГО	781	100	974	100	934	100

Как видно из Таблицы 1, бóльшая часть реакций на латинице в ЕВРАС и СИБАС по сравнению с РАС приходится на переводные ассоциаты, в то время как другие группы ассоциатов преимущественно уменьшают свое представительство. Абсолютное большинство реакций представлено на английском языке. На втором месте, хоть и с колоссальной разницей, как показано в Таблице 2, находятся реакции на немецком языке. В процентном выражении в РАС их практически в пять раз больше, чем в СИБАС и ЕВРАС. Частота реакций на латинском языке в РАС также превышает показатели соответствующих реакции в СИБАС и ЕВРАС в три раза.

Таблица 2
Процентное соотношение переводных реакций по их языковой принадлежности

	РАС		ЕВРАС		СИБАС	
	числ.	%	числ.	%	числ.	%
английский	126	74,5	277	87,7	303	94,1
немецкий	28	16,6	23	7,3	10	3,1
латинский	12	7,1	5	1,6	4	1,3
французский	1	0,6	4	1,3	3	0,9
испанский	1	0,6	3	0,9	1	0,3
итальянский	1	0,6	3	0,9	1	0,3
финский			1	0,3		
ВСЕГО	169	100	316	100	322	100

Стоит отметить, что в ЕВРАС в переводных реакциях появляется финский язык, что может быть отражением географической близости (и, как следствие, языковых контактов) испытуемых ЕВРАС, проживающих в европейской части России, к носителям финского языка. Аналогичным образом объясняется большее количество реакций на испанском и итальянском языках в ЕВРАС по сравнению с СИБАС.

При детальном изучении переводных ассоциатов наблюдаем преобладающее число реакций, являющихся по своей частеречной характеристике именем существительным, следующими по частотности идут прилагательное и глагол, и только затем с большим разрывом – наречие, местоимение, числительное, союз, предлог и частица (два последних типа встречаются только единожды).

Таблица 3
Частеречная характеристика переводных реакций в РАС/ЕВРАС/СИБАС

	Англ.	Нем.	Латин.	Франц.	Испан.	Итал.	Финск.	ВСЕГО
существительное	71/149/139	18/10/5	12/4/5	1/1/3	1/3/1	1/1/1		104/168/154
прилагательное	12/62/79	7/4/1		-/1/-			-/1/-	19/68/80
глагол	21/43/59	-/7/-		-/1/-		-/2/-		21/53/59
наречие	10/18/22	3/1/2						13/19/24
местоимение	1/5/4	-/1/2						1/6/6
числительное	2/-/-			-/1/-				2/1/-
союз	2/-/-							2/-/-
предлог		1/-/-						1/-/-
частица	1/-/-							1/-/-

Подавляющее большинство реакций на латинице относятся к разряду единичных, однако встречаются и устойчивые реакции, а также ассоциативные пары. Проанализировав все реакции на латинице, мы выделили наиболее часто используемые в качестве реакции иностранные слова, которые уже без стимулов отражены в Таблице 4, где также представлены их частотные показатели.

Таблица 4

Английские слова в устойчивых переводных реакциях

СИБАС	next – 31, end – 10, stop – 9, of course – 5, exit – 4, enter – 4, help – 6, book – 4, begin – 4, never – 3, now – 3, wait – 3, fail – 3, open – 3, looser – 3, friend – 3, start – 2, art – 2, roof – 2, room – 2, success – 2, subject – 2, soul – 2, void – 2, fuel – 2, evil – 2, acid – 2, half – 2, paper – 2, baby – 2, air – 2, face – 2, good – 2, best 2, stubborn – 2, big – 2, clever – 2, common – 2, different – 2, important – 2, independent – 2, bad – 2, love – 2, fly – 2, very – 2, together – 2
ЕВРАС	next – 14, error – 10, best – 8, looser – 6, now – 4, face – 4, shop – 3, different – 3, end – 3, despair – 3, help – 3, enemy – 2, feeling – 2, fear – 2, girl – 2, pocket – 2, size – 2, step – 2, umbrella – 2, week – 2, book – 2, disease – 2, event – 2, freedom 2, friend – 2, government – 2, master – 2, oil – 2, power – 2, room – 2, street – 2, modern – 2, last – 2, exit – 2, give – 2, all – 2, always – 2, fast – 2, never – 2, bad – 2
РАС	face – 3, example – 2, exit – 2, part – 2, UFO – 2, baby – 2
Общие частотные реакции СИБАС и ЕВРАС	end, help, book, looser, friend, room, face, next, (the) best, different, exit, now, never
Общие частотные реакции СИБАС, ЕВРАС и РАС	face, baby, exit

Среди других языков повторяющиеся реакции были обнаружены только на немецком (СИБАС) и латинском (ЕВРАС): *zusammen* – 2; *acidum* – 2.

Преобладающее большинство переводных реакций можно было бы объяснить образовательным аспектом, который заключается в том, что с самых ранних ступеней обучения английский, как и в советское время, является основным иностранным языком в российских школах. Однако кроме этого очевидного факта есть и внешние причины, а именно непосредственный контакт с англоговорящей культурой. Например, такие реакции, как *help*, *enter*, *exit*, *open* могли быть усвоены при накоплении опыта использования компьютера, а *next* и *friend* – из названий американских шоу: «Next» и «Friends» [Бентя 2016, 2017].

Группа ассоциаций по смыслу

Ассоциации по смыслу представлены меньшим количеством языков – всего четырьмя. Ранговые позиции сохраняются такие же, как и в группе переводных ассоциатов: английский занимает первое место, далее идет немецкий, латинский и французский.

Таблица 5

Процентное соотношение ассоциаций по смыслу с учетом их языковой принадлежности

	РАС		ЕВРАС		СИБАС	
	числ.	%	числ.	%	числ.	%
английский	199	82,9	227	93,4	182	94,8
немецкий	13	5,4	6	2,5		
латинский	25	10,4	10	4,1	9	4,7
французский	3	1,3			1	0,5
ВСЕГО	240	100	243	100	192	100

Из Таблицы 5 видно, что при сравнении РАС и ЕВРАС/СИБАС количество смысловых реакций на английском языке в новых базах данных выросло более чем на 10%, в то время как показатели других языков упали.

Как и в группе переводных ассоциатов, в смысловых можно выделить повторяющиеся с разной устойчивостью реакции.

Таблица 6

Английские слова в устойчивых реакциях смысловых ассоциаций

СИБАС	SMS – 24, email – 18, forever – 4, wow – 3, cool – 3, super – 2, VIP – 5, game over – 2, relax – 2, end – 2, weekend – 2, best – 2, fuck – 2
ЕВРАС	TV – 39, SOS – 24, IQ – 19, SMS – 18, email – 8, VIP – 5, man (men) – 4, crazy – 4, false – 3, no comments – 3, heavy metal – 3, safe – 2, hip-hop – 2, life – 2, rap – 2, fuck – 2, victoria – 2, lost – 2, rider – 2, max – 2, forever – 2, sex – 2
РАС	SOS – 18, man – 6, sex – 6, boy – 5, weekend – 5, hotdog – 4, rock-and-roll – 4, stop – 3, yes – 3, energizer – 2, help – 2, metal – 2, good – 2, fuck – 2, queen – 2, good bye – 2, penis – 2, girl – 2, rap – 2, heavy metal – 2
Общее СИБАС и ЕВРАС	SMS, email, forever, VIP, fuck
РАС	SOS, man, sex, fuck, heavy metal

Устойчивые реакции в группе ассоциатов по смыслу на других языках представлены следующими единицами: *homo sapiens* – 9 (в ЕВРАС), *persona non grata* – 6, *alma mater* – 3, *homo* – 3 и *homo sapiens* – 3 (в РАС).

Среди ассоциатов по смыслу можно обнаружить интересное явление, которое свидетельствует о характере иноязычных вкраплений в языковом сознании носителя русского языка. Это явление – ассоциирование стимула с реакцией в формате разноязычной псевдо-синтагмы. В СИБАС можно выделить следующие псевдо-синтагмы:

forever ← институт, мафия, революция 1; на почту (e-mail) ← прислать 1; e-mail ← прислать 3; послать; штурмовать 1; loudly ← кричать 1; predicate ← двойной 1; TV (телевизор) ← передвигать 1; tecktonik ← танцевать 1; news ← рассказать 1; car ← спорт 1; friend ← близкий 1; express ← свидание 1; emo ←

девочка 1; information ← **передавать** 1; и т.д.

Рассмотрим наиболее яркие примеры. Единица *forever* (или в русской транслитерации *foreва, forever*) едва ли может быть использована в переводе: «институт – навсегда», но «институт – forever» встречается довольно часто в молодежном сленге. Таким образом говорящий выражает свое положительное отношение к тому или иному предмету, например, «Пушкин– forever!». Однако слово *foreва/forever* не вошло в состав словарей иностранных слов [Булыко 2005, Новиков Вл. 2008, 2016, Шагалова 2011], а в речевом употреблении его чаще можно увидеть как иноязычное вкрапление. Остальные реакции могли бы быть представлены испытываемыми в русском варианте (в том числе и в виде грамматикализованных синтагм): кричать → громко, двойной → сказуемое, рассказать → новости, близкий → друг, передавать → информацию, передвигать → телевизор/ТВ, прислать → имейл, танцевать → тектоник, и т.д., тем не менее они были представлены в виде иноязычного вкрапления.

Псевдо-синтагматические ассоциативные пары в ЕВРАС очень разнообразны:

SOS ← **сигнал** 18; IQ ← **тест** 12; e-mail ← **прислать** 3; показывали по TV ← **кино** 1; по TV ложь ← **показать** 1; beautiful ← **цветок** 1; men ← **предприимчивый; современный** 1; fashion ← **современный** 1; trive ← **тест** 1; women ← **бизнес** 1; well-paid ← **работа** 1; man ← **папа; энергичный** 1; есть гуд good! ← **демократия** 1; письмо, sms-ку ← **написать** 1; DJ ← **опасный** 1; Lager ← **пиво** 1; Hip-hop данс ← **танцевать** 1; и т.д.

Реакции могли бы быть следующими: красивый → цветок; предприимчивый, современный → человек/мужчина; современный → мода; работа → хорошо оплачиваемая и т.д. Однако не все реакции могут быть подобным образом переведены на русский язык. Например, выражение «тест-драйв» в русском языке чаще передается именно в форме заимствования через транслитерацию, а не в качестве переводного «пробная поездка». И хотя в словарях, используемых нами, не была зафиксирована данная единица, поисковая система Google дает более 14 миллиардов результатов на первый вариант (тест-драйв) и только 425 тысяч – на второй (пробная поездка). Аналогичным образом остаются в транслитерированной форме «бизнес-леди» (в [Новиков 2008], есть упоминание единицы «бизнес-леди» в словарной статье «Бизнес») и «хип-хоп». Такие реакции как *IQ, SOS, SMS, e-mail* в словаре [Шагалова 2011] включены в отдельную часть «Иностранные слова, сохраняющие написание на языке оригинала». И действительно, если проверить по результатам в поисковых системах, то количественный показатель в их русской транслитерации будет очень низким. Интересно обратить внимание на слова *SMS* и *e-mail*. Сейчас они все реже употребляются как на английском языке, так и в транслитерированной форме. *SMS* заменяется «сообщением» в силу того, что современные приложения-мессенджеры ВКонтакте, WhatsApp, Telegram и т.п. используют в своем английском интерфейсе слово «message» и соответственно в русской версии – «сообщение». Поэтому сейчас все чаще пишут *сообщение*, а не *смс/sms*.

Что касается *e-mail*, то тенденция идет к замене «имейл/email» на «электронную почту» или просто «почту». Это заключение является скорее результатом языковой интуиции, так как для более уверенного ответа необходимо провести дополнительное экспериментальное исследование с носителями языка. Однако, если проверить

по web-приложению Google Trends¹, то увидим, что на территории России слово *почта* имеет более высокое употребление, чем слова *e-mail* и *имейл*. Однако здесь нет данных о том, в каком контексте употребляется эта единица (традиционная или электронная почта). В то же время НКРЯ² может прояснить эту ситуацию. На запрос «почта» с обозначенным периодом 2008-2016 гг. появляются результаты двух вышеупомянутых употреблений, однако, просмотрев период 2014-2016 гг. (время после завершения первого этапа эксперимента ЕВРАС и СИБАС), можно сказать, что подавляющее большинство употреблений относится именно к электронной, а не к традиционной почте. В Таблице 7 на материале НКРЯ наглядно представлена разница в употреблении единиц «электронная почта», «имейл» и «email». Первая из них употребляется чаще, чем две остальные единицы в 15 и 18 раз соответственно.

Таблица 7
Сравнительный анализ употребления единиц почта/электронная почта/имейл/
email в НКРЯ в период с 2008 по 2016 гг.

Запрос	Количество документов	Количество вхождений
почта	331	689
электронная почта	99	151
имейл	7	10
email	6	8

Такое «возвращение» русских слов является скорее исключением, чем правилом. В подтверждение этого можно привести другой пример влияния контактов с англоязычной культурой. Так, реакции на латинице в ЕВРАС отличаются от СИБАС и РАС тем, что среди них больше таких, которые представляют собой целые фразы на английском языке: the lesson is over ← **урок** 1; wait a minute ← **подождать** 1; I'm thirsty ← **жажда** 1; rock forever!!! ← **металл** 1; to spend время ← **провести** 1; to be or not to be ← **быть** 1. Возможно, это связано с географической близостью к западной англоговорящей культуре и большим количеством контактов с ней, что повышает вероятность более разнообразного использования заимствований.

Группа «Прочее»

В группу «Прочее» вошли такие реакции, как формулы и знаки: химические (примеры по СИБАС: H₂SO₄ ← **кислота** 13; H₂O ← **вода** 12), физико-математические (S ← **площадь** 3; const ← **постоянный** 1), компьютерные (zip ← **сжатый** 2; Grj ← **рисунок** 1) и медицинские (QRS ← **сердце** 1; II группа Rh+ ← **кровь** 1), а также русские слова, транслитерированные латиницей (Ivan ← **Иван** 1; спор ← **спор** 1), и единицы на латинице неопределенного происхождения либо, в силу малой представленности, не классифицируемые.

¹ Google Trends является публичным web-приложением корпорации Google, основанным на поиске Google. Данное приложение позволяет проследить среди объема поисковых запросов статистику по определенной единице. В параметрах поиска можно задавать интересующий регион и временной период. Google Trends URL:// <https://trends.google.ru/trends/> (дата обращения 24.12.2017)

² Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] URL:// <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 24.12.2017)

Выводы

Таким образом, анализ трех баз данных показал, что объем реакций на английском языке вырос с 90-х гг. (РАС), а на немецком и латинском языке упал. Реакции реципиентов европейской части России (ЕВРАС) структурно сложнее – появляются целые фразы и короткие предложения. Такое качественное отличие английских единиц в ассоциативно-вербальной сети реципиентов ЕВРАС свидетельствует о более частых и тесных контактах с иноязычной средой, что, кроме того, ведет к повышению значимости английского языка для этой части российского общества.

Английский язык проникает во все сферы деятельности общества. В социолингвистических исследованиях отмечается не только большой поток заимствований, но и транслитерация русских слов латиницей в качестве языковой игры [Карабулатова 2011], частичное иноязычное вкрапление и полное замещение русского языка английским в определенных контекстах [Кириллина 2011, 2013]. М.А. Кронгауз хотя и говорит о наводнении русского языка иностранными словами и элементами, призывает относиться к этому явлению спокойно, так как русский язык хорошо справляется с ассимилирующей функцией заимствований [Кронгауз 2009: 22]. В то же время А.В. Кириллина отмечает, что вместе с лексическими заимствованиями в русский язык приходят и синтаксические изменения, что говорит как раз о неспособности языка ассимилировать все поступающие элементы [Кириллина 2011: 34]. Мы можем наблюдать этот процесс на примерах с псевдо-синтагмами.

Однако сам язык представляет собой только половину проблемы. С новыми элементами языка адаптируются и определенные культурные ценности, а так как подавляющее большинство иностранных единиц в русском языке появляются под влиянием американского варианта английского языка, то и ценности заимствуются преимущественно из американской культуры. Заимствование ценностей само по себе может и не нести угрозы для принимающей культуры. Степень угрозы определяется отношением к заимствованным языковым и культурным элементам.

По данным социологического опроса, уровень «престижности» английского языка в российском обществе очень высок. Знание английского языка повышает ценность работника в профессиональной сфере, в академической среде английский язык ассоциируется с инновациями, в других сферах он воспринимается как показатель высокого качества и современности [Гриценко, Ненашева 2017]. Такое отношение к иностранному языку (и представленной им культуре) ведет к «вытеснению реалий своего культурного поля на периферию смысловой структуры сознания», а образованная «пустота заполняется вульгарными инородными реалиями», как следствие, происходит изменение в идентификации носителей принимающего языка [Шапошникова 2015].

В таких условиях усваиваются ценности как благотворные для принимающего общества, так и разрушительные. «Не сам язык – конечная цель такого воздействия, а сознание его носителей, тот образ мира, который мы в своей общенародной деятельности (или бездеятельности) вырабатываем и оставляем в наследство нашим потомкам в качестве привитых с детства мотивов и установок на организацию своего жизненного пространства» [Шапошникова 2013].

Язык становится лишь средством распространения американского способа мышления, «происходит превращение всякого языка в средство укоренения сход-

ных ценностей и единomyслия, в средство формирования типовой социальной идентичности по образцу среднего класса белых жителей США» [Кириллина 2013]. Кроме того, такое «поклонение» иностранному языку ведет к подрыву изучения родного языка, что также имеет свои, порой необратимые, последствия.

Литература

Бентя Е.В. Следы вестернизации в русском языковом сознании (на примере имен собственных) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. Т. 14, № 1. С. 44-51.

Бентя Е.В. К вопросу о вестернизации русского языкового сознания (на материале неустойчивых ассоциативных пар с именами собственными) // Сибирский филологический журнал. 2017. № 3. С. 286-298.

Булыко А.Н. Современный словарь иностранных слов. Более 25 тысяч слов и словосочетаний. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: «Мартин», 2005. 848 с.

Гриценко Е.С., Ненашева Т.А. Индексальный потенциал английского языка в русскоязычном коммуникативном пространстве // Вопросы психолингвистики. 2017. № 33. С. 32-48.

Елистратов В.С. Глобализация и национальный язык // Вестник Московского университета. 2006. № 4. С. 21-28.

Карабулатова И.С. Языковая личность в пространстве межкультурных коммуникаций // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2011. №16. С. 77-85 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-lichnost-v-prostranstve-mezhkulturnyh-kommunikatsiy> (дата обращения: 22.12.2017).

Кириллина А.В. Глобализация и судьбы языков // Вопросы психолингвистики. 2013. № 17. С. 136-143.

Кириллина А.В. Перевод и языковое сознание в динамической синхронии: психические границы языка (на материале русского языка Москвы) // Вопросы психолингвистики. 2011. № 13. С. 30-40.

Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак: Языки славянских культур, 2009. 232 с.

Крысин Л.П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр. «Академия», 2007. 240 с.

Меркулова Э.Н. О лингвистическом статусе и некоторых речевых функциях английской дублетной ксенолексики в русском языке // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2015. №5 (37). С. 73-88 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-lingvisticheskom-statuse-i-nekotoryh-rechevyh-funktsiyah-angliyskoj-dubletnoy-ksenoleksiki-v-russkom-yazyke> (дата обращения: 22.12.2017).

Новиков Вл. Новый словарь модных слов. — Москва: АСТ: Зебра Е, 2008. — 185 с.

Новиков Вл. Словарь модных слов. Языковая картина современности. — Москва: Словари XXI века, 2016. — 336 с.

Шагалова Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века». Астрель. Москва. 2011.

Шапошникова И.В. Реалии языкового сознания молодых русских (по материалам СИБАС – русской региональной ассоциативной базы данных) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, вып. 4. С. 5–14.

Шапошникова И.В. Родное слово – знак спасенья // Вопросы психолингвистики. 2013. № 17. С. 147-150.

Источники

РАС: Русский ассоциативный словарь: Т.1: От стимула к реакции: около 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева [и др.]; Рос. акад. наук. Москва: АСТ: Астрель, 2002— 781 с. Т.2: От реакции к стимулу: около 100 000 реакций / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева [и др.]; Рос. акад. наук. Москва: АСТ: Астрель, 2002 . 990 с.

ЕВРАС: Русский Региональный Ассоциативный Словарь-Тезаурус ЕВРАС, 2014, (авторы-составители Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева) URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras> (дата обращения: 23.12.2017).

СИБАС: Русская региональная ассоциативная база данных (2008 – 2015) (авторы-составители И.В. Шапошникова, А.А. Романенко) URL: <http://adictru.nsu.ru> (дата обращения: 23.12.2017).

FOREIGN ELEMENTS IN LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN NATIVE SPEAKERS (ON THE MATERIAL OF ASSOCIATIVE DATABASES OF RAS, EVRAS, AND SIBAS)

Yevgeniya V. Bentya

PhD student

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Pirogov Str., 1

yevgentya@gmail.com

The article deals with responses given in Latin characters in associative databases of RAS, EVRAS, and SIBAS. The analysis has shown that English is the most relevant foreign language for contemporary Russian language consciousness. The comparison of verbal associations from different databases, which relate to different time periods, registers an increase of responses in English and a decrease in German and Latin. The author forms four groups of the foreign language responses: associations by translation, proper names, associations by meaning, and miscellaneous. A special place in the group of associations by meaning is taken by pseudo-syntagmas. They illustrate the modern tendency of Russian native speakers to use foreign insertions in their speech. In EVRAS (when compared to SIBAS) there are more foreign language responses which were presented in the form of a phrase. The explanation lies in more frequent and closer contacts of the recipients from the European part of Russia with representatives of an English-speaking culture. As a result, foreign elements penetrate the Russian language consciousness in the form

of foreign insertions and borrowings. The facts described in the article indicate a special status of English in speech and life of Russian young generation of the XXI century.

Keywords: foreign insertions in associative-verbal network, Russian language consciousness, regional associative databases

References

Bentja E.V. (2016) Sledy vesternizacii v russkom jazykovom soznanii (na primere imen sobstvennyh) [Influence of Western Realia on the Russian Language Consciousness (A Case-study of Proper Names)] // Vestn. Novosib. gos. un-ta. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija [NSU Bulletin. Series: Linguistics and Cross-Cultural Communication] 14, No 1: 44–51. Print. (In Russian).

Bentja E.V. (2017) K voprosu o vesternizacii russkogo jazykovogo soznanija (na materiale neustojchivyh associativnyh par s imenami sobstvennymi) [On the Process of Westernization of the Russian Language Consciousness (A Case-study of Infrequent Associative Pairs with Proper Names)] // Sibirskij filologicheskij zhurnal [Siberian Philological Journal] 3: 286-298. Print. (In Russian).

Bulyko A.N. (2005) Sovremennyj slovar' inostrannyh slov. Bolee 25 tysjach slov i slovosochetanj [Contemporary Dictionary of Foreign Words. Over 25 000 Words and Phrases]. 2nd Edition. Moscow: «Martin». 848 P. Print. (In Russian).

Gricenko E.S., Nenasheva T.A. (2017) Indeksal'nyj potencial anglijskogo jazyka v russkojazychnom kommunikativnom prostranstve [Indexical Capacities of English in Russian-based Communication] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics] 33: 32-48. Print. (In Russian).

Elistratov V. S. (2006) Globalizacija i nacional'nyj jazyk [Globalization and the National Language] // Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow State University] 4: 21-28. Print. (In Russian).

Karabulatova I.S. (2016) Jazykovaja lichnost' v prostranstve mezhkul'turnyh kommunikacij [The Language Person in the Space of Cross-Cultural Communication] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts] 16: 77-85. Web. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-lichnost-v-prostranstve-mezhkulturnyh-kommunikatsiy> (retrieval date: 22.12.2017).

Kirilina A. V. (2013) Globalizacija i sud'by jazykov [Globalization and Language Fates] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics] 17: 136-143. Print. (In Russian).

Kirilina A. V. (2011) Perevod i jazykovoe soznanie v dinamicheskoj sinhronii: psihicheskie granicy jazyka (na materiale russkogo jazyka Moskvy) [Translation / Interpreting and the Language Consciousness in the Dynamic Synchrony: Mental Boundaries of Languages (A Case-study of the Russian Language in Moscow)] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics] 13: 30-40. Print. (In Russian).

Krongauz M. (2009) Russkij jazyk na grani nervnogo sryva [Russian Language on the Brink of a Nervous Breakdown]. Moscow: Znak: Jazyki slavjanskij kul'tur [Language of Slavic Cultures]. 232 P. Print. (In Russian).

Krysin L. P. (2007) Sovremennyj russkij jazyk. Leksicheskaja semantika. Leksikologija. Frazеologija. Leksikografija: ucheb.posobie dlja stud. filol. fak. vyssh. ucheb.

zavedenij. [Modern Russian Lexical Semantics. Lexicology. Phraseology. Lexicography. Manual for High Schools] Moscow: Izd. centr. «Akademija». 240 P. Print. (In Russian).

Merkulova Je.N. (2015) O lingvisticheskom statuse i nekotoryh rechevyh funkcijah anglijskoj dubletnoj ksenoleksiki v russkom jazyke [On the Linguistic Status and Speech Functions of English Xenolexis with Doublets in the Russian Language] // Vestn. Tom.gos. un-ta. Filologija [Tomsk State University Journal of Philology] 5 (37): 73-88 Web. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-lingvisticheskom-statuse-i-nekotoryh-rechevyh-funktsiyah-anglijskoj-dubletnoj-ksenoleksiki-v-russkom-yazyke> (retrieval date: 22.12.2017).

Novikov Vl. (2008) Novyj slovar' modnyh slov [New Dictionary of Buzz Words]. Moskva: AST: Zebra E. 185 P. Print. (In Russian).

Novikov Vl. (2016) Slovar' modnyh slov. Jazykovaja kartina sovremennosti [Dictionary of Buzz Words: Linguistic Picture of the Present]. Moscow: Slovarei XXI veka. 336 P. Print. (In Russian).

Shagalova E.N. (2011) Samyj novejšij tolkovyj slovar' russkogo jazyka XXI veka [The Newest Russian Language Dictionary of the 21st Century]. Astrel'. Moscow. Print. (In Russian).

Shaposhnikova I.V. (2015) Realii jazykovogo soznaniya molodyh russkih (po materialam SIBAS – russkoj regional'noj Associativnoj bazy dannyh) [Realia of Young Russians' Language Consciousness (A Case-study of SIBAS, New Russian Regional Associative Database)] // Vestn. Novosib. gos. un-ta. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija [NSU Bulletin. Series: Linguistics and Cross-Cultural Communication] Vol. 13, No. 4: 5–14. Print. (In Russian).

Shaposhnikova I.V. (2013) Rodnoe slovo – znak spasen'ja [Word of Mother Tongue: Rescue Means Sign] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics] 17: 147-150 Print. (In Russian).

Sources

Russkij asociativnyj slovar' (2002) T.1: Ot stimula k reakcii: okolo 7000 stimulov [Russian Associative Dictionary: V.1: From Stimulus to Response: about 7000 stimuli] / Ju.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimceva, et al. Ros. akad. nauk. Moscow: AST: Astrel. 781 P. Print. (In Russian).

Russkij asociativnyj slovar' (2002) T.2: Ot reakcii k stimulu: okolo 100 000 reakcij [Russian Associative Dictionary: V.2: From Response to Stimulus: about 100 000 responses] / Ju.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimceva, et al. Ros. akad. nauk. Moscow: AST: Astrel. 990 P. Print. (In Russian).

Russkij regional'nyj asociativnyj slovar'-tezaurus EVRAS (2014) [Russian Associative Dictionary-Thesaurus EVRAS (by Ufimceva N.V., Cherkasova G.A.)]. Web. URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras> (retrieval date: 23.12.2017)

SIBAS – Russkaja regional'naja asociativnaja baza dannyh (2008 – 2015) [Russian Regional Associative Database (2008–2015)] (by I.V. Shaposhnikova, A.A. Romanenko) URL: <http://adictru.nsu.ru> (retrieval date: 23.12.2017)

УДК 81'33 DOI: 10.30982/2077-5911-2-209-226

**ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
КАК ИНСТРУМЕНТ ВЫЯВЛЕНИЯ ИСКАЖЕНИЙ РЕЧЕВЫХ
НАВЫКОВ АВТОРА ПИСЬМЕННОГО РЕЧЕВОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ.
ОПЫТ ПРАКТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Хоменко Анна Юрьевна

НПО «Эксперт Союз», эксперт-лингвист,
специализация «лингвокриминалистика»,
аспирант, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
603155, г. Нижний Новгород, Большая Печерская улица, 25/12,
khomenko.anna.1989@gmail.com

В настоящем исследовании освещается проблема намеренного искажения речевых навыков пишущего. Под намеренным искажением понимается искажение, вызванное как интенцией автора текста, так и обстоятельствами внешней среды (например, волей третьих лиц). Материалом для исследования послужил документ правового оборота: явка с повинной известного лица А. Документ был подвергнут лингвистическому анализу в рамках судебного разбирательства в связи с вопросом об оказании давления на лицо А со стороны правоохранительных органов при составлении текста указанной явки с повинной. Именно поэтому возник вопрос, наличествуют ли искажения речевых навыков автора в анализируемом документе (такое искажение косвенно свидетельствует о наличии давления). Важно, что в данном случае авторство текста лицом А не отрицается.

При исследовании документа языковые единицы подвергались анализу с точки зрения эмиического уровня системы номинаций в свете учения о языковой личности. Исследование включало два этапа: собственно лингвистический и квантитивно-лингвистический анализ.

Результатом исследования явилась математическая модель фрагмента языковой личности автора явки с повинной (в совокупности со сравнительными образцами его письменной речи). Указанная модель выявила несоответствие речевых навыков, эксплицированных в тексте явки с повинной, устойчивым речевым навыкам лица А.

Ключевые слова: языковая личность, идиостиль, речевая компетенция, лингвистическое моделирование, стилостатистический анализ

Введение

Вопрос об искажении речевых навыков пишущего актуален на современном этапе развития науки о языке для областей, связанных с: а) судебным автороведением и судебными лингвистическими экспертизами (установление авторства текста, установление отнесенности к какой-либо социальной группе автора текста и пр.); б) лингвистическими дисциплинами, изучающими политический дискурс, социальные медиа (блоги политиков, создающие их медиаобразы, авторство логов в социальных сетях и др.).

Понятие «речевые навыки» напрямую связано со следующим рядом терминов: автор текста, индивидуальный авторский стиль, языковая личность.

Автор текста – «создатель письменного произведения. Автор обладает основной для атрибуции именно его текстов особенностью – идиостилем, или индивидуальным стилем» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2011: 95]. **Идиостиль** – «совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, ученого, публициста, а также отдельных носителей данного языка» [там же: 95]. Проблему идиостиля наиболее детально с точки зрения психологических основ речи разрабатывает теория **языковой личности** (ЯЛ), созданная в отечественном языкознании акад. В.В. Виноградовым и затем отрефлексируемая Ю.Н. Карауловым и другими лингвистами. Согласно методологии Ю.Н. Караулова, языковая личность может пониматься как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [Караулов 1987: 104].

Методика исследования. Языковая личность

Структура ЯЛ может рассматриваться как совокупность трех уровней, а именно:

«1) *вербально-семантический* уровень, лексикон личности, понимаемый в широком смысле, включающий также фонд грамматических знаний личности;

2) *лингвокогнитивный*, представляющий тезаурус личности, в котором запечатлен «образ мира», или система знаний о мире;

3) *мотивационный*, уровень деятельностно-коммуникативных потребностей, отражающий прагматикон личности: систему ее целей, мотивов, установок и интенциональностей» [Караулов 1987: 53].

Ядром ЯЛ является набор так называемых речевых компетенций. **Речевая компетенция** – «свободное практическое владение речью на данном языке <...> умение производить и понимать речь в любом функциональном стиле» [Энциклопедический словарь по психологии и педагогике 2013]; «часть коммуникативной компетенции» [Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) 2009: 251].

Языковая личность предполагает сформированность ряда компетентностей, характеризующих ее речевое поведение: языковой компетентности, речевой компетентности, коммуникативной компетентности [Манаенкова 2014: 224]. Так, пишущий всегда обладает совокупностью авторски маркированных черт, составляющих устойчивый комплекс. Существуют коммуникативные ситуации, когда пишущий по своей воле или под давлением обстоятельств внешней среды намеренно искажает свои речевые навыки. В случае анализируемого в статье текста речь не идет о том, что его автором не является заявленное лицо; в настоящем исследовании освещается проблема несоответствия/неполного соответствия речевой манеры заявленного автора в исследуемом документе его обычной, стандартной манере речепорождения. Рассматриваемая проблема и задает методические особенности анализа текста.

Как уже было отмечено, «языковую личность определяет идиостиль, его особенности на трех уровнях ЯЛ (и на всех уровнях языка). При анализе этих уровней

решаются диагностические (поисковые) и классификационные задачи. Исследователь пытается найти наиболее характерные для автора элементы лексики, оттенки смысла, наиболее значимые идеологемы, аксиологемы, культуремы, определить, какие речевые стратегии и тактики присущи данному автору, то есть определить набор характерных для пишущего речевых компетенций. После поиска этих элементов их необходимо распределить по группам и иерархически выстроить. Этот классификационный этап удобнее всего осуществлять посредством лингвистического моделирования, то есть создания модели, описывающей языковую личность автора» [Хоменко 2014: 15].

Методика исследования. Лингвистическое моделирование

Модель «(через франц. *modèle*, от лат. *modulus* — «мера, лад») – аналог реальной действительности, созданный с помощью определенного условного аппарата: математического – в математике (математическая модель), образного – в искусстве (модель в искусстве), языкового и речевого – в лингвистике (лингвистическая, речевая, языковая модель)» [Лингвистический энциклопедический словарь 2002].

Модель в языкознании – «искусственно созданное лингвистом реальное или мысленное устройство, воспроизводящее, имитирующее своим поведением (обычно в упрощенном виде) поведение какого-либо другого («настоящего») устройства (оригинала) в лингвистических целях» [там же].

Иначе говоря, модель есть создаваемый с целью получения и (или) хранения информации специфический объект, отражающий свойства, характеристики и связи объекта-оригинала произвольной природы, существенные для задачи, решаемой субъектом.

А.Ф. Лосев писал о том, что основная задача лингвистического моделирования – «установление тех или иных структур, но не разыскивание новых языковых фактов, приведение в систему полученных эмпирическим путем языковых данных, что делает языковые категории более ясными, определенными, максимально четко сформулированными и систематизированными» [Лосев 2004: 52].

С другой стороны, при дальнейшей разработке методики языкового моделирования ученые приходят к выводу, что «модель, воспроизводя какой-либо онтологически языковой объект, должна не столько схематизировать его, сколько генерировать новые знания об объекте» [Белоусов 2010: 95].

Итак, под моделью понимается такая «мысленно представляемая или материально реализованная система, которая отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что его изучение дает нам новую информацию о нем» [Штофф 1966: 19].

Ю.Д. Апресян также обращает внимание на то, что «модель должна предсказывать поведение объекта и объяснять его» [Апресян 1966: 81].

«В теоретической лингвистике часто используются следующие типы моделей:

- компонентные модели, или модели структуры (из чего сделан *X*);
- предсказывающие модели (предсказать поведение *X* в тех или иных обстоятельствах);
- имитирующие модели (внешне вести себя как *X*);
- диахронические модели (как и почему меняется *X* с течением времени)»

[Баранов 2001: 11].

Модель, построенная с помощью анализа текста посредством лингвистических методик, является **компонентной** и, получается, собственно лингвистической, содержащей лишь лингвистическую сигнатуру и все еще основанной на субъективной интерпретации языкового знака исследователем. Ведь именно исследователь выделяет ключевые элементы, основываясь, естественно, на некоторых объективных фактах, как-то: сильные позиции текста, повторяемость лексем, тематическая сетка текста и пр., – но все равно понимая их по-своему, приписывая им определенные самим исследователем смыслы. Речь не идет о том, что такая модель недостоверна. Такая модель описывает, из чего состоит идиостиль автора. Для того чтобы анализировать текст по таким компонентным моделям, нужно будет вновь использовать вторичную интерпретацию, которая вновь накладывает критерий субъективности.

Нам же для идентификации авторских стилистических черт желательно предсказать вероятностную модель, то есть такую, которая будет более лабильна, действительна в определенных интервалах при различных условиях. Эту модель можно назвать **предсказывающей**, моделью, которая способна дать новую информацию об объекте.

Для построения такой модели в данном исследовании предлагается подключить к анализу методы квантитативной лингвистики и стилостатистики (стилеметрии).

Методика исследования. Стилостатистика

Название «**квантитативная лингвистика**» «характеризует междисциплинарное направление в прикладных исследованиях, в котором в качестве основного инструмента изучения языка и речи используются количественные или статистические методы анализа» [Баранов, 2001: 40]. **Стилеметрия** же – это «количественная стилистика» [там же]. «**Стилостатистический метод анализа текста** — это применение инструментария математической статистики в области стилистики для решения определенных задач. Стилостатистический метод (=методика) анализа является двуединым качественно-количественным» [Хоменко 2014: 17].

Методика исследования. Функциональный стиль

Для определения авторского идиостиля необходимо знать, в каком функциональном стиле создано то или иное речевое произведение, ибо лингвисту важно понимать, соответствуют ли употребленные автором речевые средства инструментария этого стиля, что напрямую говорит исследователю об уровне речевой компетентности пишущего и наборе речевых компетенций как части его ЯЛ. *Это особенно важно именно при поиске искажений речевых навыков автора, поскольку во многом именно стилеобразующие текстовые признаки могут быть сфальсифицированы.*

Функциональный стиль – «разновидность литературного языка, в которой язык выступает в той или иной социально значимой сфере общественно-речевой практики людей и особенности которой обусловлены особенностями общения в данной сфере» [Лингвистический энциклопедический словарь 2002].

Исследование. Подготовительный этап

Итак, представим, каким же образом лингвистическое моделирование языковой личности может быть использовано как инструмент выявления искажений речевых навыков автора письменного речевого произведения на практике.

Задача: определить, 1) имеется ли в тексте СП (спорный текст) признаки искажения речевых навыков автора А в сравнении с образцами письменной речи (СО – сравнительный образец) этого же автора А; 2) если в тексте СП имеются признаки искажения речевых навыков автора А, могут ли они говорить о том, что текст СП написан по готовому речевому шаблону или под диктовку.

Описание материала. Текст СП представляет собой явку с повинной некоего лица А. Сравнительные образцы (текст СО) – жалобу прокурору. Объем СО – 712 слов. Объем СП – 924 слова. Исходя из параметров коммуникативных ситуаций, в рамках которых функционируют тексты, а также их наполнения, следует говорить, что оба текста относятся к официально-деловому стилю речи, подразумевающему, как и любой другой, определенные стандарты оформления, синтаксиса, лексического наполнения и пр.

Следовательно, целесообразно анализировать проявление **стилевых** черт в обоих текстах и провести их сопоставление. Реализация или нереализация тех или иных черт официально-делового стиля показывают уровень речевых компетенций автора. Соответственно, качественный и количественный анализ проявлений тех или иных особенностей стиля показывает разницу и сходство в проявлениях речевых компетенций.

Речевые навыки и речевые компетенции рассматриваются как реализация фрагмента языковой личности (ЯЛ) автора. Как следствие, тексты анализируются на всех уровнях языка (за исключением фонетического, поскольку исследованию подвергнут письменный текст): морфологическом, лексическом, синтаксическом, – также проводится анализ стилистики.

Исследование. Лингвистический и лингво-статистический анализ

Таким образом, настоящее исследование строится следующим образом:

I. С помощью изучения специальной литературы производится анализ стилеобразующих характеристик официально-делового стиля речи. Выделяются наиболее релевантные параметры для анализа.

II. Производится предварительный анализ каждого из текстов с целью определения, какие аутентичные, индивидуально-авторские, не характерные для большинства текстов данного стиля черты встречаются в тексте СО и тексте СП.

III. Определяется конечный набор параметров для анализа с учетом стилеобразующих и индивидуально-авторских параметров. Важно, что параметры анализируются на всех уровнях языка, с точки зрения стилистики и в соответствии с теорией ЯЛ.

IV. Производится поиск всех реализаций каждого параметра и подсчет абсолютной частоты каждого из параметров в СП и СО. Строятся лингвистические модели фрагментов ЯЛ автора СО и ЯЛ автора СП. Данные модели сравниваются на предмет их сходств и различий. Формируется промежуточный вывод о том, имеется ли в тексте СП признаки искажения речевых навыков автора в сравнении с образцами письменного речевого материала. При условии, что все необходимые для конкретного стиля компетенции проявляются в текстах в одинаковом относительном объеме (объеме, рассчитанном в соответствии с различным количеством слов в текстах), следует говорить о сходстве речевых навыков пишущего. При условии, что относительный объем реализаций признаков различный, следует говорить о признаках искажения речевых навыков пишущего.

Этот этап также является подготовкой для машинного анализа.

V. Машинный анализ. Квантитативные и стилеметрические преобразования данных, полученных в результате анализа фрагмента ЯЛ автора СП и ЯЛ автора СО.

1) Определение выборочных частот. Механический подсчет того, сколько раз параметр реализуется в каждом тексте.

2) Определение средневывборочной частоты (1).

$$\bar{x} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n x_i = \frac{1}{n} (x_1 + \dots + x_n)$$

формула 1, –

где x_i – i -й элемент выборки, n – объем выборки.

3) Определение отклонения выборочных частоты от средневывборочной частоты (определение среднеквадратического отклонения (2)).

$$s = \sqrt{\frac{n}{n-1} \sigma^2} = \sqrt{\frac{1}{n-1} \sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2}$$

формула 2, –

где σ^2 – дисперсия; x_i – i -й элемент выборки; n – объем выборки; \bar{x} – среднее арифметическое выборки (средневывборочная частота).

4) Определение релевантных параметров для дальнейшего анализа. Определяется по t -критерию Стьюдента (3).

$$t = \frac{|x_1 - x_2|}{\left(\frac{\sigma_1^2}{n_1} + \frac{\sigma_2^2}{n_2}\right)^{1/2}}$$

формула 3, –

где x_1, x_2 – средние арифметические; σ_1^2, σ_2^2 – стандартное отклонение; n_1, n_2 – объемы выборок.

5) Переход от реальных объектов к их математическим моделям (как для текста-образца, так и для спорного текста), то есть описание выделенных в ходе предшествующего анализа параметров с помощью условной сигнатуры. Формирование матриц данных.

6) Сравнение двух моделей. Для сравнения моделей используется коэффициент корреляции между однородными параметрами (4). Этот коэффициент показывает, насколько близки две модели. Чем ближе значение этого коэффициента к 1, тем более близки модели в качественном отношении.

$$r_{XY} = \frac{cov_{XY}}{\sigma_X \sigma_Y} = \frac{\sum(X - \bar{X})(Y - \bar{Y})}{\sqrt{\sum(X - \bar{X})^2 \sum(Y - \bar{Y})^2}}$$

формула 4, –

где $\bar{X} = \frac{1}{n} \sum_{t=1}^n X_t$, $\bar{Y} = \frac{1}{n} \sum_{t=1}^n Y_t$ – средние значения выборок. Коэффициент корреляции вычисляется встроенной функцией Microsoft Excel 2007 [Хоменко 2014: 20-22].

7) Формируется промежуточный вывод о том, имеется ли в тексте СП признаки искажения речевых навыков автора в сравнении с образцами письменного речевого материала. Так, при условии, что коэффициент корреляции между моделями фрагментов ЯЛ автора СП и ЯЛ автора СО высокий, близок к единице, следует говорить о сходстве речевых навыков пишущего. При условии, что коэффициент корреляции между моделями фрагментов ЯЛ автора СП и ЯЛ автора СО низкий, далек от 100%, следует говорить о признаках искажения речевых навыков пишущего.

VI. Формируется окончательный вывод о том, имеется ли в тексте СП признаки искажения речевых навыков автора в сравнении с образцами письменного речевого материала, а также о том, могут ли признаки искажения речевых навыков автора (при условии наличия этих признаков) говорить о том, что текст СП написан по готовому речевому шаблону или под диктовку.

Следует отметить, что авторство обоих текстов не отрицается, то есть тот факт, что автором Явки с повинной и текста сравнительных образцов является одно лицо, исходя из результатов предварительного анализа, с лингвистической точки зрения неопровержим: в текстах встречаются сходные признаки на всех уровнях языка и языковой личности (грамматические и орфографические ошибки, относящиеся к одним и тем же классам; схожее пунктуационное оформление и пр.). Непосредственное определение авторства текстов не является предметом настоящего исследования, поэтому данный вопрос не разработан детально. Тем не менее, опираясь на исходную информацию, специалист принимает постулат о том, что автором спорного текста и сравнительных образцов является одно лицо. Как следствие имеем возможность говорить именно о признаках искажения навыков письма, а не о различном авторстве текстов.

I, II, III. По результатам анализа специализированной литературы, описывающей проблему характерных для официально-делового стиля черт [Аврорин 2005, Шмелев 2007], и с учетом индивидуально-авторских параметров, типичных для речепорождения автора А (аутентичных, индивидуально-авторских, не характерных для большинства текстов данного стиля черт), конечный набор параметров для анализа выглядит следующим образом (авторски маркированные параметры выделены полужирным шрифтом):

Таблица 1

Набор параметров для построения моделей фрагментов ЯЛ автора СП и ЯЛ автора СО

№ параметра	Наименование параметра
N 1	Настоящее время глагола с семантикой предписания
N 2	Краткие прилагательные модального характера, модальные слова
N 3	Конструкции с пассивным залогом
N 4	Сложные отыменные и составные предлоги

N 5	Цепи родительных падежей
N 6	Отглагольные существительные
N 7	Использование нормативных, общепринятых сокращений
N 8	Лексика с семантикой волеизъявления
N 9	Специальная лексика, употребляемая в сфере законодательства
N 10	Терминология, относящаяся к сфере нефтедобычи
N 11	Наличие в речи лексики, характерной для официально-делового стиля речи
N 12	Эмоционально окрашенная лексика, лексика, характерная для разговорного стиля речи
N 13	Частое использование <u>нормативных</u> сложноподчиненных предложений с придаточными условия
N 14	Преобладание союзной связи в сложных предложениях между их частями
N 15	Предложения с бессоюзной связью
N 16	Наличие объемных рядов однородных членов
N 17	Частое употребление номинативных предложений с перечислением
N 18	Ограниченность употребления многих видов односоставных предложений
N 19	Наличие в речи развернутой предикации (сложных и осложненных синтаксических структур)
N 20	Наличие в речи неполных предложений с отсутствием семантики конкретизации
N 21	Наличие лексических повторов
N 22	Отсутствие синонимии
N 23	Большое количество устойчивых оборотов, характерных для официально-делового письма
N 24	Наличие в речи клише
N 25	Наличие в речи индивидуализирующих элементов (за исключением орфографических и пунктуационных, а также некоторых классов грамматических ошибок)

IV. Далее лингвист занимается поиском всех реализаций каждого параметра и подсчетом абсолютной частоты каждого из параметров в СП и СО, а также созданием компонентных лингвистических моделей фрагментов ЯЛ автора СО и ЯЛ автора СП.

Далее приведен **фрагмент** Таблицы 2 (в полной вариации таблицы представлены все 25 параметров со всеми реализациями), содержащей реализации (при цитировании авторские орфография и пунктуация сохранены) каждого признака в обоих текстах:

Таблица 2

Параметры сравнения языковых моделей СП и СО с реализациями

Параметр сравнения	СО, реализации	СО, абсолютная частота реализаций	СП, реализации	СП, абсолютная частота реализаций
<i>Уровень морфологии</i>				
Настоящее время глагола с семантикой предписания		0		0
Отглагольные существительные	«поведения», «работников», «сотрудники», «обыск», «обыска», «жильцов», «при осмотре», «сотрудники», «разрешения», «охоту», «путевка», «после обыска», «на каком основании», «обыск», «на основании», «обыска», «на работе», «рождения», «свидетели», «после допроса», «до допроса», «в охране», «о подписке», «о невыезде», «у водителя»	25	«хищение», «хищения», «осмотрщик», «кражи», «предложение», «осмотрщиком» «для хищения», «хищения», «подготовку», «оборудования», «для хищения», «хищений», «реализации», «участия», «организаторами», «осмотрщик», «нахождении», «контроль», «за осуществлением», «хищением», «хищения», «хищения», «подготовку» и пр.	52
<i>Уровень лексики</i>				
Лексика с семантикой волеизъявления	«нужно осмотреть», «я должен», «это положено»	3	«должен был расставлять», «должен был сообщать»,	2
Наличие в речи лексики, характерной для официально-делового стиля речи	«сотрудники полиции», «Сотрудники полиции», «изъяли из сейфа», «изъяли их», «изъяли из квартиры»	5	«зарегистрирован и проживающий», «Хочу сообщить...», «по факту совершенных», «в составе группы лиц а именно о роле каждого из участников группы и его деятельности», «проживающий по адресу», «совместно с ним осуществлять хищение нефти продуктов», «он совместно с NNN осуществляет хищение нефти продуктов», «в должности осмотрщик вагонов», «на данное предложение» и пр.	131

<p>Эмоционально окрашенная лексика, лексика, характерная для разговорного стиля речи (разговорная и эмоционально окрашенная лексика не является чертой, характерной для официально-делового стиля речи, тем не менее, данная черта присутствует в речи автора и объем ее реализации - релевантный признак для сравнения моделей)</p>	<p>«в недостойном поведения», «ввалились», «все равно настаивали на своем», «но какие документы на ножи», «или будет хуже», «Я перепугался», «досудебку», «я не знал что и ответить я просто промолчал», «чего писать», «Так дело не пойдет», «чего делал», «переписывал ее еще два или три», «всего этого, что случилось там в отделе», «на маршрутке», «сел в маршрутку», «около 12 часов ночи», «эта маршрутка», «было некуда» и пр.</p>	<p>32</p>	<p>«ничего нету интересного», «держателей»</p>	<p>2</p>
<p><i>Уровень синтаксиса</i></p>				
<p>Частое использование <u>нормативных</u> сложноподчиненных предложений с придаточными условия</p>	<p>0</p>	<p>0</p>		
<p>Преобладание союзной связи в сложных предложениях между их частями</p>	<p>«После чего они обыскав квартиру сказали, что-бы я открыл оружейных сейф отца и хозяина квартиры», «Я сказал что у меня нет ключей от сейфа но они все равно настаивали на своем», «Мне пришлось позвонить отцу, объяснив все что случилось», «Отец сказал сказал где лежит ключ от сейфа, при осмотре я им говорил что это не мой сейф но они не слушали меня» и пр.</p>	<p>59</p>	<p>«стало известно, что он совместно с NNN осуществляет хищение нефти продуктов, так как я работаю в должности осмотровщик вагонов», «известен, по этому на данное предложение я согласился» и пр.</p>	<p>17</p>

Стилистика			
Наличие в речи клише	0	«Хочу сообщить...», «по факту совершенных мной преступлений», «проживающий по адресу», «в ноябре 2012 г точную дату в настоящее время не помню», «мне совместно с ним осуществлять хищение», «стало известно, что он совместно с NNN осуществляет хищение», «С NNN у меня товарищеские отношения» и пр.	37
<...>			

Из лингвистического анализа СП и СО следует, что между моделями фрагмента ЯЛ автора СП и фрагмента ЯЛ автора СО есть некоторые сходства. Тем не менее различаются приведенные модели в большей степени, что ярко видно из сопоставления относительных частот параметров анализа в двух моделях:

Таблица 3

Относительная частота (значение относительной частоты получается посредством деления частоты абсолютной на количество слов в тексте) встречаемости параметра в текстах СО и СП

Номер параметра	Наименование параметра	СО, относительная частота	СП, относительная частота
N 1	Настоящее время глагола с семантикой предписания	0	0
N 2	Краткие прилагательные модального характера, модальные слова	0,421348	0,21645
N 3	Конструкции с пассивным залогом	0,140449	0,4329
N 4	Сложные отыменные и составные предлоги	0,421348	1,731602
N 5	Цепи родительных падежей	0	0
N 6	Отглагольные существительные	3,511236	5,627706
N 7	Использование нормативных, общепринятых сокращений	0	0,974026
N 8	Лексика с семантикой волеизъявления	0,421348	0,21645
N 9	Специальная лексика, употребляемая в сфере законодательства	4,073034	3,571429

N 10	Терминология, относящаяся к сфере нефтедобычи	0	2,813853
N 11	Наличие в речи лексики, характерной для официально-делового стиля речи	0,702247	14,17749
N 12	Эмоционально окрашенная лексика, лексика, характерная для разговорного стиля речи	4,494382	0,324675
N 13	Частое использование нормативных сложноподчиненных предложений с придаточными условия	0	0
N 14	Преобладание союзной связи в сложных предложениях между их частями	8,286517	1,839827
N 15	Предложения с бессоюзной связью	3,370787	1,298701
N 16	Наличие объемных рядов однородных членов	0,140449	0,541126
N 17	Частое употребление номинативных предложений с перечислением	0	0
N 18	Ограниченность употребления многих видов односоставных предложений	2,52809	0
N 19	Наличие в речи развернутой предикации (сложных и осложненных синтаксических структур)	18,96067	6,493506
N 20	Наличие в речи неполных предложений с отсутствием семантики конкретизации	1,685393	0
N 21	Наличие лексических повторов	0,842697	4,545455
N 22	Отсутствие синонимии	0,702247	4,437229
N 23	Большое количество устойчивых оборотов, характерных для официально-делового письма	0	11,79654
N 24	Наличие в речи клише	0	4,004329

N 25	Наличие в речи индивидуализирующих элементов (за исключением орфографических и пунктуационных, а также некоторых классов грамматических ошибок)	4,775281	0,649351
------	---	----------	----------

Так, судя по относительной частоте, значительные отличия в реализации речевых компетенций автора имеют место в репрезентации следующих параметров:

- сложные отыменные и составные предлоги;
- отглагольные существительные;
- использование нормативных, общепринятых сокращений;
- лексика с семантикой волеизъявления;
- терминология, относящаяся к сфере нефтедобычи;
- эмоционально окрашенная лексика, лексика, характерная для разговорного стиля речи;
- наличие в речи лексики, характерной для официально-делового стиля речи;
- преобладание союзной связи в сложных предложениях между их частями;
- предложения с бессоюзной связью;
- наличие в речи развернутой предикации (сложных и осложненных синтаксических структур);
- ограниченность употребления многих видов односоставных предложений;
- наличие лексических повторов;
- отсутствие синонимии;
- наличие в речи неполных предложений с отсутствием семантики конкретизации;
- большое количество устойчивых оборотов, характерных для официально-делового письма;
- наличие в речи клише;
- наличие в речи индивидуализирующих элементов (за исключением орфографических и пунктуационных, а также некоторых классов грамматических ошибок).

В семнадцати признаках из двадцати пяти наблюдаются серьезные расхождения в относительной частоте анализируемых параметров, что говорит о признаках искажения речевых навыков пишущего, поскольку наблюдается различный качественный уровень реализации анализируемых речевых компетенций.

Таким образом, в результате собственно лингвистического анализа было выявлено, что в тексте СП и тексте СО большинство речевых компетенций пишущего проявляются в различной степени, в различном относительном объеме, из чего следует, что в тексте Явки с повинной, тексте СП, наблюдается наличие признаков искажения речевых навыков автора в сравнении с образцами письменного речевого материала автора А.

V. Машинный анализ. Квантитативные и стилеметрические преобразования данных, полученных в результате анализа фрагмента ЯЛ автора СП и ЯЛ автора СО, проходили по представленному выше алгоритму. При определении релевант-

ных параметров для дальнейшего анализа критическое значение – в таблице пересечение уровня степеней свободы (количества параметров-1: $25 - 1 = 24$) и вероятность 0,99. В данном случае t-статистика равна $25-1=24 \Rightarrow 3,7454$.

Релевантными для исследования оказались следующие параметры по нисходящей: N 11, N 22, N 21, N 4, N 16, N 3, N 6, N 9, N 2, N 8, N 15, N 19, N 14, N 25, N 12.

5) На основе этих параметров были созданы две математические модели: модель фрагмента ЯЛ автора СП и фрагмент ЯЛ автора СО.

Таблица 4

Модели фрагментов ЯЛ автора СП и ЯЛ автора СО

Параметр	Класс	
	Ω_{CO}	$\Omega_{СП}$
	x_i	x_i
N 11	0,007022	0,141775
N 22	0,007022	0,044372
N 21	0,008427	0,045455
N 4	0,004213	0,017316
N 16	0,001404	0,005411
N 3	0,001404	0,004329
N 6	0,035112	0,056277
N 9	0,04073	0,056277
N 2	0,004213	0,002165
N 8	0,004213	0,002165
N 15	0,033708	0,012987
N 19	0,189607	0,064935
N 14	0,082865	0,018398
N 25	0,047753	0,006494
N 12	0,007022	0,141775

Где:

Ω_{CO} – модель фрагмента ЯЛ автора СО;

$\Omega_{СП}$ – модель фрагмента ЯЛ автора СП;

x_i – средневыборочная частота.

6) Далее с помощью вычисления коэффициента корреляции данных моделей определяем, насколько модели схожи. Коэффициент корреляции для данных моделей равен 0,183186276259291, то есть **18%**.

7) Коэффициент корреляции между моделями очень низок, что говорит о расхождении в реализации речевых компетенций пишущего, а следовательно, о том, что в тексте СП наличествуют признаки искажения речевых навыков автора А в сравнении с образцами письменного речевого материала этого же автора.

VI. Так, результаты двух видов анализа, собственно лингвистического и квантитативно-лингвистического, свидетельствуют о том, что в тексте Явки с повинной, тексте СП, наблюдается наличие признаков искажения речевых навыков автора в сравнении с образцами письменного речевого материала автора А.

Исследование. Вывод

Итак, по результатам исследования удалось выявить намеренное искажение речевых навыков пишущего в документе, поименованном Явка с повинной. Определение, вызвано ли это искажение интенцией автора текста или обстоятельствами внешней среды (например, волей третьих лиц), не входит в компетенцию лингвиста. Тем не менее исследователь, исходя из архитектоники текста и его наполнения (языковых средств, присутствующих в нем), с уверенностью может сказать, что признаки искажения речевых навыков могут говорить о том, что текст Явки с повинной написан по готовому речевому шаблону или под диктовку.

При определении признаков искажения речевых навыков пишущего как инструмент были использованы приемы лингвистического моделирования. Как показывает практическое исследование, языковое моделирование в совокупности с методами анализа языковой личности и квантитативной лингвистики является очень продуктивным. Лингво-математическая модель дает возможность получить наиболее взвешенный результат, наиболее сбалансированную и полную модель языковой личности пишущего, которая, в свою очередь, позволяет сделать обоснованный вывод по поставленной проблеме.

Литература

- Аврорин В.А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л., 2005. 276 с.
- Апресян Ю.Д.* Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966. 301 с.
- Баранов А.Н.* Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 360 с.
- Белоусов К.Н.* Модельная лингвистика и проблемы моделирования языковой реальности // Вестник Оренбургского государственного университета Выпуск № 11 (117) / 2010. С. 94-97.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
- Кожина М.Н.* Стилостатистический метод анализа текста // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта; Наука. Под ред. М.Н. Кожин. 2003. С. 233-234.
- Лингвистический энциклопедический словарь. [Электронный ресурс] // Сайт «Академик» / URL: <https://les.academic.ru/688/> (дата обращения 10.10.2017).
- Лосев А.Ф.* Введение в общую теорию языковых моделей. М., 2010. 296 с.
- Манаенкова М.Р.* Речевая компетентность личности: содержание и структура. // Социально-экономические явления и процессы. Тамбов, 2014. Т.9. № 10. С. 223-231.
- Марусенко М. А.* Атрибуция анонимных и псевдонимных текстов методами прикладной лингвистики // Прикладное языкознание, СПб.: СПбУ- 1996. С. 466-479.

Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР. 2009. 448 с.

Родионова Е.С. Лингвистические методы атрибуции и датировки литературных произведений (К проблеме «Мольер – Корнель»). Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук, 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://epir.ru/pragmat!/projects/corneille/files/autoreferat.pdf> (дата обращения 15.10.2017).

Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. М.: ООО «Издательский дом «ОНИКС 21 век»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2003. 623 с.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной; члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сквородников. 2-е изд., испр. и доп. М. Флинта: Наука, 2006. 696 с.

Хоменко А.Ю. Методика идентификации автора письменного текста в судебном автороведении. Магистерская диссертация. Нижний Новгород: НИУ ВШЭ Нижний Новгород, 2014. 260 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/126020626> (дата обращения 15.10.2017).

Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. – М., 1977. 166 с.

Штофф В.А. Моделирование и философия / В.А. Штофф. М.; Л.: Наука, 1966. 304 с.

Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. 2013. [Электронный ресурс] // Сайт «Академик» / URL: http://psychology_pedagogy.academic.ru/19183/ (дата обращения 10.10.2015).

LINGUISTIC MODELING AS A TOOL FOR DETECTING DISTORTIONS IN SPEECH SKILLS OF A WRITTEN WORK AUTHOR (A CASE STUDY)

Anna Yu. Khomenko

Forensic Expert, major – Russian / Linguocriminalistics

IPA Expert Souz

PhD student, National Research University Higher School of Economics

25/12, Bolshaya Pecherskaya st., Nizhny Novgorod, 603155, Russia

khomenko.anna.1989@gmail.com

This study highlights the problem of the author's intentional distortion of writing skills. In the work, intentional distortion is understood as both the distortion caused by the intention of the author and the distortion caused by the external environment circumstances (e.g., the will of third parties). The person A's confession was selected as the material for the study. The document was subjected to linguistic analysis in the context of the trial in connection with the issue of exerting pressure on person A by law enforcement agencies when drafting the text of the confession. That is why the question whether there were any distortions of the author's speech skills in the analyzed document appeared (this

distortion indicates indirectly the presence of pressure). It is important that in this case the authorship of the text by A is not denied.

While studying the document, the language material was analyzed in the light of the language personality approach. The study included two phases: linguistic analysis, and quantitative-linguistic analysis.

The result of the study was a mathematical model of the linguistic personality of the confession author (along with comparative samples of his written speech). The model revealed a discrepancy between the speech skills, explicated in the confession, and the stable speech skills of the person A.

Keywords: language personality, individual speech style, speech competence, linguistic modeling, stylististics

Refer ences

Avrorin V.A. (2005) Problemy izucheniya funkcional'noj storony yazyka [Problems of Studying the Functional Side of Language]. L. 276 P. Print. (In Russian).

Apresyan Yu.D. (1966) Idei i metody sovremennoj strukturnoj lingvistiki [Ideas and Methods of Modern Structural Linguistics]. Moscow. 301 P. Print. (In Russian).

Baranov A.N. (2001) Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku: Uchebnoe posobie [Introduction to Applied Linguistics: Textbook]. Moscow: Editorial URSS. 360 P. Print. (In Russian).

Belousov K.N. (2010) Model'naya lingvistika i problemy modelirovaniya yazykovoj real'nosti [Model Linguistics and Problems of Linguistic Reality Modeling]. // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Orenburg State University Bulletin] 11 (117): 94-97. Print. (In Russian).

Karaulov Yu. N. (1987) Russkij yazyk i yazykovaya lichnost' [The Russian Language and the Language Personality]. Moscow: Nauka. 264 P. Print. (In Russian).

Kozhina M.N. (2003) Stilostatisticheskij metod analiza teksta [Stylististical Method of Text Analysis] // Stilisticheskij e'nciklopedicheskij slovar' russkogo yazyka [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language. Edited by M.N. Kozhina]: 233-234. Moscow: Flinta; Nauka. Print. (In Russian).

Lingvisticheskij e'nciklopedicheskij slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. 2002. Web. URL: <https://les.academic.ru/688/> (retrieval date 10.10.2017).

Losev A.F. (2010) Vvedenie v obshhuyu teoriyu yazykovyx modelej [Introduction to the General Theory of Language Models]. Moscow. 296 P. Print. (In Russian).

Manaenkova M.R. (2014) Rehevaya kompetentnost' lichnosti: sodержanie i struktura [Speech Competence of the Individual: Content and Structure]. // Social'no-e'konomicheskie yavleniya i processy [Socio-economic Phenomena and Processes. Vol.9] 10: 223 - 231. Print. (In Russian).

Marusenko M. A. (1996) Atribuciya anonimnyx i psevdonimnyx tekstov metodami prikladnoj lingvistiki [Attribution of Anonymous and Pseudonymous Texts Using Applied Linguistics Methods] // Prikladnoe yazykoznanie [Applied Linguistics]: 466-479. Saint-Petersburg. Print. (In Russian).

Novyj slovar' metodicheskix terminov i ponyatij (teoriya i praktika obucheniya yazykam) (2009) [A New Dictionary of Methodological Terms and Concepts (theory and practice of languages teaching)]. Moscow: Izdatel'stvo IKAR. 448 P. Print. (In Russian).

Rodionova E.S. (2008) *Lingvisticheskie metody atribucii i datirovki literaturnyx proizvedenie (K probleme «Mol'er - Kornel'»)* [Linguistic Methods of Attribution and Dating of Literary Works (On the Issue of «Moliere - Cornel»)]. Avtoreferat dissertacii na soiskanie stepeni kandidata filologicheskix nauk. Web. URL: <http://epir.ru/pragmat!/projects/corneille/files/autoreferat.pdf> (retrieval date: 15.10.2017).

Spravochnik po russkomu yazyku. Slovar' lingvisticheskix terminov (2003) [A Handbook of the Russian Language. Dictionary of Linguistic Terms. Ed. by D.E. Rozen-tal', M.A. Telenkova]. Moscow: ONYX 21 century: World and Education. 623 P. Print. (In Russian).

Stilisticheskij e'nciklopedicheskij slovar' russkogo yazyka (2006) [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language. Ed. by M.N. Kozhina; members of the editorial board: E.A. Bazhenova, M.P. Kotyurova, A.P. Skovorodnikov. 2nd Ed]. Moscow. Flinta: Nauka. 696 P. Print. (In Russian).

Khomenko A. Yu. (2014) *Metodika identifikacii avtora pis'mennogo teksta v sudebnom avtorovedenii* [Identification Technique of Written Text Author in Forensic Authoring]. Master's thesis. Nizhnij Novgorod: Higher School of Economics. 260 P. Web. URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/126020626> (retrieval date: 15.10.2017).

Shmelev D.N. (1977) *Russkij yazyk v ego funkcional'nyx raznovidnostyax* [The Russian Language in Its Functional Varieties]. Moscow. 166 P. Print. (In Russian).

Shtoff V.A. (1966) *Modelirovanie i filosofiya* [Modeling and Philosophy] Moscow. Leningrad: Nauka. 304 P. Print. (In Russian).

Enciklopedicheskij slovar' po psixologii i pedagogike (2013) [Encyclopedic Dictionary of Psychology and Pedagogy]. Web. URL: http://psychology_pedagogy.academic.ru/19183/ (retrieval date^ 10.10.2015).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

**Всероссийская научная конференция
«Жизнь языка в культуре и социуме-7»
Москва, 01–02 июня 2018 г.**

01–02 июня 2018 г. отдел психолингвистики Института языкознания РАН совместно с Российским университетом дружбы народов провел Всероссийскую научную конференцию «Жизнь языка в культуре и социуме 7».

На пленарном заседании свои доклады представили такие известные исследователи, как Ирина Ивановна Валуйцева и Георгий Теймуразович Хухуни («Наука на национальном языке: излишество или необходимость?»), Игнатий Владимирович Журавлёв («Возможна ли бессловесная мысль?»), Виктория Владимировна Красных («Базовые метафоры лингвокультуры: возможные пути исследований»), Ольга Аркадьевна Леонтович («Лик современного города через призму медиаурбанистики»), Кирилл Яковлевич Сигал («Объективация аксиологической семантики в условиях речевого эксперимента»), Наталья Владимировна Уфимцева («Билингвизм и содержание языкового сознания»).

В течение двух дней на 10 секциях («Языковое сознание как методология исследования», «Функционирование этнического языкового сознания», «Русское языковое сознание: динамика и вариативность (конец XX–начало XXI вв.)», «Ценности современной России в психолингвистических исследованиях», «Би-, поли-, транслингвизм: теоретический анализ и практика», «Вербальные инструменты в различных речевых практиках», «Текст, претекст, интертекст, гипертекст: проблемы анализа», «Конфликтотенный текст в поликультурном коммуникативном пространстве», «Медиатекст в новой информационной среде», «Проблемы преподавания русского языка») было заслушано около 130 докладов исследователей из разных регионов России (Москва, Санкт-Петербург, Астрахань, Борисоглебск, Владимир, Волгоград, Воронеж, Иваново, Иркутск, Казань, Калуга, Коломна, Набережные Челны, Нижний Новгород, Новосибирск, Пермь, Сыктывкар, Тверь, Челябинск, Улан-Удэ, Уфа, Якутск).

На конференции был организован круглый стол «Русский научный язык: “за” и “против”», посвященный анализу проблемы русского языка как языка науки и сохранения статуса русской научной речи на фоне активного внедрения английского языка в российскую публикационную практику.

Проблематика конференции отразила весь спектр современных психолингвистических направлений. Особый интерес вызвало обсуждение коммуникативных исследований, в частности онлайн-коммуникаций: всё более актуальным становится поиск методов, методик и новых технологий анализа сетевого контента. Поскольку вербальный компонент – это всего лишь часть сетевого контента, то перспективным видится применение психолингвистических методик изучения мультимодального контента.

Большое внимание на конференции традиционно уделялось русскому языку и русской культуре, которым было посвящено 4 секции – «Русское языковое сознание:

динамика и вариативность (конец XX–начало XXI вв.), «Ценности современной России в психолингвистических исследованиях», «Би-, поли-, транслингвизм: теоретический анализ и практика», «Проблемы преподавания русского языка». Докладчики неоднократно отмечали необходимость сохранения собственной культуры и высокого уровня владения русским языком. Обширная география участников конференции, представленность большого числа региональных вузов свидетельствуют об активном развитии психолингвистических исследований в стране.

Оргкомитет конференции

**Резолюция конференции
«Жизнь языка в культуре и социуме-7»,
Москва, 1-2 июня, 2018**

Участники конференции, представляющие практически все регионы России, выражают глубокую озабоченность попыткой на основе анонимной и, по всей видимости, нелегитимной экспертизы, скрываемой от научного коллектива, закрыть тематику отдела психолингвистики Института языкознания РАН. По сути, ОИИФ РАН пытается дискредитировать и закрыть самое динамично развивающееся направление в отечественных лингвистических исследованиях.

Тематика и сама деятельность отдела психолингвистики Института языкознания РАН имеют широкий резонанс в научном сообществе России. Достаточно привести лишь несколько примеров: авторский коллектив сектора разработал и осуществил подготовку и издание масштабного Русского ассоциативного словаря (РАС) – новаторского формата представления языка в предречевой готовности. Эта работа в 2005 г. удостоена премии Президента РФ – редчайший случай в истории лингвистики и гуманитарного знания в целом.

Многолетняя работа по анализу динамики ассоциативно-вербальной сети позволила получить ценные и доказательные данные о специфике языкового сознания россиян – как русских, так и других народов России, ближнего и дальнего зарубежья. Иностранцы стажеры и аспиранты-исследователи показали, что ассоциативная картина мира отражает как социальную, так и культурную реальность; последнее – веский аргумент к ожесточившейся сегодня и принявшей идеологизированный характер полемике лингвоуниверсалистов (глобалистов) и лингводетерминистов.

В настоящий момент продолжается сбор экспериментального материала в разных регионах РФ в сотрудничестве с вузами для создания Русского регионального ассоциативного словаря, закончен первый (опрошено 15000 респондентов) и начат второй этап сбора экспериментальных данных (предполагается опросить около 25000 респондентов). По материалам первого этапа эксперимента созданы и размещены в интернете три региональные ассоциативные базы данных и словари - ЕВРАС, УРРАС и СИБАС.

Организация экспериментальной работы для пополнения и обновления общероссийского банка ассоциативно-вербальных данных самоценна: она создает перспективу ввода в научный оборот важнейшего эмпирического материала, имеющего междисциплинарную значимость. Уже на данном этапе очевидно, что ценность этого материала будет возрастать со временем, по мере развития разработок искусственного интеллекта и моделей обучения нейронных сетей, поскольку ассоциативно-вербальные сетевые модели, создание которых зависит от собираемого психолингвистами экспериментального материала, дают принципиально иные (по характеру и глубине проникновения в объект) знания о динамике речемыслительных процессов, поддающиеся измерению и снятые с **живого, социально детерминированного сознания носителей языка**. Эти знания будут востребованы в различных сферах жизнедеятельности. Исследование содержания и динамики смысловой структуры ассоциативно-вербальной сети позволяет по ряду актуальных аспектов взаимно верифицировать данные психолингвистических исследований с данными, которые в настоящее время получают этнологи, этносоциологи в этнополитических и этносоциологических исследованиях, например, в ИЭА РАН на другом эмпирическом материале. Особенно важна такая работа для исследования процессов идентификации на постсоветском пространстве в целях выявления точек напряженности и укрепления гражданского и цивилизационного единения, коллективной солидарности на содержательно-смысловом уровне. Использование материалов и фактических знаний, полученных в психолингвистических экспериментах, в процессе обучения студентами и аспирантами ещё и является инструментарием укрепления социокультурной и гражданской идентичности молодых россиян, существенно повышает мотивацию и связь их исследований с актуальными жизненными явлениями.

Важнейшее направление деятельности отдела психолингвистики – создание междисциплинарного дискуссионного поля в масштабах всей страны. Открытость сотрудников отдела для содержательного сотрудничества и критики, огромный опыт научно-организационной работы руководителей (Н.В.Уфимцевой и Е.Ф.Тарасова) создает атмосферу творческого научного обмена. Дискуссионной площадкой общероссийского масштаба с постоянным международным участием стали ежегодные конференции «Жизнь языка в культуре и социуме», которые проводятся в рамках тематики отдела психолингвистики. Ещё одной постоянно действующей дискуссионной площадкой является журнал «Вопросы психолингвистики», издающийся отделом психолингвистики с 2003 года.

Журнал входит в список ВАК и на русскую платформу Web of Science. Место в общем рейтинге SCIENCE INDEX за 2017 год – 628, место в рейтинге SCIENCE INDEX за 2017 год по тематике «Языкознание» – 5. Импакт-фактор журнала за

2017 г. – 0,882. Место в рейтинге по результатам общественной экспертизы – 345, средняя оценка по результатам общественной экспертизы – 3,177, число анкет с проставленной оценкой данному журналу – 265 (39,4%) (данные e-library). В редакционный совет журнала входят ведущие психолингвисты. Журнал является неофициальным органом Всероссийского общества психолингвистов. Тематика журнала отличается новаторским подходом и высокой актуальностью: в нем прошла дискуссия о языке и глобализации, постоянно публикуются материалы и исследования в области лингводиagnostики и, создается ее эмпирико-теоретический базис.

Отдел психолингвистики проводит также подготовку иностранных аспирантов, в частности, имеет широкие связи с Китайской народной республикой, способствуя развитию международного научного сотрудничества и распространению идей отечественной науки.

Недавнее открытие Научно-образовательного центра межкультурных исследований им. А.А. Леонтьева (под рук. Н.В.Уфимцевой) стало важным шагом для научного гуманитарного сообщества страны. Работа этого центра организована таким образом, что позволяет научному сообществу выработать критическую оценку получившему известность в XX в. во всем мире психолингвистическому наследию Московской школы психолингвистики. Здесь встречаются, представляют результаты своих исследований, ведут дискуссии, активно работающие в этом и смежных направлениях науки ученые.

Одно из важнейших прикладных направлений деятельности отдела психолингвистики – важный вклад в гармонизацию межнациональных отношений в РФ: в 2017 году в отделе закончилась работа над грантом РГНФ/РФФИ № 15-04-00378а «Конфликтотенные зоны в языковом сознании русских, коми, якутов, татар и бурят: межъязыковые параллели» (2015-2017, руководитель Н.В. Уфимцева). Отчет по гранту по решению экспертного Совета Фонда РФФИ получил первое место среди лингвистических проектов и сведения о нем были включены в сводный отчет Фонда для Правительства РФ. Исследования по гранту выполнялись на тех же методологических и теоретических основаниях и теми же экспериментальными методами, что и основная часть работ по забракованной экспертами ОИНФ теме.

Проводимые отделом ежегодные конференции «Жизнь языка в культуре и социуме» собирают ученых со всей страны и отличаются неизменным высоким научным уровнем, задавая стандарт психолингвистических исследований в стране.

Таким образом, деятельность отдела психолингвистики Института языкознания РАН – это получение нового знания (разумеется, не в изоляции от мировых тенденций), что отличает эту группу ученых от множества научных групп которые, как показано в социологии науки (Юревич, 2005), лишь адаптируют западные научные теории, не вырабатывая собственного знания.

В эпоху политизации гуманитарного знания, идеологизации концепций языка и усиления антироссийских интерпретаций в зарубежном гуманитарном знании через научный ревизионизм происходит еще и дискредитация коммуникативно мощных языков мира, в том числе – русского языка. Труды и научно-организационная деятельность отдела психолингвистики противостоят этому разрушительному для страны и культуры процессу, защищают отечественное культурное пространство.

Резолюция конференции

В свете изложенного вызывает, по меньшей мере, недоумение как мнение эксперта/тов в целом, так и утверждение о якобы имеющем место несоответствии темы Отдела психолингвистики Института языкознания РАН **0182-2014-0010 «Жизнь языка в культуре и социуме: психолингвистические аспекты»** неким мировым научным стандартам. Общим местом философии и социологии науки является сегодня признание специфичности национального гуманитарного знания как культурной практики.

Участники конференции призывают Президиум РАН и Министерство науки и высшего образования внимательно разобраться в происходящем и сохранить как тематику отдела психолингвистики, так и в целом важное и значимое научное направление.

